

Борис Ревчун

И Я ТАМ БЫЛ,
МЕД-ПИВО ПИЛ

Борис Ревчун

**И Я ТАМ БЫЛ,
МЕД-ПИВО ПИЛ**

**ВИДАВНИЦТВО
«МАВІК»**

ББК 85.363
УДК 792.73 (47+57)

Р 32 Б.Г. Ревчун

Б.Г. Ревчун «И я там был, мед-пиво пил»

Кировоград: ПВЦ «Мавик», 2013.

Публицистика – 2013 – 224с.

ISBN 978-966-7718-77-0

Борис Ревчун давно и широко известен как мастер юмористической и сатирической миниатюры. На этот раз он предстает перед читателем в качестве публициста и мемуариста. В сборник вошли избранные, ранее опубликованные в периодических изданиях статьи, страноведческо-краеведческие заметки, а также воспоминания автора о его встречах и сотрудничестве со звездами советской эстрады.

Все материалы книги плотно информативны, социально остры и увлекательны.

ББК 85.363
УДК 792.73 (47+57)

ISBN 978-966-7718-77-0

© Б. Ревчун, 2013

© ПВЦ «Мавик», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не буду скрывать, мне приятно, что я был среди тех, кто сподвиг Бориса Ревчуна на эту книгу. Не на написание, а на оформление и издание. С содержанием материалов, включенных в этот сборник, я знакомился постепенно, по частям, по мере публикации его будущих разделов и глав в газетах, преимущественно в еженедельнике «Украина-Центр». Конечно, моё «капанье на мозги» Борису не было решающим, но, как говорится, капля камень точит. И вот книга готова, и читатель сможет оценить ее достоинства. А таковых у книги – масса. Каждый без исключения очерк по своему интересен. Плотность и информативность текстов очень велика; чувствуется, что за каждой фразой – широкая эрудиция и большая подготовительная поисковая работа автора. Стиль изложения материала свидетельствует о том, что перед нами не только вполне профессиональный литератор, но и зрелый публицист с четкой, устоявшейся мировоззренческой позицией.

Уверен, каждый заметит и по достоинству оценит его незаурядное чувство юмора, местами переходящего в острую сатиру. Автор подкупает своей самоиронией, постоянным приглашением читателя к совместному поиску истины. Ему не присущи запелляционность суждений и оценок, самолюбование, назидательность. Палитра его изобразительных средств и приемов достаточно широка – от научного академизма до ерничанья и откровенного стеба, но при этом писатель не выходит за границы хорошего вкуса и такта. А подобное удачное балансирование на грани дискурсов и стилей – признак незаурядного мастерства. И еще: практически на всех его публицистических работах лежит печать его, пожалуй, главного таланта – юмориста-миниатюриста. Именно по этой «специализации» Бориса Ревчуна приняли в Национальный союз писателей Украины. И преимущественно в таком качестве его знали миллионы (без преувеличения) почитателей острого слова, ведь тиражи некоторых газет советского периода, например, «Комсомольской правды» и «Труда», где публиковались его афоризмы и карикатуры, били мировые рекорды среди ежедневных периодических изданий – соответственно 22 и 23 миллиона экземпляров каждого номера газеты!

Но у Бориса Ревчуна не только острый язык, но и острый взгляд. Помните старинный английский стишок о кошке, побывавшей у английской королевы? Так вот, Борис отнюдь не из тех, кто видит только «мышку на ковре». Он способен подмечать порой то, чего не разглядят многие другие. И не только подмечать,

но и оригинально интерпретировать и художественно «вкусно подавать» пищу для размышлений. А «объекты для наблюдений» судьба счастливо предоставляла ему в завидном количестве. Это и различные места учебы будущего писателя («его университеты»), и его разнообразные места работы и должности, и многочисленные города, веси и страны, в которых довелось побывать Борису. Но главное – ему везло на общение с незаурядными, порой, выдающимися людьми. Или не просто везло, а просто подобное всегда тянется к подобному? Конечно, все эти рефлексии о странах, событиях и людях можно как-то втиснуть и в афористичную форму отточенных миниатюр, но обычные прозаические тексты предоставляют для этого многие дополнительные возможности. Ими и не преминул воспользоваться Б. Ревчун, написав целую серию прекрасных публицистических материалов. На обложку сборника вынесено название последнего (в плане очередности) очерка книги как самого объемного и, с точки зрения автора, наиболее весомого. Мне, однако, кажется, что каждая вещь, отобранная для данного сборника, заслуживает не меньшего внимания. Будь я литературным критиком, обязательно указал бы, какая вещь сильнее, какая – слабее. На мой взгляд, коллеги по перу и друга, каждый текст по-своему интересен, а вкрапления «кировоградского диалекта» придают им особый колорит. Пусть сам читатель определяется с предпочтениями, но для этого надо прочесть всё, что я ему и советую.

Алексей Корепанов, член Союза писателей России

От автора

В сборник вошли полные версии некоторых ранее опубликованных в украинских газетах статей и воспоминаний автора. Материалы отличаются по языку, стилю, объему фотоиллюстраций и композиции текстов. Это и путевые заметки, и мемуары, и краеведческо-страноведческие зарисовки, и размышления о природе и причинах описываемых событий и явлений. Вместе с тем у всей этой эссеистики (нередко граничащей с научной статьей и беллетристским очерком), при всей ее тематической пестроте, есть одно объединяющее начало – публицистичность, определенная жизненная, мировоззренческая позиция автора. Его взгляд, конечно же, субъективен, но при этом лишен претензий на исчерпывающую, единственно правильную или уникальную трактовку темы. С проставленными акцентами и нюансами не все согласятся, и это нормально: у каждого из нас разное образование, житейский опыт, по-разному формировавшиеся взгляды, убеждения и принципы. Поэтому автор не столько старался убедить или переубедить, сколько достичь интересной подачи, информативной плотности материала и, главное, искренности, в которую максимально поверил бы читатель. Хочется надеяться, что хотя бы частично ему это удалось. Заранее благодарен тем, кто дочитает книгу до конца и не пожалеет потраченного на это времени.

С уважением и надеждой на понимание,
Борис Ревчун.

СТРАХ І ЖАХ

Саме ці два значення має латинське слово “терор” (terror). Певен, читач відразу здогадався, що мова піде про недавні теракти в США. З моменту їхнього скоєння пройшло зовсім мало часу, але про мегатрагедію початку XXI століття вже списано стільки паперу, що якби його скласти в один стос, то він зрівнявся б над Нью-Йорком вище за зруйновані будівлі Світового торговельного центру (СТЦ).

До речі, на оглядовому майданчику, що був розташований на даху одного зі знищених хмарочосів-близнюків, автору цих рядків пощастило побувати в середині серпня 1997 року. Що значить “пощастило”? Ну хіба що в сенсі можливості перебування в США під час наукових досліджень, нагоди відвідати Нью-Йорк, а в ньому – один із хмарочосів СТЦ до їхнього знищення терористами. Все інше – буденна для США справа: невелика черга в холі, 10

*Вежі-близнюки СТЦ
до їх знищення терористами.
Фото автора*

*На даху СТЦ.
Ліворуч – хмарочос-близнюк, позаду – Манхеттен.
Нью-Йорк, вересень 1997 року*

доларів за квиток – і за хвилину швидкісні ліфти закидають тебе на 110-й поверх, а при гарній погоді ескалатором можна потрапити ще трохи вище – на дах.

Така загальнодоступність рідкісного видовища давно вже стала для демократичних країн нормою життя. Так само американці та гості США можуть потрапити на верхівку не менш знаменитого Емпайер Стейт Білдінг (102-й поверх за 15 баксів), чи відвідати штаб-квартиру ООН (\$7), чи взагалі безкоштовно постежити з туристичного балкончику за тим, як відбуваються торги на Нью-Йоркській фондовій біржі, чи сходити в столиці на екскурсію в резиденцію американських президентів – Білий Дім... Особливо вражаючим для мене було те, що чергова туристична група, в складі якої я оглядав відому всьому світу тридцятидев'ятиповерхівку на Іст-Рівер під час роботи (!) 52-ї сесії ООН, вільно відвідувала не тільки тимчасово пусті зали засідань Генеральної Асамблеї та Ради Безпеки ООН, але й приміщення, де, не звертаючи уваги на екскурсантів (яких тільки

*У Холлі ООН.
Вересень 1997 року*

*На території ООН біля скульптури
«Перекуємо мечі на орала» Є.Вучетича.
Вересень 1997 року*

попросили не блимати фотокамерами), засідали комітети та комісії найвищого міжнародного органу світу!

За радянських часів у екскурсійного “щастя” був інший при смак. Пригадується, як нас, слухачів Вищої партійної школи при ЦК Компартії України, пару раз пустили подивитись-послухати

з балкону сесію Верховної Ради УРСР, засідання з'їзду Компартії України. Всім іншим (недепутатам, неделегатам) – зась, а нам – можна. Оце – “пощастило”. Подібні відчуття у небагатьох “допущених” могли виникнути при відвіданні “Зоряного містечка” під Москвою, секретного військового дельфінарію чи балаклавської бухти з підводними човнами під Севастополем тощо. В пострадянській Україні й понині більшість подібних заходів та об'єктів, особливо тих, що пов'язані з роботою будь-якої з гілок влади, є малодоступними для пересічного громадянина, який делегував туди депутатів чи службовців. Останнім це вигідно, бо їхня діяльність стає менш прозорою й менш підконтрольною демосу. Я не прибічник перетворення роботи відповідальних органів та більшості службових приміщень у прохідний двір чи об'єкти паломництва екскурсантів. Єдине, що мені здається закономірним, – це прямий зв'язок між демократичним устроєм держави та її відкритістю, прозорістю, допущенністю мас до всіх процесів і структур громадянського суспільства. І, навпаки, автократична держава завжди живе в умовах підвищеної секретності, перестороги, замкненості, вічної підозри, спрямованої як у бік власного населення, так і назовні. Демократія з її відкритістю, як свідчить не тільки американський досвід, але й практика сучасного життя розвинутих західноєвропейських країн, періодично кладе на вівтар свободи чималі жертви (пов'язані, наприклад, з дозволом кожній психічно здоровій людині мати особисту зброю тощо), розуміючи, що за умов автократії вони були б ще більшими, масовими, набуваючи інших, явних і замаскованих, нечувано жорстоких чи пом'якшених наслідків перманентного терору, що є органічним в тоталітарних країнах. У нас, колишніх радянських, завжди було безліч підстав перебувати в стані постійного страху. З покоління в покоління нам передавався страх до парткомів всіх рівнів та їх озброєних загонів – НКВС-КДБ, міліції. Ми боялися говорити правду, боялися, що нас можуть кудись заслати (до таборів, за 101-й кілометр, або в глухе село примусово відпрацьовувати “безплатну” освіту), чи, навпаки, не пустити (жити в місті чи тимчасово поїхати за кордон), боялися, що за одну людину до прилавка закінчиться цукор, масло, рис, білизна, мило... (весь перелік дефіцитів зайняв би шпальти не одного номера газети), а якщо товару вистачить, то боялися, що нам всучать шматочок м'ясокістки, яку не буде їсти й собака... Сьогодні ми навіть не підозрюємо, що цей страх й досі продовжує сидіти в душах тих, хто пройшов школу радянського соціалізму.

Перебуваючи в США, я вирішив з'їздити в сусідню з “моїм” штатом Мен канадську провінцію Квебек. Організатор екскурсії пояснив мені, що я повинен сплатити наперед вартість поїздки – 70 американських доларів (які, у разі моєї подальшої відмови від подорожі, не повертаються), оплатити в банку вартість розгляду заяви та отримання канадської візи – 55 американських доларів, і цю платіжку вислати разом з паспортом та американською візою до Вашингтону, в посольство Канади в США. До від'їзду залишалося півмісяця, тому першими питаннями перестрашеного колишнього совка “Чи вистачить часу на розгляд документів і їхню пересилку в обидва кінці?” та “Чи не пропадуть при пересилці мої документи?” я чимало здивував американця. “У вас цілих півмісяця!” – наголосив він, підозрюючи, що я недочув чи невірно сприйняв його інформацію. “А відіслати можна поштовою службою Federal Express: вони дають повну гарантію доставки будь-якого відправлення протягом 24 годин”, – додав клерк. “А якщо мені не дадуть візи, то що, пропадуть мої 125 доларів?!” – спитав я, погано ховаючи свій страх. На цей раз настала черга лякатись у мого співбесідника. Подивившись на мене як на терориста-рецидивіста, відомості про якого занесені у всі файли Інтерполу, він з неприхованим подивом та емоційною інтонацією вигукнув: “Як не дадуть? Чому не дадуть?” Він, звичайно, не став розпитувати про моє минуле, але з його реакції мені здалося, що американець майже не сумнівався, що це минуле було кримінальним. І весь час мого перебування в Канаді я ловив на собі його підозрілі погляди.

Боюсь (знову – страх), що одним з найтяжчих наслідків смертоносних ударів буде введення в країні внутрішніх паспортів (це питання зараз всерйоз дебатється в США), різке згортання багатьох свобод американських громадян, до яких вони звикли, як до повітря. Може дійти до того, що це порівняння перетвориться з метафоричного у буквально, тому що американці перелякані – й небезпідставно – можливими новими газовими та бактеріологічними атаками терористів. Якими грошима виміряти занурення одвічно вільного суспільства в болото постійного страху? Питання риторичне, тим не менш, ризикну припустити, що, у порівнянні з тоталітарним чи посттоталітарним суспільством (якщо б аналогічний теракт стався саме там), ціна цього наслідку трагедії була б вищою. Населенню нинішніх та колишніх автократій не звикати до “закручування гайок” та “ще більшого підвищення пильності”, чого не можна сказати про розвинуте громадянське суспільство. В опублікованих ще за радянських

часів записничках І.Ільфа та В.Петрова є такий жартівливий вислів: “Край неляканих ідіотів”. Не знаю, чи з’явився він після відвідування цими радянськими письменниками США і чи стосувався він саме цієї країни та її громадян, але багато радянських дотепників, спостерігаючи дитячу (на наш погляд) безтурботність західних іноземців (ловлять гав, замість того, щоб невсипуще приглядати за речами тощо), частенько жартували відносно цих “інопланетян” та “лохів”, що прилетіли з Марсу чи приїхали з “краю неляканих ідіотів”. Не знаю, скільки треба тепер часу, щоб американці знову розслабилися й знову сповна стали користуватися перевагами життя в умовах розвинутої демократії.

У багатьох американців з’явився ще один страх – стати жертвою національної чи релігійної нетерпимості. США – це своєрідний сучасний Вавилон: в населенні країни широко представлені майже всі відомі в світі етноси. Та й в плані розмаїття конфесій Америка теж дуже різнобарвна. Це ж можна сказати про західноєвропейські країни – той же самий Ноев ковчег, до того ж відносини між людьми в цих країнах майже наблизились до мирної атмосфери легендарного човна епохи великого потопу. Те давнє горе – всесвітній потоп – об’єднало мешканців планети Земля. Останні трагічні події, боюсь, спровокували протилежний ефект. Людство відкинули якщо не у допотопні часи, то на багато років назад – точно. Перш ніж зробити певні висновки по даному аспекту втрат у результаті теракту, дозволю собі зробити літературно-історичний екскурс у наше минуле. Перечитуючи нещодавно гоголівського “Тараса Бульбу”, я був вражений аналогіями, які можна провести між тим, що, за сюжетом, відбувалось 5 століть тому, і процесами, що стали розгортатися в США й світі після терактів.

Дозволю собі нагадати читачам деякі події, відображені нашим земляком у його хрестоматійному творі.

В той час, як запорізькі козаки на березі Дніпра готували човни до нового походу на турків, до Січі причалив пором з козаками в обірваних свитках. Коли кошовий спитав їх, з чим вони приїхали, то прибулі козаки почали розповідати про те, що вони вдома терпіли всілякі утиски й знущання, що церкви тепер у жидів на оренді, що ті кладуть свої значки на святих пасках, що ксьондзи їздять по всій Україні в таратайках, в які запрягають вже не коней, а просто православних християн, що жидівки шиють собі спідниці з попівських риз тощо. У відповідь на ці слова з натовпу запоріжців почулись вигуки (тут і далі цитую мовою гоголівського

оригіналу): “Перевешать всю жидову!.. Перетопить их всех, поганцев, в Днепре!” Коли запорожці похапали всіх знайдених на Січі жидів, останні, заперечуючи свою причетність до того, що робилось кимось іншим в далеких краях, спробували запевнити, що запорожці їм “как братья родные”, то образі січовиків не було меж. “Как? Чтобы запорожцы были с вами братья? – произнес один из толпы. – Не дождетесь, проклятые жида! В Днепр их, панове! Всех потопить, поганцев! Эти слова были сигналом. Жидов расхватили по рукам и начали швырять в волны. Жалобный крик раздался со всех сторон, но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались в воздухе”.

Поляків в цей момент у запорожців під рукою не було, але коли запорізьке військо дійшло до польських земель, то “все тогда прощалось с жизнью... Избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содранная кожа с ног по колена у выпущенных на свободу”.

І поляки, в свою чергу, вдавались до не менш страхітливих варварських тортур. Як сказав М.В.Гоголь, “Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы”.

Одного часу Микола Васильович з великим успіхом читав курс історії в Санкт-Петербурзькому університеті, тому в нас є підстави вважати, що Гоголь-письменник не дуже перебільшив, описуючи ті давні страхи й жахи, та не сильно погрішив проти істини. При зображенні люті козаків він неодноразово наголошував, що його сучасники жажнулися б “...от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы”. І майже слово в слово через багато сторінок і подій свого твору письменник знову пояснює своїм сучасникам звірства, тепер вже поляків: “Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества. Напрасно некоторые, немногие, бывшие исключением из века, являлись противниками сих ужасных мер. Напрасно король и многие рыцари, просветленные умом и душой, представляли, что подобная жесткость наказаний может только разжечь мщение козацкой нации”.

Для чого я так багато цитував Гоголя? Перш за все, для того, щоб ми в історичному контексті осягнули значення, масштаб і наслідки сучасної трагедії. Не змовляючись, багато авторів, які по гарячих слідах описували події 11-го вересня 2001 року, вдалились

до експлуатації, на їх погляд, вдалого образу – метафоричного вживання назви роману Т. Драйзера “Американська трагедія”. Насправді ж сталась не американська, а світова трагедія. Більш вдалим в цьому відношенні були спроби використання, вслід за Е. Хемінгуєм, знаменитої максими “Не питай, по кому дзвонить дзвін, він дзвонить по тобі”. В контексті аналізу небезпеки різкого загострення міжетнічних і міжконфесійних відносин ця максима знову набула актуальності. Трагедія торкнулася кожного з нас. За один день, який видався сонячним на східному узбережжі США, вона відкинула все людство назад – у темряву напівдиких віків. З повідомлень, що вже надійшли і продовжують надходити з самих США та інших “цивілізованих країн”, ми дізнаємося про вбивства ні в чому не винних арабів, руйнування мечетей, погрози та побиття людей тільки за те, що їхньою конфесією є іслам, який, насправді, не тільки не пропагує насильства, але й засуджує його, в тому числі самогубство як один з найтяжчих гріхів для мусульман. 12-го вересня поточного року я проводив в університеті семінар в одній із груп, де вчиться студент із Сирії. Ця країна теж занесена офіційним Вашингтоном у чорний список країн, які підтримують міжнародний тероризм. І, як ми знаємо, небезпідставно. Звичайно, тема семінару була зовсім іншою, але на другий день після нечуваного теракту ми не могли не присвятити декілька хвилин обговоренню гарячої теми. Ніхто не сказав ані слова осуду в бік Сирії чи студента-араба, але наші студенти час від часу зиркали на нього – хто по-новому допитливо, хто лукаво всміхаючись. Сирієць мав винуватий і, як мені здалося, трохи зацькований вигляд. Звичайно, він не поїде одразу додому, як це зробили тисячі арабських студентів, які навчались в США, його, певен, не будуть хапати за ноги й жбурляти в Інгул чи Дніпро, але в чужій неарабській країні він віднині став людиною, якій треба бути насторожі, виправдовуватись, доводити, що він не верблюд, вибачте, не справжній і навіть не потенційний терорист. У Криму українські мусульмани – кримські татари – опинилися в аналогічному становищі. В місцях, де нема прямих контактів між арабами й неарабами, між мусульманами та людьми інших віросповідань, все одно, в уми мільйонів людей не могла не потрапити бацила нетолерантності, підозрілості, недовіри, ненависті та всіляких інших негативних емоцій, які вчені називають ксенофобією, релігійною нетерпимістю. Крім тисяч людських жертв та багатомільярдних матеріально-фінансових збитків, терористи зруйнували так важко, довго й ретельно розбудовані

новітні взаємовідносини між людьми, які суттєво та в кращий бік відрізняли людське співтовариство напередодні терактів не тільки від епохи Тараса Бульби, але й від відносно недавніх часів історії нашої цивілізації. Нас різко й нахабно відкинули в напівдику часи, коли кіплінгівська фраза “Захід є захід, схід є схід, і ніколи їм не зійтись” вважалась вічною та незаперечною істиною. Смертоносні удари тероризму неначе зрушили камінці, що, причаївшись, сиділи у людства в печінці чи в жовчному міхурі, і вони, обдираючи все у кров, загрожують нині перекрити жовчні протоки та привести нас до загибелі. В цій ситуації нам треба у повній мірі збагнути, що тут потрібні рішучі оперативні дії.

Хто ж повинен боротись з тероризмом, щоб останній назавжди зник, перш ніж зникне сама людська цивілізація (у прямому й кращому розумінні цього слова)? “Всі!” – кажуть всі. І майже всі, за винятком США й НАТО, нічого не роблять. Більш того, більшість простих людей та чимало політиків з різних країн цих “волонтерів” засуджують, називаючи не інакше, як “світовий жандарм”! Чи є підстави для такого ярлика? Безперечно, є. Чи образливий він? Навряд чи. Щоправда, в пострадянських країнах культивувалось вживання цього слова в суто негативних контекстах. Слово “поліцейський” (не кажучи вже про “поліцай”) нам поки що теж не дуже подобається, хоч Україна й проголосила, що незабаром перейменує в поліцейських своїх міліціонерів, і не тільки тому, що народне “мент” у нас теж не викликає особливого пієтету, а тому, що “поліцейський” більш точно передає зміст функцій професійного охоронця правопорядку, а не ополченця. Але справа, звичайно, не в термінах, а в суті. Мало хто сумнівається, що будь-яка країна може обійтись без поліцейського. А світ в цілому? Чи потрібен міжнародний поліцай, якщо в кожній країні є свій, національний? Думаю, потрібен. Коли ми кажемо про інтернаціоналізацію, глобалізацію, то треба мати на увазі багатоаспектність цих явищ. На жаль, їм притаманна наявність і численних негативних проявів, в тому числі глобалізації тероризму. До речі, терор ще задовго до глобалізації економічного, соціального та політичного життя мав тенденцію до інтернаціоналізації. Візьміть, наприклад, фашистську Німеччину чи СРСР. Великий терор (за визначенням американського історика Роберта Конквеста) в Радянському Союзі органічно й перманентно переростав в акції спонсорованого державою міжнародного тероризму. Німецькі наці були типовими терористами в законі. Ціною багатомільйонних жертв люд-

ство зрозуміло, що довоєнна політика “Моя хата з краю” – неприйнятна та згубна. Сучасний рівень розвитку технологій, техніки, хімії, біології та інших наук, досягнення яких можна застосовувати проти людства, в умовах демократичної відкритості багатьох країн робить держави з тоталітарними чи фундаменталістсько-релігійними режимами з автократичними вождями та духовними лідерами дуже ймовірними розсадниками міжнародного тероризму. Тому найбільш радикальним засобом запобігання тероризму була б повна ізоляція одіозних режимів із вжиттям послідовних і жорстких політичних та економічних заходів по заміні авторитарних режимів та диктаторів на демократичних. На жаль, на сьогоднішній день подібний сценарій представляється всього лише прекраснотушним побажанням, тому що є дуже важким для успішного втілення на практиці. Більш реальним є варіант створення дієвого “міжнародного поліцейського”. Окрім міжнародного контингенту збройних сил (це вже давно створено – війська ООН, в складі яких добре зарекомендували себе й українські підрозділи), подальшу розбудову цих сил треба спрямувати на створення потужних структур міжнародної розвідки та контррозвідки. Їх основою є інформація. В епоху інформаційного суспільства XXI століття форми та методи боротьби з міжнародним тероризмом мають бути адекватними. На прикладі останніх подій ми переконуємося, що арсенали найпотужнішої зброї не можуть захистити від сатанинської невичерпної фантазії та винахідливості нелюдів. Боротися проти них практично неможливо, їх можна тільки випередити, маючи агентурну інформацію про терористичні акції, що тільки плануються чи перебувають у стані підготовки до виконання. Можна, наприклад, розбудувати нові розвідувальні/контррозвідувальні структури на базі вже існуючих підрозділів Інтерполу, можна створити нові спеціалізовані структури. Збір та аналітична обробка розвідувальної інформації можуть зробити набагато більше й краще для запобігання замислам і приготуванням терактів, для їхньої профілактики та усунення з найменшими втратами для антитерористичних підрозділів і недопущенням жертв з боку мирного населення, які неодмінно призводять до ще більшої ескалації тероризму.

Зухвале й криваве насильство терористів поставило руба й питання про непослідовність та подвійні стандарти в зовнішній політиці майже всіх держав світу. Коли СРСР ввів свої війська в Афганістан, США, не припиняючи на словах засуджувати чу-

жий тероризм, самі розгорнули широкомасштабну кампанію військової підготовки, фінансування та озброєння афганських терористів (в тому числі талібів) для боротьби з радянськими окупантами та їхніми афганськими прибічниками. Загнати назад випущеного джінна їм не вдається й понині. Цілком імовірно, що в ході запланованої США операції “Шляхетний орел” таліби будуть вражати американські бомбардувальники ракетами “Стінгер” та іншою зброєю з клеймом Made in U.S.A. – й відома фраза “За що боролися, на те й напоролися” може вкотре знайти своє трагічне підтвердження. Але найбільшими штрейкбрехерами спільної справи боротьби з тероризмом можуть стати, перш за все, бідні країни. Деякі пострадянські держави в цьому плані є найбільш небезпечними, тому що бідність основної маси населення в них поєднується з наявністю добре підготовлених спеціалістів, вчених-ядерників, нових військових технологій та чималих потужностей з виготовлення сучасної зброї масового знищення. Так, Росія, страждаючи від ісламського тероризму на своїх північнокавказьких територіях (і навіть в Москві), незважаючи на обурливу реакцію США, продовжує активне співробітництво з ісламсько-фундаменталістським Іраном в сфері ядерних технологій, прекрасно розуміючи, що це може призвести до створення в країні, яка підтримує тероризм, атомної зброї. Наш північний сусід останнім часом налагоджує тісні взаємини з диктаторськими режимами Іраку, Лівії, Куби. Та й Україна у гонитві за валютними надходженнями не дуже переймається можливими наслідками продажу бронетанкової техніки та іншої зброї країнам, які перебувають у стані війни, а також тим, хто теж підтримує тероризм.

Хочеться вірити, що останні трагічні події, поряд з безліччю жахливих наслідків, будуть мати й позитивний вплив не тільки на переосмислення ролі міжнародних органів та втілення нових підходів у відповідні резолюції, меморандуми та постанови, але й на ефективну та динамічну реалізацію прийнятих рішень на практиці. Ті, хто жертвує життям заради нашої смерті, мають бути переможеними тими, хто хоче жити!

***Газета «Літературна Україна», №36
від 4 жовтня 2001 р.***

НЕ ХОЧУ БЫТЬ КИСОЮ, НЕ ХОЧУ – СОБАКОЮ!

На эту печатную реплику о непечатной лексике меня сподвигла статья Оксаны Гуцалюк «Поле брани» («УЦ» №46). Надо отдать должное автору: проблема, на мой взгляд, чрезвычайно актуальна. Но рассмотрена она несколько узковато и конъюнктурно – в основном в связи с нелепым приказом Нацагентства по вопросам госслужбы, в который внесены довольно-таки смешные изменения в общие правила поведения государственного служащего. Считаю, однако, что тема заслуживает более широкого взгляда на этот противоречивый феномен общественной жизни постсоветских стран. Может быть, даже читательской дискуссии (хотя бы в комментариях и блогах электронной версии газеты). Для начала предлагаю свои «пять копеек» в копилку возможных дебатов.

Когда в музыкальной школе на уроке сольфеджио мы, дирижируя, пели «Ты пойдешь, моя коровушка, домой, Ты пойдешь, моя бурёнушка, домой...», мне было одновременно смешно и страшно. Я на минутку представил, что бы обо мне подумали или сказали мои дворовые «кореша», услышав от меня подобные «телячьи нежности»! В нашей пацанячей компании принято было «бакланить» не только максимально грубо и агрессивно, но и преимущественно похабно. И чем большей была этажность мата, тем большими были шансы прослыть своим в доску (сегодня бы сказали «крутым», хотя такого определения в нынешнем его понимании тогда, в конце 50-х – начале 60-х годов, еще не существовало). Помнится, во время многочасовых футбольных баталий бранные выражения составляли у нас не менее 70-80 процентов лексического сопровождения игры. Нецензурные слова выполняли у нас функции всех частей речи. Но стоило девочке (не говоря уже о взрослом человеке, пусть даже мужчине) оказаться в пределах слышимости на-

ших заливчатских устных коммуникаций, как мы переходили на вполне приличный язык. Мы резко начинали «фильтровать базар» (кстати, тоже относительно недавно заимствованное у зеков и введенное в широкий оборот выражение), у нас как бы включалась внутренняя система опознавания «свой-чужой».

С такой системой (не виртуальной, а реальной) я сорок лет назад познакомился во время срочной службы в Московском округе противовоздушной обороны. Но я сейчас не об обеспечении безопасности страны и полетов над ней. Российская глубинка в начале 70-х годов удивила нас, призывников из Украины, почти полным отсутствием у аборигенов комплексов относительно сквернословия в общении между различными полами и возрастными группами. Мне, закаленному бойцу (не в плане готовности к брани, то бишь к войне, а в знании и умении использования бранной лексики), было, признаюсь, неудобно становиться свидетелем обыденного, «невинного» общения детей, порой малых, со взрослыми дядями и тетями (!) на великом и могучем русском...мате. В российских городах, правда, цензурного политеса было побольше, однако в сравнении с такими же украинскими, наоборот – гораздо меньше. Сейчас, похоже, мы Россию не только догнали, но, возможно (давно не был в России), и обогнали. Сегодня у нас матерятся не только мальчики при девочках, но и девочки – при мальчиках и между собой, причем часто в присутствии взрослых. «Подумаешь, – скажет кто-то, – автор стареет, начинает брюзжать, морализаторствовать. Обычное дело».

Говорят, старики в вопросах сексуальных взаимоотношений становятся большими пуристами и моралистами, потому что гормоны у них перестают играть с прежней силой. Вполне возможно. Но этот аргумент не срабатывает при его экстраполяции на сферу обценной, т.е. непристойной, лексики. Любой старый человек (за исключением тех, кто «без ума от этого, как его... немца Альцгеймера») может выдать такую трель, что даже у курского (российского!) соловья уши в трубочку свернутся. Нет, тут, пожалуй, другое. Давайте попробуем разобраться, стоит ли матерщинка выделки, вернее, разговор о ней.

Сама по себе бранная речь – явление очень древнее. Одни ученые утверждают, что мат восходит к старинным славянским разговорам, настаивают именно на общеславянском происхождении срамных слов, опровергают некогда ходившую в народе теорию о якобы тюркском их происхождении, другие – что мат все-таки привнесли к нам татаро-монголы, третьи – что варяги.

Утверждается также, что мат, мол, – преимущественно мужской язык, и характерен он более для людей с низким уровнем образования. Возможно. Хотя российская, потом советская интеллигенция иногда демонстративно фрондировала непечатными выражениями. Например, чего только стоит анонимная поэма второй половины XIX века «Лука Мудищев», отчасти стилизованная под непристойные стихи Ивана Баркова и потому зачастую ему приписываемая. Кстати, в юности я переписал ее на свой магнитофон в исполнении выдающихся российских актеров и в музыкальном сопровождении лучших образцов отечественной оперной классики. Настоящее произведение обценного искусства!

Даже Анна Ахматова, по утверждениям людей ее близкого круга, нередко грешила сквернословием, «не ведая стыда». «Мы же филологи!» – поясняла она Фаине Раневской свою толерантность к чужой и своей матерщине.

Лично в мою память врезалось, как часто и непринужденно инкрустировал свою речь матерными словами Кобзон, когда в 1978 году я от обкома комсомола занимался организацией его концертов в Кировоградской области. Однажды после концертов в пгт Петрово районный политбомонд организовал ужин для приезжих звезд. Иосиф Давидович, «откушав» пару-тройку рюмок, в присутствии певицы Людмилы Сенчиной начал выдавать такие скабрезные анекдоты без каких-либо смягчающих эвфемизмов и купюр, что местные партийные, советские и комсомольские деятели поначалу не знали, куда глаза девать. Глянули на реакцию Первого (секретаря райкома КПУ) – поняли, что можно проглотить и расслабиться, и с официоза перейти к неформальному общению с простыми советскими знаменитостями. Мол, хоть и столичные штучки, а щек не надувают, от народа, как некоторые много о себе думающие, не отрываются. К тому же земляки. Это по-нашенски!

Но подобные языковые вольности в интеллигентствующих кругах тогда были скорее исключением из правила. Приличия в основном старались соблюдать. После распада Союза пришла долгожданная свобода слова, которая неожиданно стала у нас перерастать в свободу матерного слова. С годами этот ползучий процесс, похоже, набрал немалую скорость. Человеку, не желающему опускаться до уровня даже пассивного соучастника срамных коммуникаций, все труднее увертываться от выслушивания чужой матерщины, которая ставит его в неудобное, порой очень унижительное

положение. Мне, например, в свое время пришлось отказаться от совместного с дочерью-подростком посещения футбольных матчей. Попробуй-ка усовестить сидящих вокруг болельщиков, изрыгающих грязную похабщину по поводу происходящего на футбольном поле. Нам обоим было ужасно неловко и стыдно.

«А ты не садись с дочкой/матерью/женой/подружкой смотреть футбол на стадионе!» – скажут иные. А в общественный транспорт с ними садиться можно? Одна знакомая рассказывала мне о своей недавней поездке в маршрутке. Двое амбалов-акселератов, игнорируя остальных пассажиров, среди которых были матери с детьми, старухи и прочий хилый народец, неустанно, громко и грязно матерились на протяжении всей поездки. Никто, в том числе водитель, не сделал им замечания. В лучшем случае (?) боялись. В худшем – сочли матерщину терпимой. Вероятней всего – и то и другое. Сегодня на переменах многие школьные учителя и вузовские преподаватели порой делают вид, что не слышат в коридорах мата из уст своих воспитанников. Если на все реагировать – здоровья не хватит: настолько массовым становится данное явление.

Формально его вроде бы начали замечать. Взять, например, вышеупомянутый приказ, в котором, в частности, чиновникам предписывается «...избегать нецензурной лексики...»

Диву даешься, зачем плодить подобные узковедомственные циркуляры, когда в Кодексе Украины об административных нарушениях давно существует статья 173. «Мелкое хулиганство», в которой к данному правонарушению отнесена также нецензурная брань в общественных местах. Она (статья), между прочим, «влечет наложение штрафа от трех до семи необлагаемых минимумов доходов граждан или общественные работы на срок от сорока до шестидесяти часов, или исправительные работы на срок от одного до двух месяцев с отчислением двадцати процентов заработка, или административный арест сроком до пятнадцати суток». Кстати, совсем недавно, 24 октября с.г., в российскую Госдуму внесли законопроекты, предусматривающие штраф до 200 тыс. рублей за нецензурную брань в СМИ (в настоящее время установлена административная ответственность лишь за использование нецензурной брани в общественных местах).

Да если бы хоть эти статьи в обеих странах администрировались строго и неукоснительно, то и в украинский, и в российский бюджеты полились бы такие финансовые потоки, что всякие доходы от нефти, газа, всевозможных налогов и акцизов показались бы карманными деньгами!

Но на постсоветском пространстве уже привыкли к неисполнению законов. У нас, в Украине, пример в этом подают сами законодатели (голосование чужими карточками и т.п.). Эка невидаль! Если тему пофигизма в контексте содержания и исполнения наших законов развивать и далее, то не хватит никакой газетной площади. Даже если сузить тему до площадной брани. Поэтому я бы хотел вкратце остановиться всего лишь на культурном, моральном, этическом и эстетическом аспектах проблемы. Все эти грани гуманной сущности человека (уж извините за определенную тавтологичность подобного словосочетания) связаны с системой множественных табу. Без запретов и ограничений (внешних и внутренних) не может быть не только культурного и морально-го человека, но и человека вообще. Без ограничений и самоограничений человек мало чем отличается от животного, скатывается до состояния скота.

Быть хочу я кисою,
Быть хочу собакою:
Где хочу – пописаю,
Где хочу – покакаю...

В этом не совсем детском стишке как раз и передается нехитрая сущность животного. Мат, по большей своей части, есть всего лишь словесным аналогом срамных мест и действий (как, например, секс по телефону). У одного украинского историка я прочел описание быта древних славян (уверен, что их можно отнести и к другим народам). Если домашний скот, например, отправлял свои физиологические потребности тут же, то скотоводы для этого отходили от кибиток на очень малое расстояние, совершая всё практически на виду у соплеменников. То есть люди в те времена недалеко отошли от скотов, причем не только фигурально, но и буквально – на какой-то десяток-другой метров.

Пройдя длительный исторический путь от голого (во всех смыслах слова) бесстыдства до утонченной куртуазности и изысканности манер, мы норовим стать на путь возврата к нравственным пещерам. Я не идеалист и уверен, что мат всегда был, есть и будет, выполняя, подчас, даже какие-то общественно полезные функции, обогащая лексический потенциал любого языка. Однако, когда он выходит из-под контроля – за рамки, отведенные ему в развитом обществе, когда «благодаря» непристойной лексике ломаются перегородки цивилизованного диалога между полами и поколениями и тем самым наносится существенный урон морали, культуре, этике и эстетике, – тогда эрозии и распа-

ду подвергаются фундаментальные ценности человеческой жизни: стыд, совесть, честь, достоинство, уважение к женщине, матери, старикам и детям.

Кошатники и особенно собачники со стажем утверждают, что чувство стыда присуще даже этим «нашим братьям меньшим». Нашкодившая собака часто подползает к хозяину в глубоком приседе, поджав уши, с невинной миной на морде. Кот, справивший нужду в неположенном месте или подзакусивший комнатным цветком, ходит заметно пришибленным, не желающим играть, а после обнаружения «шкоды» начинает пресмыкаться перед хозяйкой. Вероятно, это и можно назвать стыдом, но стыд человеческий представляется нам стыдом более высокого порядка, до которого животным подняться не дано.

Человек отличается от животного наличием языка, а матерный язык способен опустить человека до уровня животного. Такой вот парадоксальный афоризм у меня получился. Но гораздо лучше об этом сказано у Владимира Соловьёва. Этот философ, богослов и поэт, стоявший у истоков русского «духовного возрождения» начала XX века, впервые указал на то, что чувство стыда не есть только отличительный признак, выделяющий человека из прочего животного мира, но что здесь сам человек выделяет себя из всей материальной природы. Стыдясь своих природных влечений и функций собственного организма, человек тем самым показывает, что он – не только природное существо, а нечто высшее. Чувством стыда определяется этическое отношение к материальной природе. Человек стыдится её в себе или, точнее, стыдится своего подчинения ей и тем самым признаёт относительно её свою внутреннюю самостоятельность и высшее достоинство, в силу чего он должен обладать, а не быть обладаемым ею.

Нынешнее «раскрепощение языка» существенно расчеловечивает современного гомо сапиенс. От гомо советикуса толком не отошли, а к гомо матерщиникусу подошли вплотную. Уже остро чувствуем его затхлое дыхание, как миазмы из мусорного контейнера. Однажды, совершая с супругой вечерний моцион, мы обратили внимание на приближающуюся пару подростков. Девушка бережно несла перед собой розу. Пара явно и колорито выделялась на фоне прочих прохожих, можно было залюбоваться доморощенными Ромео и Джульеттой. Когда мы поравнялись, то услышали от внешне ангелоподобных деток такую грязную матерщину, что буквально оторопели от их непринужденного диалога. Стало сомнительным, что Он когда-нибудь сочинит свои

или хотя бы прочтет Ей чужие стихи à'la.. «Я встретил Вас и всё былое..», ну разве что «Я встретил вас – и всё!» Более того, юнцы беззастенчиво буднично матерились при нас, посторонних, годящихся им в родители и даже в дедушки-бабушки.

И такое происходит сегодня сплошь и рядом. Уже никто никого не стесняется, не возмущается. Одни словесно испражняются, другие нравственно утираются. И все делают вид, что ничего необычного не происходит. Нормальный ход! Но где же тот капитан, который сначала даст команду «Стоп, машина!», а потом и – «Задний ход!» Может, капитан милиции, назубок знающий упомянутую 173-ю статью? Вряд ли. Милиционеры, и ниже, и выше капитана по званию и занимаемым должностям, сегодня сами порой матерятся на людях покруче отъявленных уголовников. Что касается капитанов нашего державного корабля, то мы тоже уже слышали такого, что хоть святых выноси.

Например, во ВРУ возвращается отпетый матерщинник Александр Волков, которому, судя по новоизбранному составу парламента, будет с кем и о чем поговорить матом. А чего только стоят пленки майора Мельниченко, на которых Леонид Кучма через слово ругается матом, как сапожник. Президент, однако!.. Поэтому если мы будем надеяться и уповать только на внешние институциональные факторы и административные меры, то толку и результата не будет, хотя отказываться от них – тоже анархическая блажь. Внешнее воздействие должно сочетаться с нашим внутренним желанием выбраться из той помойной ямы, куда мы потихоньку сползли и, похоже, не собираемся выбираться, неся огромные культурно-нравственные потери в арьергардных боях с наступающим противником – матом.

Может, процессы оскотинивания людей и их духовно-нравственного возрождения цикличны? Может, оттолкнувшись от дна бесстыдства, бескультурия и бесчестия, мы через определенное время снова вскарабкаемся на вершины изысканного политеса и повсеместной изящной словесности? Что ж, дай-то Боже! Не буду огорчаться, если через некоторое время обо мне вспомнят как о банальном паникере и резонере. Время покажет. Главное, что лично для себя я выбор сделал – максимально избавиться от употребления нецензурной лексики и в силу своих сил и возможностей наставлять на этот путь других, потому что без других у каждого из нас в этом деле ничего не получится.

С уважением, бывший матерщинник Борис Ревчун.

Газета «Украина-центр», №47 от 22.11.2012

СТРАНА МОРСКИХ СВИНОК

Благодаря Николасу Юдаллю, переводчику Эразма Роттердамского, с 1542 года в английский язык была введена идиома «Называть лопату лопатой» (To call a spade a spade), что означает – называть вещи своими именами (а также – резать правду матку, говорить без обиняков, говорить прямо и т.п.). Тем не менее, практически во всех языках существует множество слов и выражений, которые, скорее, вводят в заблуждение: говорится/пишется одно, а подразумевается другое, иногда очень далекое, а то и прямо противоположное по значению.

рис. О. Русиной, тема Б. Ревчуна

Словосочетание «морская свинка» – как раз из разряда таких лингвистических дурилок. Этот милый грызун, одомашненный в 5 тысячелетии до н. э. племенами Анд Южной Америки (современные территории южной Колумбии, Эквадора, Перу и Боливии) для употребления в пищу, не имеет никакого отношения ни к морю, ни к свиньям. Но в ряде языков такое

неадекватное название утвердилось прочно и, похоже, навечно. Идентичное название эти пушистые комочки носят в Польше (świnka morska) и Германии (Meerschweinchen). В Китае их называют «голландскими свиньями». Но в большинстве стран мира их называют «гвинейскими свиньями» (английский вариант – guinea pig), что также вводит в заблуждение, потому что к африканской Гвинее эти любимцы детей тоже имеют такое же далекое отношение, как Кировоград – к Сергею Мироновичу Кирову.

Если бы эта нелепая куролесица с дефинициями была известна всем, то в начале XX века не появился бы получивший мировую известность рассказ Эллиса Бутлера «Не вдаваясь в подробности», вошедший позже в сборник «Свиньи – всегда свиньи» (Pigs is Pigs, 1927). Его фабула вкратце такова. Майк Фланнери, агент железнодорожной «Междугородной Компании Экспрессов» в американском Весткоте, требует, чтобы получатель клетки с двумя «гвинейскими свиньями» мистер Морхауз заплатил за доставленный ему багаж не 50 центов, а 60, т.к. в инструкции записано, что транспортировка одной свиньи стоит 30 центов, а не 25 – как для кроликов и прочих домашних любимцев. Каждый раз, когда пе-

репешедший на самые повышенные тона получатель хочет подчеркнуть, что это не свинья, а гвинейская свинья, железнодорожный служащий неустанно повторяет, что свинья, какой бы национальной принадлежности она ни была, – есть свинья! Морхауз так же идет на принцип, отказываясь взять присланный ему товар и грозя страшными санкциями в случае несохранения багажа в надлежащем состоянии. Станционный клерк, вынужденный на свою скудную зарплату кормить плодящихся в геометрической прогрессии грызунов и ухаживать за ними, пишет запросы в головной офис компании. Его принципиальность и забота о финансовом благополучии компании поддерживается всеми начальниками, футболистами его обращения из департамента в департамент: там сидят такие же невежды-бюрократы. И только тогда, когда председатель компании получил очень запоздалое письмо от профессора Гордона, в котором тот писал, что «морские свинки принадлежат к отряду Rodentia (грызуны), в то время как обыкновенные свиньи – Artiodactyla (парнокопытные)», дается команда отдать двух свинок получателю груза, а остальных отправить в штаб-квартиру железнодорожной фирмы. Но к этому моменту свинки заполняют все складские и пассажирские помещения станции. Морхауз, как выясняется, давно покинул Весткот. День за днем клетки с гвинейскими свинками непрерывным потоком переправляются из Весткота во Франклин. В конце рассказа исполнительный, но тупой чинуша, радуясь, что это были не слоны, а всего лишь маленькие свинки, делает вывод, что впредь со всякой отправляемой и получаемой твари, какой бы породы, размера и нацпринадлежности она ни была, будет всегда брать минимальную плату – 25 центов.

Принося читателям извинения за столь пространное вступление, перехожу к главному, ради чего я, собственно, и пишу эту статью. Наблюдая за явлениями и процессами, происходящими у нас на протяжении двух последних десятилетий, я все больше убеждаюсь, что мы живем в королевстве кривых понятий – эдакой украинской Гвинее (или, если хотите, – гвинейской Украине). Мы нередко в приступе самоуничтожения сравниваем Украину с Гондурасом. Но это не более, чем приятный и утешительный самообман. В этой связи вспоминается Эллочка людоедка, обольщенная надеждой, что у нее более ценный мех, чем она предполагала до встречи с коварным искусителем Остапом Бендером. Так вот: по большинству позиций Индекса человеческого развития центрально-американский Гондурас даст форы Гвинейской Республике (официальное название государства в Западной Африке). Если взять, например, только такой показатель, как ВВП, то в 2009 году он в Гондурасе соста-

вил 4200 долл. на душу населения (142-е место в мире), а в Гвинее за аналогичный год – всего 1 тыс. долл. (212-е место в мире). Такой вот дикий запад, правда, африканский.

К «гвинейским свиньям» мы (кто еще родом из СССР) привыкли давно. Мы жили в оруэлловском мире, где «война – это мир», где «Министерство правды» тщательно фальсифицировало историю, где, по словам советских анекдотчиков, в газете «Правда» не было известий, а в газете «Известия» не было правды. Мы все знали и смирялись с тем, что выборы у нас не имеют отношения к выбору, магазины «Мясо» – к мясу (в лучшем случае, к костям), автомобильные магазины – к автомобилям (разве что – к отдельным запчастям)... Виртуальная вкусная и здоровая пища у нас была в «Книге о вкусной и здоровой пище», в кино «Кубанские казаки», в выступлениях руководящих партийных и советских работников, а реальная – в спецраспределителях и прочих «хапчиках». Хотя периодически «выбрасывалась» и для простых смертных (молодежи советуем обратиться к старшим товарищам, выстоявшим треть жизни в очередях за перманентно дефицитными товарами и услугами). Но, переболев приспособленческой «свинкой», большинство из нас, увы, так и не выработало к ней иммунитета. А у родившихся в суверенной Украине его тоже нет. Похоже, болезнь все еще в острой форме и грозит перейти в неизлечимую хроническую стадию.

До сих пор «пилл хавет» колбасные изделия без мяса (зато с соей), молочные – без молока (но с пальмовым маслом), кондитерские – без шоколада (а зачем – с заменителями, усилителями вкуса, эмульгаторами и прочими «ешками» вкуснее и дешевле). Мы буднично величаем далекими от истинного содержания словами то, что не имеет отношения к употребляемым терминам и понятиям. В отличие от лопаты, которая и в Африке лопата, мы судом называем судилище и избирательное правосудие; прокуратурой – то, что народ называет профуратурой; парламентом – сборище злостных прогульчиков и «пианистов»; правоохранительными органами – тех, от которых часто надо хорониться и отбиваться, чтобы они не добрались до наших жизненно важных органов и не отбили их при выбивании из нас «чистосердечных признаний»; народными протестами – проплаченные массовки кадровых майданарбайтеров; иностранными инвестициями – уведенные с Украины отечественными олигархами от налогообложения миллиарды гривен, отмытые на вечнозеленых оффшорах Кипра, Сейшел, Мальдив, Британских Виргинских островов до вечнозеленых долларов и вернувшиеся на историческую

родину в овечьей шкуре заморских капиталов; бесплатной медициной – систему неприкрытого мздоимства и вымогательства в больницах и поликлиниках порой при низком качестве предоставляемых услуг...

Перечень отечественных понятийных фальсификатов и стоящих за ними реальных фейков столь велик, что порой отказываешься верить исследователям и журналистам. Например, почти треть всех лекарств на украинском рынке изготовлены черными фармацевтами! Они продаются в аптеках в обычных упаковках и – в лучшем случае – совершенно бесполезны. Следовательно, если быть логичными, бесполезны и те бойцы невидимого фронта, которых видимо-невидимо и которые получают невиданные для обычного украинца зарплаты. Значит, таблички на конторах соответствующих отечественных структур – тоже своеобразные «гвинейские свиньи»?

Стремительными темпами растет подпольный рынок ученых степеней и званий. Например, кандидатом исторических или педагогических наук (понятно, условным) можно стать за 3-5 тысяч условных единиц, юридических или экономических – за 15-25 тысяч. Спрос на поддельные аттестаты и дипломы предъявляют и преподаватели, и еще больше – чиновники. Последние проберутся в первые ряды аттестационных комиссий и, если опять подключить логику, будут с удвоенной энергией и такой же прибыльностью приумножать «интеллектуальный потенциал» нации. И нетрудно предположить, что в обозримой перспективе эти товарищи по оружию с кривыми дулами воспроизведут такое потомство квазиспециалистов, что плодovitость морских свинок покажется нам не геометрической, а всего лишь арифметической. А если еще учесть поборы в вузах со стороны не фальшивых, а настоящих кандидатов/доцентов/докторов/профессоров, то «обозримая бесперспектива» предстает еще более удручающей. Сегодняшние «типа студенты» не завтра, а уже сегодня становятся «якобы врачами/пилотами/операторами атомных электростанций»... Совсем недавно, например, экипаж таких «высококласных пилотов» (чартер их бери!) угробил (в прямом смысле) летеvшую на футбольный матч «Шахтер» – «Челси» группу одесских болельщиков, среди которых был ряд областных начальников Южной Пальмиры. Комиссия по расследованию инцидента установила, что причиной авиакатастрофы был недостаточный профессионализм пилотов. То есть уже сегодня, а не завтра, мы становимся подопытными кроликами таких горе-специалистов, а зачастую – и жертвами.

Кстати, о кроликах. Фразеологизм «подопытный кролик» пе-

реводится на английский язык не иначе как guinea pig... Да, да – все та же «морская свинка». Именно на этих пушистых очаровашках и проводились лабораторные опыты. В последнее время для этих целей используются преимущественно мыши и крысы, но язык – вещь достаточно консервативная, поэтому, наверное, словосочетание «подопытный кролик» останется для данного понятия основной англоязычной идиомой. Так вот, уважаемый читатель, не кажется ли вам, что все мы являемся подопытными в большом социально-экономическом эксперименте? Есть такой научный исследовательский метод лонгитюд, что означает долговременный. Еще в начале 1980-х, будучи аспирантом, я в библиотечном спецхране натолкнулся на статью одного из советологов, в которой прочел интересную мысль: Западу надо не столько бояться советского военного потенциала, сколько совкового образа мысли и жизни (приспособленческого извращения моральных принципов, въевшегося и уже почти не замечаемого лицемерного вранья, двойных стандартов, теплого болотца безответственной расхлябанности, расслабленности и неамбициозного иждивенчества), которые могут прельстить обывателя капиталистической страны, постоянно пребывающего в состоянии жесткой конкурентной борьбы за лучшее место под солнцем. Мне тоже кажется, что еще с советских времен метафорические «морские свинки» безнаказанно грызут наше общественное сознание и разъедают все сферы нашего бытия.

У меня в детстве была морская свинка. Она, как уже было отмечено, не относится к семейству свиных, но часто вела себя по-свински. Несмотря на полный и обильный пансион, она частенько подкрадывалась к мирно стоящему в углу венику и начинала уплетать его за обе свои хомякообразные щеки. Я относился к таким набегам толерантно, но моя воспитательница баба Фрося в такие моменты с гневными и однообразными криками «Ах ты ж крыса поганая!» начинала шутать погрызенным веником ненасытное животное, пока то не оказывалось в недоступном для преследовательницы укрытии – под ванной. Конечно, по уровню интеллекта гвинейско-морской свинке до нашей украинской свиньи, как до Анд рачки (в ряде тестов на умственные способности, где анализировались возможности животных в решении разных задач, натуральные свиньи демонстрируют высокий результат как по параметру сообразительности, так и по параметру обучаемости, не уступая в результатах собакам, а нередко и превосходя их). Но определенной дрессуре (если, конечно, периодическую порку веником можно отнести к искусству приучения животного к выполнению/невыполнению каких-нибудь нужных человеку

действий) морские свинки поддаются: успехи бабы Фроси в перевоспитании вредного любимца к концу жизни свинки были хоть и слабо, но все же заметны.

Человек – существо, намного разумнее морских свинок и даже свиней, а потому во много раз лучше обучаемое. Но еще важнее – способное к самообучению и самосовершенствованию. Многим кажется, что в этом опыте, который много лет кряду проводится над целым народом, абсолютное большинство простых украинцев пребывают всего лишь в одной ипостаси – объектов экспериментирования, манипулирования, в общем – доведения до состояния подопытной твари, с которой корыстолюбцы-экспериментаторы (коммуняцкий партхозактив/спекулянты/мальчиши-нувориши/олигархи/депутаты и т.д.) как при СССР, так и в независимой Украине драли и продолжают драть три шкуры. Увы, такой подход страдает однобокостью и упрощением. На самом деле мы все и во всём являемся самими что ни на есть, извините за тавтологию, поделщиками, т.е. одновременно еще и субъектами проведения невиданного в истории лонгитюда. Есть такая английская идиома – *To have finger in the pie*, что в дословном переводе означает «держат палец в пироге», а в литературном – «иметь рыльце в пушку». Представлять себя исключительно пушистыми, как морские свинки, а гнобителей-экспериментаторов – как скользких, облезлых упырей, сосущих народную кровь, – не совсем продуктивно для установления истины. Взять, к примеру, нашу теневую экономику. По разным подсчётам, теневой сектор занимает 40-60% экономики Украины. На диаграммах ВВП чаще всего изображают в виде пирога. Так вот, если честно, сколько наших сограждан «держат палец» в пироге, выпекаемом в теневом секторе отечественной экономики? Большинство. Причем некоторые – все свои двадцать пальцев. И это не только олигархи, работники Госавтоинспекции, таможни, милиции и налоговой инспекции. Это представители практически всех слоев общества. Врачу, исцелился сам! Эту библейскую фразу при определенном переосмыслении можно отнести не только к врачу, берущему или вымогающему взятку, а ко всем нам, которые не могут, а главное, не хотят изгнать из своих голов и душ бешов коррупции и прочих нехристианских мыслей и поступков.

Возвращаясь к проблеме «субъекты-объекты» (палачи-жертвы), хочется также отметить следующее. В своем последнем (по свежести) тексте М.Жванецкий написал: «Никакой президент нас не изменит. Он сам из нас. Он сам неизвестно как прорвался». Увы, известно. Да Михаил Михайлович и сам знает, что даже в наших СНГовских королевствах кривых понятий в президенты не прорываются,

а худо-бедно избираются. Кто же избирает этих нехудых и небедных, которые, вкупе со своей камарильей, так и норовят сделать нас худыми и бедными? Может, их избирают представители мировой закулисы или прилетевшие на выборы марсиане-карусельщики? Отнюдь. За них голосует собственное население, электорат (назвать гражданами тех, кто голосует за пакет гречки, язык не поворачивается). И в таких королевствах короли, как правило, голые. Как, впрочем, и депутаты, прорывающиеся к кормилу власти и превращающие его в кормушку. Но, как сказал наш первый президент, «маємо те, що маємо». Но и Леонида Макаровича я позволю себе подправить: «маємо те, що нічого не маємо». И одна из веских причин этого – расплодившиеся на наших «теренах» те самые «морские свинки», которые обуславливают неизбежное перерождение нормального государства в королевство кривых зеркал. Соучаствуя в этом, мы позволяем правителям беспредельничать по-крупному в обмен на то, что они будут сквозь пальцы смотреть на наши мелкие коррупционные шалости. В таких королевствах народ безмолвствует даже тогда, когда уже надо криком кричать. И, зная это, правители могут позволить себе заявлять, что они слышат всех и каждого. Но всё это – слова, слова, слова, хотя состояние в подобном обществе таково, что впору вооружаться другой гамлетовской максимой – «Быть или не быть?..» И подобный монолог каждый должен читать себе ежедневно, как «Отче наш». Почаще грызть себя, а не чужой веник. Иначе поганой метлой мы будем постоянно загнаны под ванну, под плинтус, в пятый угол (далее – везде). И, что самое интересное, мы будем загонять себя в самые труднодоступные места сами! Одно из них то, которое рифмуется с возжеленной Европой. У нас даже в Конституции прописана эта наша дорожная карта на будущее. Но с цивилизованной Европой нас, географических европейцев, отделяет пропасть, через которую надо соорудить мост. У мостостроителей есть традиция: при первом испытании готового моста они должны стоять под возведенным ими сооружением. Всем понятно почему. Непонятно только то, как может выстоять что-либо, сооруженное в стране с псевдопонятиями и квазиспециалистами, где все держится на честном слове?

Какой-нибудь иностранец (например, гвинеец или гондурасец), прочитав последнюю фразу, может подумать, что «на честном слове» – это значит надежно и добросовестно. Увы, это всего лишь очередная смысловая «морская свинка», означающая не что иное, как «на соплях»...

*Борис Ревчун, хозяин морской свинки конца 1950-х годов.
Газета «Украина-Центр», №16 от 02.05.2013*

ПО ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ С РЕЕСТРОМ

Нет, я не ошибся, корректора – тоже. С оркестром, как у нашего земляка режиссера Петра Тодоровского, мне тоже довелось несколько раз пройтись по родной улице Ленина. Но это были исключительные случаи. По Ленина, в отличие от главной улицы военных парадов и «демонстраций трудящихся» – К.Маркса, – мы все ходили не только по праздникам, не под оркестры, не по разнарядкам «четырёхугольника» (дирекции, профкома, партийного и комсомольского комитетов), а по велению души, которая требовала праздника и в будни.

Э.Хэмингуэй утверждал, что Париж – это праздник, который всегда с тобой. Рядовым кировоградцам трудно было судить о справедливости этого утверждения, потому что во времена развитого социализма, согласно Владимиру Высоцкому, мы в Париже были «нужны, как в русской бане лыжи». Но нам тоже нужен

На фоне Нью-Йоркской фондовой биржи: угол улиц Брод-стрит и Уолл-стрит, в квартале от Бродвея. Сентябрь 1997 года

был свой праздник. Причем «который всегда с тобой». И у жителей Маленького Парижа (то бишь Кировограда) он был. У нас была улица Ленина, такая нескончаемая фиеста из собственного теста.

Конечно, у жителей большого (настоящего) Парижа и окрестностей французской столицы было больше оснований назвать именем Ленина улицу, на которой он проживал в 1911 году. А если б еще намалевать

на асфальте какие-нибудь зигзагообразные логотипы по маршруту следования вождя мирового пролетариата – вот бы туристы и хлынули в Париж и Лонжюмо. Но, видать, не хватило им, убогим, креатива.

Ну да Бог с ними, нам пора возвращаться в Кировоград, на улицу, которую редактор «УЦ» в своей колонке обозревателя емко и справедливо назвал «центром мироздания». В глубинах моего подсознания тоже имеется свой реестр со своим ранжиrom разнообразных сведений, воспоминаний и впечатлений об этой специфической кировоградской улице. Следует отметить, что прогуливаться со своим реестром я буду преимущественно не по нынешней улице Дворцовой, а по еще старой улице Ленина.

В комментариях к статье Е. Мармера «Есть город, который я вижу во сне» на сайте «УЦ» возникла дискуссия по поводу того, как все-таки народ называл главную улицу Кироваграда – Ленина или Ленинская. Насколько я знаю (по себе и многочисленным друзьям-знакомым) – и так, и этак, вне зависимости от того, развитой это уже был социализм или еще недоразвитый. Но в контексте моего исследования улицу все же правильнее (если учитывать не букву, а дух) называть Ленинской.

Дело в том, что прогулочные «стометровки» и местные «бродвейи» имели многие советские города и поселки. Но рискну заявить, что наша была уникально цельной по названию улицы и по содержанию своего имени. Даже нью-йоркский Бродвей меньше соответствует своему названию, так как местами этот «широкий путь» своей анонсированной шириной не превосходит другие авеню, а нередко и уступает им, разрезающим с юга на север город Большого яблока. Кстати, за исключением нескольких бродвейских кварталов, я бы отдал предпочтение улице Ленина (особенно сегодняшней отреставрированной Дворцовой) и по красоте, и по комфортности для пешеходов.

Между прочим, буквально в одном квартале от Бродвея (Broadway), в районе Уолл-стрита (Wall Street), расположена, пожалуй, более важная улочка под аналогичным «широким» названием Брод-стрит (Broad Street).

Так вот кировоградская улица Ленина первого послевоенного десятилетия имела большее сходство с Брод-стрит, чем с Бродвеем, как мы в шутку называли центральную пешеходную часть Ленинской. Почему? На манхэттенской Брод-стрит расположена Нью-Йоркская фондовая биржа – основной драйвер не только местной, региональной и федеральной экономик США, но рыночных хозяйств практически всех ведущих стран мира. На улице Ленина конца сороковых – начала пятидесятых годов тоже находились главные драйверы (на жаргоне компьютерщиков – драйверА) аппаратного обеспечения работы всех сфер жизни Кирова-

града и области: обком партии и комсомола (выходившие сюда торцом здания), горком партии и комсомола, а также некоторые периферийные узлы этих политических структур, как то казармы и «конторы» вооруженных отрядов партии (армии, спецслужбы, милиции). Без них советская система не смогла бы функционировать в заданном режиме. Моя мать в упомянутые годы работала в пяти учреждениях, расположенных на улице Ленина, четыре из которых (горком, обком комсомола, горком партии, городской лекторий общества «Знание») были сугубо идеологическими, ленинскими по сути. Именно благодаря ее рассказам мой собственный реестр знаний и воспоминаний о Ленинской существенно расширился, позволяя делать определенные обобщения и выводы.

Ленинская была очень идейной улицей, определяющей, «что такое хорошо и что такое плохо». Например, в непосредственной близости, буквально в двух-трех десятках метров по диагонали, здесь соседствовали Доска почета (напротив театра им.М.Л.Кропивницкого) и стенд «Не будь таким» (у горотдела милиции). На ней в разных учреждениях и организациях поощряли лояльных системе или журили-карали строптивых и неугодных, восхваляли Систему и прославляли ее создателя.

Я тоже нередко в этом соучаствовал. В моем реестре, например, хранится такое воспоминание: на улице Ленина я пел с Лениным. Даже примитивное четверостишие об этом написал:

И с Лениным на Ленина,
На сцене Октября
Я гордо, вдохновенно
Пел хор из «Октября».

Как писал настоящий поэт Ярослав Смеляков, «не считите, что это в бреду». Ведь Ленин не то что в Кировограде, в Украине сроду не бывал, да и хронологически «дебет с кредитом» не сходятся. Тем не менее, это было наяву, на улице Ленина, на сцене Дворца культуры им. Октября. Краснозвездовцы унаследовали здание бывшего Елисаветградского Общественного Собрания от Русского театра им. С.М. Кирова, труппа которого в середине пятидесятых выехала работать в г. Жданов (ныне – Мариуполь) Донецкой области. Во Дворце Октября я пел сызмальства: сначала как солист хора мальчиков, позже – как участник самодеятельной заслуженной хоровой капеллы.

И вот в середине 1960-х, к очередной годовщине Великого Октября, во Дворце Октября была поставлена одна из ключевых картин оперы Вано Мурадели «Октябрь». Действие происходит в

Разливе, где Ильич в шалаше скрывается от сыщиков буржуазного Временного правительства. Рядом с ним – мальчик, вероятно, сын Емельянова, рабочего Сестрорецкого оружейного завода, помогавшего прятать пролетарского вождя. Я был несказанно горд тем, что сыграть-спеть мальчика доверили именно мне. Роль/партию Владимира Ильича исполнял штатный кировоградский «Ленин», самодеятельный актер Дворца им. Октября Александр Волошин. Между прочим, очень хороший «Ленин». После пламенного речитатива главного героя оперы о том, что большевики бесповоротно встают на путь восстания, которое непременно поднимет все человечество к свободе и принесет народам мир и счастье, Ленин вдруг прислушивается к песне проплывающих рыбаков.

– Слышите? – говорит он, – «Камушку» поют, нашу волжскую песню...

Ленин начинает подпевать, я подхожу к нему и тоже подпрыгаю. Выходя на форте, мы с дядей Сашей вдвоем выдвигаемся на авансцену. Заряженный в кулисах хор ряженных рыбаков (он же – заслуженная капелла Дворца Октября) подхватывает наш дуэт, выходя на мощное *crescendo*. Публика рукоплещет, я переключаю настоящий катарсис...

А был ли мальчик? Может, и был. Он мог периодически приносить Ленину снесь или сменное белье. Когда в постсоветской историографии начали «стирать грязное белье» вождя, оказалось, что с Ильичом в шалаше жил елисаветградец Григорий Зиновьев. Если оперировать мальчишескими категориями «хороший-плохой», то с 25 августа 1936 г. Зиновьев был у нас признан исключительно плохим, вплоть до исключительной меры наказания. Хотели даже убить память о нашем земляке. Например, на доме, где он родился и жил по улице Михайловской (ныне – Кирова), сняли мемориальную доску о том, что его обитатель был первым председателем исполнительного комитета Коммунистического интернационала. Ее восстановление – вопрос спорный. А вот исчезновение замечательной (и по форме, и по содержанию) мемориальной доски из белого мрамора, висевшей на снесенном здании Дворца им. Октября, – это головотяпство, граничащее с преступлением. Надпись гласила: «У цьому будинку з 1869 по 1883 роки виступав любительський театральний гурток, заснований І.К.Карпенком-Карим та М.Л.Кропивницьким. У 1875 році тут уперше були поставлені «Вечорниці» П.І.Ніщинського. У спектаклі брали участь П.І.Ніщинський, М.Л.Кропивницький, І.К.Карпенко-Карий, М.К.Садовська-Барілотті, М.К.Садовський».

Согласно исследованиям кировоградского краеведа Ю.Мативоса, это здание являлось историческим еще и потому, что в нем 27 октября 1882 года была поставлена знаменитая «Наталка Полтавка». Главную роль исполняла будущая гениальная Мария Заньковецкая, а роль Миколи – Садовский. Именно этот день считается днем рождения украинского профессионального театра. Здесь ставили в основном украинские спектакли, а русские шли в Зимнем театре. Да, старая оригинальная доска, конечно, не совсем гармонировала бы с новоделом, возведенным на месте стоявшего здесь Елисаветградского Общественного Собрания, но отсутствие утерянной (уверен, прихваченной каким-то черным краеведом) таблички, как говаривал О.Бендер, – «гораздо хуже». Впрочем, здесь можно было бы установить информационный стенд, такой же, как с десятков других, появившихся в рамках замечательного проекта «Елисаветград – креативне місто». Ведь мало кто из кировоградцев знает, что один из первых в Украине театров начинался не в недавно прекрасно отреставрированном здании у Ковалевского парка, а именно в помещении, на месте которого сейчас размещается отделение «Ощадбанка» Украины.

Через дорогу, у здания бывшего отделения Петроградского международного банка, такой информационный стенд есть. На нем расписана история строения, хотя в записях не отражен один любопытный факт, почерпнутый мною из воспоминаний матери. В просторном подвале здания, где ныне разместился ресторан «Первая скрипка» (Primo Violino), после войны был продуктовый спецраспределитель для кировоградского партхозактива. Этот «хапчик» на улице Ленина по своей сути был вполне ленинским. На Ленинской, в кинотеатре им. Дзержинского, можно было увидеть, как вождь пьет морковный чай без сахара с кусочком черного хлеба. Однако Анатолию Латышеву, известному историку-лениноведу, после августовских событий 1991 года удалось раздобыть документы из секретного фонда Ленина и закрытых архивов КГБ. В них он обнаружил немало свидетельств об обильных и роскошных пиршествах вождя, о том, какое огромное количество черной и красной икры, деликатесной рыбы и прочих разносолов регулярно поставлялось кремлевской номенклатуре в первые голодные годы Гражданской войны и послевоенной разрухи.

После второй (мировой) войны, особенно в голодовку 1947 года, в Кировограде ситуация повторилась. Подпольный обком действовал. В 1957 году для всех партийных органов Кировоградщины построили новое помпезное здание, местный «Белый Дом» с колоннами, в столовую которого (снова – в подвал) переехала и

партийная подпольная кормушка. А на Ленинской остались очереди для простых смертных. В разные годы они были разными по длине и ширине. Особенно мне запомнились огромные, извивающиеся, выходящие далеко за стены магазина, очереди за хлебом. В эти периоды из Broad Street Ленинская превращалась в Bread Street, что в переводе означает «улица Хлебная».

Те, кто постарше, вспоминают большие уличные очереди на Ленина в 1953-1954 годах. В мою же память врезались хлебные «хвосты» одного из шестидесятых (пиковый год «великого стояния» на Ленинской пришелся, если не ошибаюсь, на 1964 год). А еще помню, что тот дефицитный хлеб (строго одна буханка в руки) был больше из кукурузы и гороха, чем из пшеницы и ржи. Его так и называли – кто «кукурузным», кто «гороховым».

Напротив хлебного магазина была гостиница «Колос» (раньше называвшаяся «Домом колхозника», позже – «Ингулом»). В названии гостиницы, взирающей своими окнами на толпы жаждавших хлеба насущного, чувствовалась своеобразная укоризна в адрес тех, кто кормит хлебом не из колосков (как традиционно привыкли жители благодатного черноземного края), а из початков и стручков.

Справедливости ради следует признать, что в дальнейшем, особенно после того, как СССР стал огромными партиями (до 50 млн тонн в отдельные годы) закупать фуражное зерно в США, Канаде и ряде других капстран, дела с хлебом на столы трудящихся (в т.ч. кировоградцев) пошли на лад. Более того, если бы к тог-

дашнему хлебу (горбушки которого я начисто обгрызал, ни разу не донеся буханку целой домой) применить оценочный критерий «цена/качество», то ни одна из самых развитых стран мира не выдержала бы с нами конкуренции по продукту, который у нас был головой всему. Но раз уж установление цены в СССР власти отняли у рынка и стали административно назначать, то надо было это делать с головой, ведь объективные экономические законы не обманешь.

Хлеб (16, 20 копеек за килограмм отменно выпеченной серой или белой буханки!) сделали суперсоциальным товаром. Но, как оказалось, не только для людей, но и для свиней. Как и для всей прочей домашней скотины. Попробуй вырасти чушку кормами со своего небольшого подсобного хозяйства! Как мы говорили в детстве, «заморишься!» Не все же могли утащить с колхозных и совхозных ферм комбикорм или дары полей коллективных и государственных хозяйств. Лучшего корма для скотины, чем дотационно-уцененный печеный хлеб, в личном хозяйстве придумать было трудно, особенно если учесть, что производство мяса и изделий из него дотировалось меньше. Но все равно мясной продукции в магазинах всегда было мало.

Мясо и мясные изделия на Ленинской продавались преимущественно в гастрономе №28 (пьяный угол) и в магазине «Українська ковбаса», который позже переехал на улицу К.Маркса, уступив свое помещение слегка экзотичному по ассортименту мясной продукции магазину «Дары природы». В нем как раз законы спроса и предложения (а не административные законы властей) срабатывали. Редкая в наших краях медвежатина продавалась свободно. Однако подолгу залеживалась на охлажденных витринах, как мишка в берлоге, потому что кусалась своей ценой. На редкость дорогими было и другое зверье, а также дикая птица, например, рябчики.

А вот ананасов во фруктово-овощном отделе этого магазина не было. Так что почувствовать себя хотя бы раз буржуем, хотя бы в траковке Маяковского, не удавалось даже самым состоятельным кировоградским покупателям. Таковых у нас было очень мало, как и в стране в целом, так как не было рынка труда, а власти платили работникам государственных предприятий и организаций мало. Намного меньше, чем братья-капиталисты Эльворти платили квалифицированному рабочему своего завода, который на одну зарплату мог свободно содержать большую семью. Но об этом в областном краеведческом музее по улице Ленина в советские времена узнать было невозможно. Зато возможно было ком-

пенсировать дефицит мяса чрезмерным (по сравнению с научно обоснованной нормой) потреблением дешевого хлеба.

Переходя от хлеба к зрелищам, следует заметить, что, по большому счету, практически все культурно-просветительные и рекреационные заведения, коих на Ленина хватало, многопланово, но слаженно выполняли одну из триединых задач построения коммунизма – воспитание нового человека. Такого, которому все-таки удастся возвести Вавилонскую башню для счастливого интернационала людей, говорящих на одном социально-экономическом и политическом языке. Даже аутентичные англоязычные газеты капиталистических стран, которые мы, студенты-иностранцы Кировоградского пединститута, покупали на Ленинской в магазине «Книги», в одну дуду с «Правдой» несли нам неправду и о нас самих, и о себе – Великобритании, США и прочих цитаделях и оплотах эксплуатации человека человеком. Правда, эти газеты (Morning Star, The Daily World etc.) были печатными органами коммунистических партий соответствующих стран. Конечно, поразительная четкость фотографий в Morning Star, которой не могли достичь ни в одной из советских газет того времени, могла подсказать думающему (даже не на английском языке) читателю, что, по крайней мере, в технологии тиражирования изображений эти загнивающие капиталисты почему-то превосходят могучий Советский Союз.

А еще простодушные капиталистические издатели коммунистических газет, щедро подкармливаемых из соответствующих фондов КПСС, нередко покусывали кормящую руку: допускали антикоммунистические ляпы (то про деятельность правозащитной Amnesty International черкнуто, то про миротворческие инициативы программы академика Сахарова проговорятся...) Из подобных осколочков в этой красноречивой ежедневной газете (на ее логотипе – пятиугольная красная звезда, хотя название переводится как «Утренняя звезда») при небольших аналитических усилиях можно было сложить хоть и мозаичную, но всё же более-менее реалистичную картину хроники событий, происходящих в мире. Чего, напротив, нельзя было увидеть напротив того места, где на главной кировоградской улице продавалась лондонская Morning Star, – в «Хронике».

В детстве это был мой любимый кинотеатр, где показывали преимущественно экранизированные «Марсианские хроники» советского агитпропа. Тогда хронической дезинформации о событиях внутренней жизни и диффамации реалий бытия забугорных стран в киножурналах типа «Новости дня», «Иностранная

хроника» и т.п. я не замечал и не понимал. Проглатывая комплексный кинообед, особо смаковал научно-популярные сюжеты, очередные выпуски «Фитиля», мультики и прочие «цікавинки» фуршетного винегрета: поглощать можно было «от пуза», с утра до вечера, и всего за 10 копеек.

Через дорогу, в уже упомянутом книжном магазине с отделом периодики, советские газеты вообще стоили грошИ – если точно, то всего 2-3 копейки. Но нужного власти пропагандистского контента через эти печатные издания втюхивалось на десятки рублей. А в закрытых обществах ленинского типа это дорогого стоит, и власти это прекрасно понимали и дотационных ассигнований «Министерству Правды» не жалели.

В находившемся на этом же квартале городском лектории общества «Знание», которым моя мать заведовала в 1954-1957 годах, пропагандистско-идеологической информацией можно было затариться и вовсе бесплатно. Кварталом дальше (по возрастанию номеров) на Ленинской возвели еще один коммунистический пропагандистский храм – Дом политпросвещения (ДПП). В горлекторий никого особо не загоняли, порой наоборот: когда из Киева или Москвы (!) изредка приезжал лектор-международник, то попасть на такое аншлаговое мероприятие было очень непросто. А вот в вечерний институт марксизма-ленинизма при ДПП – запросто. В этот квази-ВУЗ советского человека «поступали» примерно по такому сценарию:

- Не хотите ли вы поднять свой идейно-теоретический уровень?

- Не хочу.

- А придется!

Впрочем, ДПП появился попозже, да к тому же за пределами пешеходной части Ленинской. Там на лекциях и семинарах рассказывали протухшие постулаты вечно живого учения, тогда как на променадной части улицы – свежие прикольные анекдоты, в том числе и о Ленине. Политический анекдот в те времена был запретным плодом, и чем солоней он был, тем слаще.

Выходя на тему народных гуляний по Ленина – безусловной фишки этой улицы, – следует заметить, что обмен анекдотами, зубоскальство и фрондирование было, конечно, не главной причиной того, что народ массово выходил на ежедневный вечерний моцион. Это, повторюсь, был яркий праздник среди серых будней. Для вечерней Ленинской делались прически и наводился марафет. Ленинская при всей своей кажущейся хаотичности состояла из организованных передвижных групп (ОПГ), самоход-

ных клубов по интересам. Это был одновременно и сплоченный монолит, и частично атомизированное броуновское движение одиночек, еще не отыскавших своих и не прибавившихся к ним. Она представляла собой одну закольцованную колонну, которая, в основном по правилам правостороннего движения, курсировала между парком Ленина и площадью Кирова. Из сплошного людского мейнстрима периодически вырывались протуберанцы любителей отжечь на танцплощадках в парке и у Дома офицеров, но к 11-ти вечера такие «командировочные», как правило, успевали вернуться с «отхожих промыслов» и еще хоть кружочек сделать по Ленина, как бы заглаживая свою вину временной измены родимой улице.

Всё это было задолго до «Большого Предательства», сравнимого разве что с Большим Взрывом. Последний, правда, привел к созданию и раннему развитию Вселенной, тогда как первое – к гибели «мироздания» под названием «ежедневные массовые гуляния на Ленина». А было ли Предательство? Почему жители Кировограда некогда так дружно и радостно прогуливались по Ленина, а потом вдруг начали манкировать? Им стало некогда? Возможно ли сегодня во второй раз снова войти в ту же самую людскую реку?

Может, недавно появившиеся рукотворные летние пороги в русле этой реки, в виде вывалившегося на ее середину «пивного живота» Черчилля (паб Churchill) или террас кафе Best Burger, «Мокко» и ресторана Primo Violino, или запертые на замок слагабумы у облупавления СБУ препятствуют широкому вольному людскому потоку? Такое объяснение было бы очень примитивным, поэтому давайте попробуем во всем разобраться глубже и серьезней.

Посмею предложить и, в силу своих возможностей, обосновать как более вероятные некоторые соображения насчет постепенного исчезновения вечернего прогулочного половодья на Ленинской.

Так, Ленин неоднократно и убежденно педалировал постулат о том, что, в отличие от буржуазного, социалистическое общество (предбанник коммунистического) должно строиться не как потребительское, где возможны особи, подобные бурсакам Помяловского (с завидующими глазами и загребущими руками), а как высоко духовное сообщество людей, где естественной смертью умирают даже мысли о том, как бы потуже и повкусней набить брюхо да нацепить на себя «бронзулетки» или шмотки попрестижней. И экономическим фундаментом для этого должно по-

служить динамично создаваемое изобилие всевозможных благ, вплоть до распределения их по потребностям при полном коммунизме. Его приход ленинская КПСС пообещала уже в 1980-м на своем XXII-м съезде (1961 г.), в Программе построения коммунизма. Ее текст завершала знаменитая фраза (впоследствии изъятая): «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Многие из поколения шестидесятников уже, полагаю, попали в райские кущи полного изобилия, но, к сожалению, не на Земле. Но это так, в качестве нелирического отступления. Предлагаю, однако, вернуться на грешную землю, точнее – на асфальт улицы Ленина.

Измученные всевозможными дефицитами советские люди, вопреки ленинскому предсказанию, выказывали неистребимый и даже все возрастающий интерес к вещам. Потребительство и вещизм все больше становились у нас существенной составляющей всех сфер жизни. Улица Ленина была перманентной ярмаркой тщеславия. На этом заасфальтированном подиуме шел ежедневный показ купленных или пошитых модных обновок. Здесь делалась заявка на определенную особенность участника уличной тусовки и подтверждение статуса каждого вышедшего сюда по части возможностей достать приличную одежду, обувь, разные украшения, аксессуары. Упаковочной полиэтиленовой сумки Montana уже было достаточно, чтобы с выросшими за спиной крыльями гордо парить над толпой североамериканским белоголовым орланом, ловя восторженные взгляды завистников. Даже если самих джинсов с лейблом орла с расprostертыми крыльями у человека отродясь не было, пакет из-под «Монтаны» уже был высшим пилотажем «доставательства». Сейчас самоутвердиться в своих и чужих глазах за счет правдами и неправдами добытого тряпья и обуви – очень сложно. Потому что купить все это – любых брендов и трендов – не проблема.

Следующая версия такова. Кроме праздных прогулок по улице, у человека могут быть другие, альтернативные варианты использования своего времени. Предприимчивых людей, которые больше других ценят свое время как ресурс для приумножения своих доходов и активов, Ленинская могла б и недосчитаться. Но за предпринимательство можно было и под уголовную статью попасть. Будучи лишенными возможности реализовать свои предпринимательские способности, эти потенциальные бизнесмены вливались в общую толпу и «хиляли» по кировоградскому «Бродвею» вечера (а в выходные – и дни) напролет.

Те же, у кого таких амбиций не было, становились ленинскими «ходоками», потому что лучших вариантов проведения свободного времени у советского провинциального жителя было очень мало. Могло ли, например, тогдашнее телевидение составить какую-то конкуренцию для «верных ленинцев»? Вопрос почти риторический. Прогулки по Ленинской, безусловно, представлялись лучшей альтернативой приятного времяпрепровождения. Лично я бы, например, несомненно, остался у телевизора, если бы в прогулочный прайм-тайм показывали хотя бы один тайм матча «Барселона» – «Реал» или «Манчестер Юнайтед» – «Арсенал», не говоря уже о решающих матчах еврокубков, да еще с участием отечественных клубов. Но, как известно, ничего подобного советский болельщик увидеть не мог. А вот вечерняя информационная программа «Время» советского ЦТ (21:00 – 21:30, т.е. самый-самый «высокий сезон» гулек на Ленинской) имела для меня гораздо меньшую ценность. Поэтому я без раздумий и колебаний жертвовал программой «Время» ради более приятного для меня гулянья по Ленинской.

Сегодня многие десятки телеканалов по кабелям и «тарелкам» ежедневно предлагают нам сотни телепрограмм на любой вкус, и самое «вкусненькое» – по вечерам. На их просмотре могут зависнуть на дому очень многие потенциальные любители пеших прогулок.

Я не говорю, что это здорово или здорово. Просто констатирую современные реалии. Но, мысленно возвращаясь в советские времена, я хочу напомнить, что программ у нашего провинциального телевидения было раз, два – и обчелся. Буквально. К тому же вторая программа появилась не скоро, очень долго мы довольствовались одной-единственной. Да и ту многие поначалу смотрели у своих соседей, как и я, например. Первый собственный черно-белый телевизор (47 по диагонали, и не дюймов, а сантиметров) мы приобрели в рассрочку в 1967 году, когда мне было уже 18 лет. Да даже когда почти все обзавелись собственными телеприемниками, смотреть по ним особо было нечего. Конечно, были исключения. Но в целом все было по Высоцкому: «Смотришь конкурс в Сопоте и глотаешь пыль...» А на Ленина к вечеру ветер, как правило, стихал, особой пыли, в общем-то, не было. Ну разве что пронесется с ветерком сквозь расступающуюся толпу на своем «К-750» милицкий куратор Ленинской легендарный старшина Липа, транспортируя в горотдел милиции (Ленина,6) в мотоциклетной коляске какого-нибудь нарушителя социалистической законности. А так – тишь да гладь, да прогу-

лочная благодать – куда ценнее скучного телевизионного официоза да фильмов с сюжетной линией «Трактор встретил девушку» из скромного по качеству картинки электронного «ящика».

Ленинская как центр перманентной пешеходной фиесты сыграла бы в ящик намного раньше и быстрее, появившись у нас тогда мобилки да компьютеры с Интернетом.

Сначала – о телефонах. Эти атрибуты прогресса являются основанием для первой «технической» версии сначала массового вечернего выхода кировоградцев на улицу Ленина, а потом – ее запустения. В те времена, когда о мобильниках можно было прочесть только в научно-фантастической литературе, у советских людей и обычных-то стационарных телефонов было не так уж много (по тогдашним западным меркам – мало). Порой необходимость побыстрее связаться с нужным человеком вырастала в целую проблему. Разрешить ее помогала улица Ленина, выполнявшая по вечерам роль своеобразного коммутатора. Очень многие выходили на Ленинскую именно с целью встретить и поговорить с «нетелефонизированными абонентами». С массовой телефонизацией, особенно ее мобильной стадией, такая функция у Ленинской отпала.

Вторая аналогичная версия связана со столь же массовой компьютеризацией. Компьютеры с Интернетом тоже оттянули бы большую часть тусовочников с Ленинской. Кстати, на этой улице сегодня идет бойкая торговля компьютерами. Без Интернета нынешний компьютер – что машинка «Элема», которую на излете своего прерванного электронным прогрессом полета выпускал наш «Пишмаш». Эта машинка имела определенный объем памяти и предназначалась для размножения текстов. Сомневаюсь, что в конце пятидесятых – начале шестидесятых такой аппарат, будь он тогда технически возможен, позволили бы где-либо в Союзе выпускать для продажи в личную собственность граждан. Тогда и обычные пишущие машинки ставились на учет в «компетентных органах», дабы в случае чего легко вычислить и повязать того, кто рискнет размножать какую-нибудь антисоветчину. А уж Интернет!.. Недаром его закрывают, «кастрируют» и контролируют в тех нескольких оставшихся в мире странах-резервациях, где он может помешать вешать на уши идеологическую лапшу. Ленин рекомендовал революционерам в первую очередь захватывать почту и телеграф. Живи он в наше время (а коммунисты по-прежнему продолжают утверждать, что «Ленин и сегодня живет всех живых»), то свои рекомендации непременно распространил бы и на Интернет.

Да, переименование этой улицы давно зрело... Хотя дворцов (имени Октября и пионеров) на ней стало меньше (что тоже вроде не согласуется с новым-старым названием Дворцовая), но ленинского на этой улице сегодня осталось еще меньше. А вот банков на ней стало в разы больше. Сейчас здесь 10 отделений всевозможных банков. Вот переименовать бы ее в Банковую! У нашей Дворцовой теперь больше оснований претендовать на такое кредитно-финансовое название, чем у одноименной столичной улицы.

Кстати, усопшему вождю, чье имя с 1919 года носила наша главная улица, это название не понравилось бы. Ленин банкиров не любил, обзывал их всякими нехорошими словами. Когда в мае 2008 года в Киеве проходило ежегодное собрание управляющих Европейского Банка Реконструкции и Развития, активисты КПУ пикетировали здание «Октябрьского Дворца», где проходило мероприятие, транспарантом: «Банкир – лобковая вошь капитализма. В.И.Ленин». Впрочем, Ленин и дворцы недолюбливал. Мир хижинам, война дворцам! Этот выдвинутый французской буржуазной революцией лозунг был вполне в его духе. Первый камень в фундамент Дворцового корпуса на изначальном Верхнедонской заложил не кто иной, как император Николай I, тот еще гнобитель бедных! Впрочем, все эти мои рассуждения – в пользу бедных: возврат прежнего названия улицы состоялся, и возвращаться к этому вопросу никто не собирается.

И на Ленинскую по вечерам уже никто не собирается. Хорошо это или плохо? Скорее всего – закономерно. Умом понимаешь, иначе быть и не могло. Но странно: сердце сладко щемит от нахлынувших воспоминаний, а ноги готовы бежать на ту далекую, неповторимую, оживленной толпой безвозвратно ушедшую от нас в Историю улицу Ленина. Почему? Попробую ответить ностальгическим четверостишием-эпилогом:

Мы время не звали: «Постой, погоди!»,
В открытое море вели корабли...
Бесценное чувство, блаженству сродни,
Что всё еще будет – вся жизнь впереди!..

«Верный ленинец» Борис Ревчун.

Фото автора, Павла Волошина и из коллекции Ю.В. Тютюшкина.

Газета «Украина-Центр», № 44 от 30.11.2013

ОХЛАЖДЕННЫЕ ЗАМЕТКИ О ПРОШЕДШЕМ ЛЕТЕ

Нет, уважаемый читатель, это не плагиат, а всего лишь перифразированный вариант названия записок великого путешественника. Определение «великий» в данном случае относится к литературной ипостаси Федора Михайловича. А путешественником на момент сочинения своих «Зимних заметок о прошедшем лете» Достоевский, по его собственному признанию, был самым что ни на есть начинающим, хотя за два с половиной месяца своего первого заграничного турне он одним махом посетил 14 городов семи западноевропейских государств.

Мои летние поездки по количеству городов и стран были намного скромнее, хотя тоже на Запад, и в одном географическом пункте, Лондоне, даже пересеклись с маршрутом Достоевского (если, конечно, аэропорт «Хитроу», где мы дважды делали пересадку, считать Лондоном). И еще – одна из поездок также была на воды, и тоже в связи с оздоровлением печени. На этом совпадения заканчиваются, но я дерзнул примазаться к гению, т.к. мне понравилась форма его изложения – остуженная временем на переваривание увиденного, не сведенная только к впечатлениям о заграничных достопримечательностях, увиденных именно летом 1862 года. Автор перемежает свои заметки многочисленными, полными иронии и сарказма публицистическими отступлениями о литературе, временах и нравах в стиле «а кстати...» В своих заметках Достоевский путешествует не только в пространстве,

*На территории
Колумбийского университета.
Нью-Йорк, июль 2011 года*

но и во времени, далеко выходя за рамки конкретного года и увиденных стран, то периодически посещая Россию, покинув «на минуточку» Западную Европу, то «заезжая в старину», то снова возвращаясь в современную ему реальность. Может, и у меня получится вписать в по-

добный формат, к которому обязывает название моих скромных заметок.

С чего бы начать рассказ о собственных странствиях? Можно в духе космической эры – с гагаринского «Поехали!» Можно совсем без пафоса, буднично, как в полуторастилетней давности «Заметках...» Достоевского – «Ну, начинаю». Но меня вдруг как бесы (то ли Достоевского, то ли Пушкина) попутали: захотелось начать слегка перефразированной первой строкой книги новозаветного Евангелия от Иоанна (обязательно надо будет пойти в храм и замолить грех богохульства) – «В начале был Нью-Йорк». До недавнего времени он неоднократно признавался неофициальной столицей мира и наиболее влиятельным мегаполисом планеты. Но первенства своего не удержал и в самом конце ушедшего лета уступил его Лондону. Тому самому, который в «Заметках...» Достоевского предстал такой нравственной преисподней, что, казалось, непременно выродится и самоуничтожится в самом скором времени. Ан нет! Эксперты оценивали города-претенденты не только по политическому влиянию, доходам и богатству, глобальным связям, но и по уровню культуры и образования. Лондон набрал 22 балла, Нью-Йорк – баллом меньше.

Все эти рейтинги вовсе не означают беспроблемности и безоблачности жизни обоих мегаполисов. Лондон в августе этого лета содрогнулся от массовых погромных бесчинств хулиганов. Второй призер, Нью-Йорк, тоже имеет массу проблем. В этом году, например, он пережил нашествие клопов, на путях в подземке изредка можно увидеть крыс, а в вагон метро, начиная, скажем, со станции «125-я улица» восточного Гарлема и до конца 4-й линии в направлении южного Бронкса иногда могут войти такие внешне малоадекватные особи, что всем остальным пассажирам на душе станет неуютно. А вот по 1-й линии через тот же Гарлем, но западный, можно ехать в расслабленном спокойствии. Да и выйти в этом районе в город абсолютно безопасно. Мы, например, выходили. Побродили по величественному кампусу (студгородку) знаменитого Колумбийского университета, занимающего ныне 4-е место (после Гарварда, Принстона и Йеля) в рейтинге американских вузов.

Потом из кампуса спустились к Гудзону и прогулялись по чудесному живописному парку западного Гарлема. Наверняка среди сидящих на лавочках были и безработные, но в речку с Бруклинского моста, как это в 1925 году «наблюдал» Владимир Маяковский, они не кидались. И не потому, что получают пособие

*На фоне Метрополитен-музея.
Нью-Йорк, июнь 2011 года*

по безработице, а потому, что такого моста через Гудзон нет.... И никогда не было. С момента возведения и по сей день легендарный Бруклинский мост стоит на реке Ист-Ривер, омывающей Манхэттен с противоположной, восточной стороны...

Ну, оконфузился Владимир Владимирович, с кем не бывает. Маяковский, особенно ранний, всегда будет одним из моих любимых поэтов. Но из этого стихотворения (кстати, великолепного по технике исполнения) для советских школьников и студентов в мое время сде-

лали обязательку. К отечественным словесникам по этому поводу претензий быть не может. В своей подавляющей массе они были лишены возможности побывать «на месте преступления американского капитализма». И хоть в СССР было немало выездных (дипломатов, журналистов-международников и т.п.), знающих о досадном ляпе классика, стих из учебных программ не изымали. Уж больно хлестко и талантливо обличалась одна из неприглядных черт жизни «города Желтого дьявола». Для молодых открою, а для тех, кто постарше, напомним соответствующий пассаж из стихотворения «Бруклинский мост»:

Здесь жизнь была
одним – беззаботная,
другим – голодный
протяжный вой.
Отсюда безработные
в Гудзон кидались
вниз головой.

Побродив однажды с женой по Бруклинскому мосту, я отметил, что броситься с него даже в Ист-Ривер (не говоря уже про Гудзон, протекающий в 3-х километрах к западу) – штука совсем не простая, если не безнадежная в принципе. Дело в том, что пешеходная, центральная часть моста высоко приподнята над двумя боковыми автотрассами, машины по которым односторонне прут с Манхэттена в Бруклин и в обратном направлении в несколько рядов. Поэтому с пешеходной части моста броситься в воду абсолютно невозможно. Надо быть очень искусным эквилибристом, чтобы по тонким каркасным растяжкам добраться до краешка моста, не свалившись при этом под колеса лавины несущихся внизу автомашин, а уж потом броситься в речную пучину.

Но больше всего мы, конечно, бродили не по Гарлему, а по среднему и нижнему Манхэттену. В этот приезд мы решили неспешно прогуляться по 5-й авеню, которая делит длинный Манхэттен на западную и восточную части. Это самый богатый и известный нью-йоркский проспект (а не Бродвей, как у нас всегда считали). Свой променад мы начали с восточной оконечности Центрального парка, спускаясь на юг – в нижний Манхэттен. Многие туристические достопримечательности и символы Нью-Йорка, да и, пожалуй, всей Америки, сосредоточены именно на этой авеню. Мы стартовали с «Музейной мили» (она же – «Миля миллионеров», т.к. в ранних 1920-х самые богатые горожане начали строить здесь свои виллы). Слева и справа возникали то Новая галерея, то Музей Нью-Йорка, еще ниже – Национальный музей дизайна, Музей Соломона Гуттенхайма, Метрополитен-музей. Этот, последний, мы уже ранее посещали. Впечатлений, конечно, осталась масса. Например, обязательной фиксированной платы за вход в музей нет. Есть так называемая рекомендованная цена доступа к миллионам бесценных артефактов, собранных по всему миру (suggested admission fee), но можно заплатить, сколько сочтешь для себя нужным и возможным, хоть и 1 цент. Читатель подумает: ну, жлоб, – и это главное твое впечатление?! Нет, чтобы о каком-то эмоциональном потрясении от созерцания картин старых мастеров, древних саркофагов или хотя бы платьев от известнейших модельеров мира, так он, совок, – о чем-то мелком, околухудожественном, меркантильном!..

Взывая к снисходительности читателя, процитирую «Заметки...» Достоевского: «Но не думайте, однако, – предупреждает он читателей “Заметок...”, – что я вам много расскажу собственно о городе Париже. Я думаю, вы столько уже перечитали о нем

по-русски, что, наконец, уж и надоело читать». Так же и о Нью-Йорке, о любой его мало-мальски известной достопримечательности, в том числе об экспонатах знаменитого Метрополитен-музея, можно из книг, Интернета и прочих источников извлечь столько текстов, фото- и видеоматериалов, что жизни не хватит их перечитать-пересмотреть. А вот о предполагаемой входной плате, о том, что многие добровольно платят сверху, наш человек узнает не всегда. Ему просто в голову не придет искать подобную информацию, даже в Интернете. Кстати, с 1 июля с.г. предполагаемая плата возросла с 20 до 25 долларов, хотя, согласно калькуляциям специалистов, стоимость «окультуривания» одного посетителя Метрополитен-музея должна быть не менее 40 долларов. Разница компенсируется из городского бюджета. А вот в Вашингтоне все музеи вообще бесплатные. В конце мая позапрошлого года мы с супругой стали свидетелями настоящего паломничества в Вашингтон тысяч школьников из разных штатов для ознакомления с богатейшими экспозициями столичных музеев. «Господи, – шутила моя жена-учитель по поводу туч юных шумных компаний, снующих по музею, – только распрощалась до осени со своими учениками, как тут еще один улей с американской ребятней. Прямо нигде спасу нет!»

После такого небольшого серфинга «по волне моей памяти»

*«Русские» березки на
5-й Авеню в Нью-Йорке.
Июнь 2011 года*

возвращаюсь в Нью-Йорк, на 5-ю авеню. Как я уже предупредил, описывать Эмпайер-стейт-билдинг, Нью-Йоркскую публичную библиотеку, Рокфеллеровский центр и собор Святого Патрика, роскошные фирменные магазины известнейших фирм, представленных на этом главном имиджевом и торговом проспекте города, не буду (беру пример с Достоевского). Так о чем же тогда писать? Можно, например, о людях, встреченных на этой авеню. По справедливому, на мой взгляд, выражению Паскаля, человеку по-настоящему интересен только человек. А он широк. Это уже Ф.Достоевский. Как тут быть?

Сузить, как предполагал его герой Митя Карамазов. Конечно, сузить самого человека невозможно, а взгляд на него – вполне.

Ранее мы уже это практиковали, когда выхватывали из толпы толстых и очень толстых американцев, которых в Штатах аномально много. На этот раз жена предложила попристальней взглянуть на человека курящего (гомо курякус – на тарабарском латинском я бы так его назвал). Почему курящего? Да потому, что хотелось увидеть, есть ли результаты великого похода Америки против табачного дыма, прежде всего секонд-хэндовского. Нет, я не описался (ударение – на третьем слоге). Дым секонд-хэнд (secondhand smoke – SHS) – так дословно и чаще сегодня по-английски называется пассивное курение (passive smoking). Начиная с 1975 года, с запрета курить в большинстве общественных мест штата Миннесота, в США началась борьба за права некурящих американцев. Каждый штат определяет свои меры и зоны борьбы с пассивным курением. Что касается сегодняшнего города Большого яблока, то здесь такие запреты тоже давно существуют. С конца мая нынешнего года они еще больше ужесточены и распространены на заведения общественного питания, парки, пляжи и прилегающие к ним пешеходные дорожки, открытые и крытые стадионы, общественные школы гольфа, пешеходные зоны

*Кировоградский «Белый дом»,
конечно, круче, но настоящий Белый
дом тоже ничего.
Вашингтон, май 2009*

некоторых площадей, например, таких, как Таймс-сквер, Геральд-сквер, на игровые площадки и басейны.

На 5-ю авеню мы вышли из Центрального парка, где уже установлены таблички, оповещающие о недавно принятом мэрией решении распространить антитабачные запреты на нью-йоркские парки (их в городе 1700!). Можем констатировать: за полтора часа гуляний по

главной рекреационной зоне мегаполиса курящих мы не заметили. На прилегающие к Центральному парку кварталы 5-й авеню запрет на курение уже не распространяется. Поэтому, выйдя из парка, мы сразу же «включили счетчик». Подсчет велся на тро-

туарах одной стороны авеню, по которой мы шли в нижний Манхэттен. Чудесная солнечная погода обеспечивала достаточную многолюдность главного городского проспекта. По мере нашего приближения к нижнему Манхэттену проспект наполнялся все большим и большим количеством пешеходов, и на многих кварталах широкие многолюдные тротуары напоминали нам кировоградскую улицу Ленина субботним летним вечером 60-х-70-х годов прошлого века. Для тех, кто по малолетству не застал этот феномен, сообщу: по нашему ленинскому «Бродвею» погожими вечерами гуляли, без преувеличения, толпы желающих «на людей посмотреть и себя показать».

Так вот, наше более чем двухчасовое наблюдение этих масс людей на протяжении приблизительно семи километров выявило аж 27 дымящих пешеходов (естественно, взрослых, тинэйджеров среди американских куряк увидеть очень сложно), большинство из которых было представительницами прекрасного пола. У нас, возле входа в родной КНТУ, за время одной перемены можно одномоментно сосчитать столько же, если не больше, курцов... Как говорится в рекламе, ощути разницу. Вот мы и ощущаем, сначала носом, потом легкими, попозже – многими другими частями тела...

Естественно, наш моцион по Пятой авеню не ограничивался мониторингом многолетней кампании борьбы американцев за здоровый образ жизни. Еще, например, мы любовались... природой.

Да, да, не удивляйтесь. Нью-Йорк – это не сплошные каменные джунгли. Одних только белок и бурундуков, пасущихся в парках и на кладбищах диких гусей я здесь видел намного больше, чем за всю свою немалую жизнь в украинских лесах, городах и весях. В «верховьях» и местами в «среднем течении» Пятой авеню разбита масса красивых ухоженных тротуарных цветников. Фотографировать городские цветы Америки мы начали с позапрошлогодней поездки в американскую столицу. Маяковский зарекомендовал бы себя большим провидцем, если бы свою знаменитую строку-рефрен «...Через четыре года здесь будет городсад!» из стихотворения «Рассказ товарища Хренова...» («Я знаю – город будет, Я знаю – саду цвествь...») посвятил не строящемуся на месте старого посёлка Сад-город пролетарскому Новокузнецку, а буржуйскому Вашингтону из американского округа Колумбия (извините за каламбур – Клумбия, с намеком на обилие цветочных клумб). Вот уж действительно город-сад! Это я цити-

рую восклицание из рассказов жены родным и знакомым о посещении Вашингтона. Что бы сегодня рассказал товарищ Хренов о Новокузнецке, мы уже не узнаем, а вот из Википедии можно узнать, что с экологией там хреново. Вот цитата из этой электронной энциклопедии: «Новокузнецк занимает второе место в списке самых экологически загрязнённых городов России»... Как говорят в Вашингтоне, по comment.

Так вот в этот самый Вашингтон я приехал во второй раз, а жена – в первый. Поэтому я с покровительственным превосходством бывалого сдержанно реагировал на ее охи и ахи, хотя 12-ю годами ранее сам тоже был приятно поражен обильной разноцветной флорой американской столицы, особенно ее цветами, среди которых преобладали бархатцы, больше известные у нас под украинским названием «чорнобривці». Тогда, летом 1997 года, мы, члены украинской делегации в рамках программы «Обмен учеными из регионов» (RSEP), не уставали изумляться обилию в заокеанском городе самых что ни на есть украинских цветов. И если бы мы тогда вдруг услышали «Як на ті чорнобривці погляну...» в какой-нибудь англоязычной версии, то удивились бы, наверно, меньше, т.к. одну исконно украинскую народную песню – «Щедрик» – американцы уже давно приватизировали, сделав из нее самый настоящий рождественский гимн США. Глядя на вашингтонские «чорнобривці», всех нас так и подмывало с хвастливой лукавинкой спросить первого встречного, знает ли он, чьими цветами ему предоставлена возможность любоваться? Подобные патриотические порывы посещали и мою жену, которая, начиная с клумбы у Вашингтонского автовокзала, начала методично фотодокументировать «наши» «чорнобривці». Да, уважаемые читатели, заметив кавычки, вы правильно заподозрили подвох. Вернувшись на родину, я не поленился навести справки относительно «чорнобривців». Оказалось, что, в отличие от «копи-райта» на родной фольклорный «Щедрик», Украина не имеет ни малейшего права считать эти красивые неприхотливые цветы одним из атрибутов своей национальной символики. Родиной бархатцев («чорнобривців») является... Америка. Оттуда их и завезли в Европу. Эта новость (для меня; читателей «УЦ» я не имею права заподозрить в подобном невежестве) могла бы «вызвать во мне одну только вспышку уязвленного патриотизма» (взял в кавычки потому, что это дословная цитата из «Заметок...» Достоевского), но сердце мое быстро успокоилось, вспомнив саркастичные «оправдания» Федора Михайловича. «Черт возьми, – думал я,

*Вид с крепости на столицу Пуэрто-Рико
г.Сан-Хуан. С дочкой Анной.
Июль 2011 года*

– мы тоже изобрели самовар... у нас есть журналы... у нас делают офицерские вещи... у нас...» – псевдопатриотически иронизировал в своих «Заметках...» Достоевский. Ну а я подумал и решил, что бартер «Чорнобривці» в обмен на «Щедрик» (т.е. мы считаем «чорнобривці»

пристойный – тут и расстраиваться не из-за чего.

А ргорос, т.е. кстати, как сказал бы в Париже Достоевский, для которого французский язык являлся весьма сильным художественным приёмом. Но в данном случае я хочу попутно заметить не о русском писателе, а о русских березах. По аналогии с «чорнобривцями» я «пробил» соответствующую информацию в ряде энциклопедий. Почему? Да потому, что в 1997 году я как-то засомневался в первородном праве России на это дерево. Это произошло во время моей поездки из штата Мэн, США, в канадский Квебек. Во время довольно длительных автобусных переездов в ту и другую сторону почти половину дороги, пролегавшей по лесистой местности обеих стран, я разглядывал то сплошной, то смешанный березняк. Да и в самом Нью-Йорке, на той же 5-й авеню, можно встретить стройные

*У памятника Т.Г.Шевченко.
Моришин, август 2011 года*

красавицы-березки. А на недавно открывшемся в районе восточного Манхэттена удивительном парке-эстакаде Хай Лайн (High Line) есть целая рощица молодых березок. Да, в «березовый ситец» испокон веков наряжены очень многие территории США. Например, белая береза (The White birch) является официальным геральдическим деревом штата Нью-Хэмпшир. А что же Россия? Она, оказывается, тоже (а не исключительно или преимущественно) может с полным правом называть березы своими, родными, поскольку, как и Украина, как и великое множество других стран, находится в северном полушарии, где растут эти деревья. Ох уж эти энциклопедии: их хлебом (то бишь информацией) не корми, дай только разрушить чьи-то красивые мифы и легенды...

В июне, перед отлетом в Штаты, мы встретили гостившего в родном Кировограде профессора американского университета Павла Босого, который присоветовал нам мотнуться из Нью-Йорка на несколько дней в Пуэрто-Рико. Мол, для этой ассоциированной с США страны, имеющей статус «неинкорпорированной организованной территории», не надо никакой дополнительной визы, да и авиаперелет недорогой, и пляжи там чудесные, и достопримечательностей хватает, чего только стоят испанские крепости... Этим последним словам, о крепостях, мы придали меньшее значение, по сравнению с другими Пашиными аргументами. Подумаешь, крепости, сколько мы их уже перевидали, большое дело! Но дело, т.е. крепости и соединяющие их крепостные стены, оказалось не просто большим, а, без преувеличения, грандиозным! Опять вспомнились «Заметки...» Мастера, в частности его впечатления о знаменитом готическом соборе в Кёльне. «В обратный проезд мой через Кельн, то есть месяц спустя, когда, возвращаясь из Парижа, я увидал собор во второй раз, я было хотел “на коленях просить у него прощения” за то, что не постиг в первый раз его красоту, точь-в-точь как Карамзин, с такою же целью становившийся на колени перед рейнским водопадом».

Подобные чувства, но всерьез, без иронии Достоевского, нас одолевали при осмотре крепостей Сан-Хуана, столицы далекой, почти экваториальной страны Пуэрто-Рико, которую Кристоаль Колон (под таким именем Христофора Колумба знали в Испании конца XV века) открыл во время своего второго путешествия в Америку. Конечно, на колени перед крепостями мы не падали, но испанцев зауважали крепко. Возвести такие монументальные многоуровневые фортификационные сооружения в XVI-XVII веках из привезенных в качестве балласта на своих каравеллах

стройматериалов под силу представителям далеко не каждой нации. Об открытии, покорении и длительном удержании открытых ими (с помощью великого генуэзца Колумба) «индий» — я уже молчу.

Как вы уже поняли, мы таки воспользовались советом земляка и слетали на 4 дня в Пуэрто-Рико, влившись в пятимиллионный поток туристов, ежегодно посещающих эту туристическую жемчужину Карибов. Обо всем относительно небольшом островном государстве судить не могу, а вот о Сан-Хуане, прежде всего старой его части, впечатления остались весьма и весьма приятные. Это поразительные испанские крепости, средневековые «испанские» улочки и плазы (площади в испаноговорящих странах), бесплатные обустроенные пляжи (на которых, кстати, так же, как и в парках, запрещено курить, и запреты соблюдаются), чистейшая, очень теплая вода тропической Атлантики, развитая туристическая инфраструктура, достаточно высокий уровень сервиса и безопасности, умеренные цены. Запад, однако. Дальний, заморский. Заокеанский, точнее.

Но этим летом мы побывали и на Ближнем Западе. Не знаю, первым ли я употребляю подобный неологизм, по аналогии с таким общепринятым географическим понятием, как «Ближний Восток», — не важно. Ближним Западом для нас с женой этим летом стал Моршин. Самый что ни на есть запад Украины. Лучше бы мы с него и начали наши летние путешествия — тогда бы не было столь сильных невыгодных сравнений с ранее посещенным Дальним Западом. Впрочем, судите сами.

Сразу же по приезде на Моршинский автовокзал мы обратились к таксисту: не подскажет ли он какой-нибудь адресок для съема жилья. В машине уже сидела пара пассажиров, похоже, впервые приехавших в Моршин. Водитель сразу же пригласил в салон и нас, пообещав отвезти к хорошей хозяйке. По дороге, мол. Наших попутчиков он высадил буквально через две минуты, у пансионата, стоящего напротив главного курортного бювета. За эти буквально сто метров он заломил 25 гривен! Нам сразу же вспомнился аэропорт в Сан-Хуане, с его указателями, направляющими к месту посадки в такси, униформированными организаторами этого процесса, вручающими пассажирам глянцевую листовку с фиксированными ценовыми поясами проезда в тот или иной район города. Спросив, куда нам надо, диспетчер-распорядитель подчеркнул один из указанных в листовке районов с соответствующим предельным тарифом. И таксист взял с

нас именно эту сумму. Двадцать минут быстрой комфортабельной езды по безупречным дорогам обошлись нам в 20 долларов, естественно, американских, являющихся национальной валютой этого «51-го штата США».

Кому доводилось бывать в Бориспольском аэропорту, может сравнить организацию подобного бизнеса в главных воздушных воротах украинской столицы. В подобном соревновании игра будет «в одни ворота» – наши. Вспомнилось, как на обратном пути, в аэропорту «Борисполь», с большим трудом отыскав остановку автобуса на Выдубичи, мы стали свидетелями такой сценки. Только что прилетевшая группа молодых, судя по акценту, британцев пытается сесть в рейсовый автобус, отправляющийся на киевский ж/д вокзал. Водитель на своем родном языке просит входящих в машину иностранцев погрузить дорожные сумки в багажный отсек на противоположной стороне автобуса. Англичане, по всей вероятности, напуганные рассказами своих бывалых земляков о вороватой натуре славян, норовят пронести громоздкую кладь с собой в салон. Водитель, в духе «я же вам русским языком говорю!..», настаивает на своем, успевая при этом в насмешливо-издевательском тоне обсуждать лоховатость заморских гостей с другими водителями и сидящей на лавочке женщиной-диспетчером. На ней нет униформы, на водителях – тоже. Англичане начинают понимать, что зубоскальство с неожиданными вкраплениями странных для них фраз, типа *Who is on duty today?* (своеобразное шутовское, самоуничижительное бравоирование лексическим запасом Элочки-людоедки), касается именно их. Молодые «инопланетяне» настораживаются еще больше. Не выдержав, жена, учитель английского языка, вмешивается и успокаивает обескураженных иностранцев, после чего сумки помещаются в багажное отделение, а подозрительные пассажиры – в салон. «Инцидент исчерпан», – как скаламбурил однажды все тот же Маяковский. Но сколько подобных инцидентов может возникнуть при проведении у нас Евро-2012? Иностранный язык кавалерийской атакой не возьмешь, но неужели тем, кто постоянно обеспечивает транспортное обслуживание пассажиров столичного международного аэропорта, не по силам выучить хотя бы с десятков самых необходимых для работы фраз, хотя бы только на английском? Приходится надеяться на снисходительность и непритязательность иностранных футбольных фанов к проблемам коммуникаций с аборигенами.

Вернемся, однако, в Моршин. Попьем лечебной минеральной

водички – и успокоимся. Но это не всегда получается. Попробуйте успокоиться, если вы, согласно рекомендациям врача, обильно пьете минимум две минеральные воды (в придачу к супам и компотам), которые обладают сильным мочегонным и слабительным эффектами, а вокруг – ни одного общественного туалета. Вас, как раба к галерам, приковывают к небольшому по территории ареалу вашего проживания, куда вы всякий раз спешите, жертвуя более содержательным проведением досуга. В очень капиталистической Америке можно без проблем, бесплатно и очень комфортно справить первоочередную человеческую нужду. Украина же, если верить нашей Конституции, – социальное государство. Казалось бы, у нас «туалетный вопрос» в публичном секторе должен решаться еще эффективней. Увы. Конечно, мы к своим общественным туалетам привыкли, пардон, принюхались – вроде терпимо, но стоит нам поехать туда, где принюхиваться не надо (все равно ничего не унюхаете), где после частых влажных уборок комнат отдыха (так в Америке называют туалеты) тебя непременно предупредят Wet Floor! (Влажный пол!), чтобы ты, не дай Бог, не поскользнулся и не получил увечья, то смиренность «терпицы» кончается.

Вообще подобные инструкции-предостережения преследуют западного обывателя повсеместно, и у наших туристов вполне может появиться мысль, созвучная лукавым сатирическим филиппикам Михаила Задорнова в духе: «Ну американцы ж и тупые!» Или, наоборот, может возникнуть досадное антипатриотическое подозрение, что они, американцы, сделаны из другого теста, т.к. гораздо больше нашего заботятся о благе ближнего: работники причала при швартовке судна обязательно подадут руку каждому пассажиру и предупредят: Watch your step! – мол, гляди, родимый, под ноги, не споткнись; на пляжах не только расставят таблички о недопустимости появления там с собакой, но и проследят, чтобы ни один пес не вздумал купаться и загорать рядом с людьми. Эта, вторая, версия подоплеку заокеанского гуманизма была цинично разбита нашим прагматичным американским зятем. Выслушав наши умилительно-лестные для американца предположения, он снисходительно объяснил нам истинные причины повышенного альтруизма в США. Просто частные компании и городские власти ужасно боятся судебных исков покалеченных и покусанных граждан с последующими неизбежными многотысячными штрафами, пожизненными выплатами пособий пострадавшим. Мол, снимите, уважаемые теща и тесть, ро-

зовые очки и не идеализируйте американцев, которые ничуть не лучше любых других народов. Всё верно, соглашаемся мы. Да вот только «такие же, как все, американцы» живут в несколько других социально-правовых условиях. У нас тоже можно встретить немало предупреждений и запретительных табличек. Да что там табличек – законов, многие из которых по содержанию уже мало чем отличаются от нормативных актов стран, которые принято считать цивилизованными. Но у нас это преимущественно только «слова, слова, слова...», а на родине англичанина Шекспира, датчанина Гамлета, в чьи уста великий драматург вложил эту сакраментальную фразу, во многих других развитых державах это еще и дела... А у нас – все больше делишки, которые всякий норовит обстригать, не заморачиваясь особо по поводу правовых и нравственных норм. Вот мы и получаем на выходе безответственность, безнаказанность, расхристанность, техногенные катастрофы, аварии, фарисейство, цинизм...

Для краткости можно весь этот далеко не полный ряд зол свести к двум нынче популярным и емким определениям – бардак и беспредел. А тупые лохи американцы, с их «помешательством» на судебных тяжбах, законопослушанием граждан и занудной педантичностью чиновников, в конечном итоге устраиваются так, что украинские «Спритки й Гарнюні» так и норовят приобщиться к плодам чужой, более комфортной страны. Другие, как та Лиса из басни Эзопа, заявляют, что плоды эти зеленые, кислые. Может, потому что недостижимы. Третьим вообще Запад не мил. Не из-за недоступности, а из принципа. Вот почвеннику и во многом славянофилу Достоевскому, к примеру, Запад был очень даже доступен, но не очень нравился. «Берлин, например, – сообщает он в “Заметках...”», – произвел на меня самое кислое впечатление, и пробыл я в нем всего одни сутки. И я знаю теперь, что я виноват перед Берлином, что я не смею положительно утверждать, будто он производит кислое впечатление. Уж, по крайней мере, хоть кисло-сладкое, а не просто кислое».

Ну что ж, на кисло-сладкое впечатление о Западе я, пожалуй, с Мастером и согласился бы. Сладкой может быть только родина. Но в том состоянии, в котором родная Украина нынче пребывает, она для меня, увы, пока что кислая. Хорошо хоть не горькая...

Газета «Украина-Центр», № 39 от 28.09.2011

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СТРАН ДАЛЕКИХ И БЛИЗКИХ

Прежде всего, хочется объяснить по поводу заглавия. И в целом, и поэлементно.

Заметки. Тут все ясно. Это, пожалуй, лучший формат отражения наблюдений путешественника. Заметки могут быть хронологически последовательными, а могут быть и тематическими, когда все увиденное, услышанное и осмысленное, как файлы, сортируется и разносится по соответствующим папкам и структурируется сообразно выбранной идеи или концепции. Этот, второй подход, как раз и является основным для данного репортажа о зарубежной туристической поездке.

Заметки на полях, или маргиналии – это не столько хроника и репортаж, сколько авторское отношение к увиденному, пропущенные через ум и сердце рефлексии, личностные сравнительные характеристики, короче все то, что подпадает под определение «размышлизмы».

Но если после слов «заметки на полях» поставить какое-нибудь обстоятельство места, то это уже может вылиться в каламбур. Так, Татьяна Тихонова в своем литературно-публицистическом творчестве постоянно эксплуатирует общее заглавие «Заметки на полях души». В свое время Никита Богословский под шапкой «Заметки на полях шляпы» публиковал свои юмористические миниатюры. Мне неведомо, знал ли известный композитор, что изначально в этом словосочетании никакой шутовской ломки смысла не было. Фраза в прямом смысле означала то, что великий японский поэт и путешественник XVII века Мацуо Басё в своих многочисленных странствиях использовал поля своей плетеной шляпы в качестве “жесткого диска” для внезапно возникших мыслей, облечённых в форму хайку или неких путевых заметок.

Теперь насчет «на полях страны». В советские времена это медийное клише било, пожалуй, все рекорды эксплуатации пошлых журналистских штампов. «Заметки на полях страны» – это уже безусловный каламбур. Этим словосочетанием я, конечно, не подразумеваю, что «в полях за Вислой сонной» я собирался делать главную фокусировку на узко-аграрной сфере, в которой автор, урожденный урбанист, – ни уха, ни рыла. Я, конечно, не считаю, что «творог добывают из вареников», но в поле рожь от овса могу и не отличить. Зато я знаю, что такое “Field Studies” (полевые исследования). Это заморское понятие все шире входит в отечественный научный и публицистический оборот. Даже – лите-

ратурный. Например, у Оксаны Забужко «Полевые исследования украинского секса» – это роман не о любовных утехах в полевых условиях, например, на лугу или в стогу сена, а больше размышления о судьбах украинской литературы, о взаимоотношениях с мужчинами, плотских, правда, в том числе. И в академической, публицистической деятельности «полевой уклон» так же не обязательно означает узкопрофильные исследования исключительно сельскохозяйственных угодий, выращиваемых на них продуктов. «Работать в поле» – это значит выйти за пределы кабинета, лаборатории, студии и изучать явления и факты непосредственно на месте события, взглянуть на них собственными глазами, а то и пощупать все своими руками. Причем, порой буквально, как это мы, украинские туристы, проделывали, например, с рядом экспонатов в Лондонском Тауэре. В этой древней крепости/тюрьме/музее можно подержать в руке аутентичный средневековый меч, ощутить его вес, приподняв на небольшую, ограниченную планкой, высоту. Или натянуть копию старинного лука, отпустить тетиву и с помощью соответствующего современного устройства узнать, насколько далеко «улетела» «выпущенная» тобой стрела. Моя жена, учитель английского языка, рассказывавшая ученикам массу разнообразных сведений из прошлой и современной жизни Британии, всегда слегка осекалась, натываясь на наивные вопросы своих питомцев, типа: «А Вы там были?», «А Вы это видели?» Теперь, после настоящих «полевых исследований» она будет излагать материал (подкрепляя рассказанное привезенными из Британии копиями документов, например, сработанным под старину тубусом с Великой хартией вольностей) настолько живо и убедительно, что степень доверия, уважения учеников и самоуважения учителя поднимутся на уровень самых взыскательных требований к современному школьному образованию. Такой подход («полевой»), между прочим, широко практикуется в школьном образовании многих развитых стран. Например, в британских музеях и галереях мы видели немало учеников в школьной форме (учебный год в начале июля еще продолжался), которые переходили от экспоната к экспонату с какими-то вопросниками, альбомами и делали многочисленные заметки и зарисовки. Когда мы с интересом за этим наблюдали, получалось, что в такие моменты мы осуществляли полевые исследования тех, кто вышел на «полевые работы». Как говорится в рекламе, «два в одном».

Вот и вся нехитрая интродукция к дальнейшему изложению. Так что – в дорогу!

«Голубые города»

«Это о чем?», – спросит молодой читатель, не слыхавший одноименной популярной советской песни. А еще может подумать, что заметка – о сексуально «вольных городах», где люди с нетрадиционной половой ориентацией чувствуют себя, как дома. И в самом деле, уровень терпимости к ненатуралам в продвинутых странах поднялся достаточно высоко. Этот феномен следует рассматривать в рамках общего процесса роста толерантности во всех сферах общественной жизни в большинстве стран мира. Издавна в расчет принималось (и очень даже расчетливо) деление людей по расовому признаку – на белых, черных и желтых. После революции 1917 года жителей советской России начали делить на красных и белых, но уже по социально-идеологическим признакам. Потребовалось немало лет, страданий и жертв, чтобы люди поняли, что «цветной» вариант политики «разделяй и властвуй» контрпродуктивен, что древнекитайский принцип «пусть расцветают все цветы» («эпоха воюющих царств», 475 – 221 гг. до н. э.) больше соответствует духу новейших времен. Почувствовавшие это и вышедшие из подполья «сексуал-меньшевики» довольно быстро раскрепостились: где-то гей-парады проводят, где-то гей-рестораны и прочие рекреационные заведения открывают. Да еще всех об этом оповещают – через вывешенные флаги-радуги. Гид предупредила нас об этом, указывая на такой стяг всех цветов радуги, закрепленный над входом в один из баров в центре Брюсселя, чтобы кто-то по неведению не зашел туда и не почувствовал бы себя белой (неголубой) вороной.

Флаг-радуга
на одном из гей-баров Брюсселе

Так что если бы я собрался сделать акцент на этом аспекте жизни западноевропейских стран, то скорее назвал бы эту заметку «Радужные города».

Но я изначально закладывал несколько иной смысл в заглавие этого раздела. Помните, у Остапа Бендера была голубая мечта. И снова кто-то мог ошибочно предположить, что речь идет о деньгах, которые подпольный миллионер Корейко дол-

жен был крупной суммой принести ему на блюдечке с голубой каемкой. Уточняя: деньги должны были стать лишь средством для достижения голубой мечты Остапа Ибрагимовича – переезда в белолштанний город Рио-де-Жанейро. В пору моей юности и молодости этот бразильский мегаполис утратил прежнюю привлекательность. Поэтому среди моих голубых «мечт» были другие «заботорные» города, отодвинувшие Рио-де-Жанейро далеко вниз в рейтинге привлекательности. Можно даже сказать – возжеленности, потому что съездить в Париж, Рим, Лондон, Нью-Йорк и многие другие города «загнивающего Запада» в условиях опущенного Железного занавеса для рядового советского гражданина было крайне проблематично. Очень популярным был такой анекдот:

- Я снова хочу в Париж!
- Ты что, уже там бывал?!
- Нет, просто я уже раз хотел...

Песня «Голубые города» начинается строкой: «Города, где я бывал, по которым тосковал». Я же больше тосковал по тем городам, в которых, как мне тогда казалось, не побываю никогда. И, прежде всего, я, студент факультета английского языка, тосковал и безнадежно мечтал попасть в Лондон или Нью-Йорк. Накануне выпуска для церемонии последнего звонка я написал ирониче-

*Предолимпийский Лондон.
С женой Татьяной на фоне Тауэрского моста*

ский текст, который с товарищами-однокурсниками спел на мотив популярной тогда песни «Случайная встреча». В моей версии, в частности, были такие строки: «Надоело заниматься – хватит, баста!/К черту всякие *Per aspera ad astra!* (лат. Через тернии к звездам)/Направлений нет ни в Англию, ни в Штаты,/И лучшее – в село Камишевате./Заманили – обдурили,/Не видать нам Пикадилли,/Контрастов Лондона разящих.../Оставь надежду всяк сюда входящий!»

На дворе был 1970-й год. Оттепель давно закончилась, Но, на удивление, этот идеологический стеб, сошедший с наших уст, сошел нам с рук. В 1997 году, когда я впервые попал в Нью-Йорк, то, выйдя на самый шумный участок знаменитой Таймс-сквер, я, не боясь быть услышанным, заорал во всю глотку: «Сбылась мечта идиота!!!» Не вру – чтоб я сдох!

В предололимпийский Лондон я уже въезжал человеком, который «скромнее стал в желаньях». В эмоциях – тоже. Тем не менее, Лондон, в целом, оправдал те ожидания, которые копились у нас с женой с институтской скамьи, когда мы теоретически знали о нем «все» (хотя полевые исследования показали, что это далеко не так). Некогда недоступный, а, главное, запрещенный плод оказался не только съедобным, но местами еще и деликатесно вкусным. Многие его архитектурные достопримечательности и музейные экспозиции поражают и древностью, и масштабностью, и изяществом, и богатством, и изобилием. И в большой мере – все это создано в доимпериалистическую, доколонизаторскую эпоху, волей, умом и руками потомков кельтов, бриттов, ан-

«Осколок» (Shard) – самый высокий в Европе (309,6 метров) небоскреб

глов, саксов, ютов, скоттов, викингов, норманов, представителей других племен и народностей. Эта гремучая этническая смесь дала миру народ, заслуживающий сегодня уважения. И посещения. Лондон, например, уже много лет кряду держится в топ-пятерке рейтинга (на данный

момент он ее возглавляет) самых посещаемых городов мира (в среднем 15 млн. туристов каждый год). Конечно, этой чести он удостоивается, прежде всего, благодаря старым добрым достопримечательностям, таким как Тауэр (и одноименный мост через Темзу), «Биг Бен», Вестминстерское аббатство, собор Св. Павла, Букингемский дворец, Трафальгарская площадь и т.п. Но многих в британскую столицу притягивают и новodelы, например, гигантское колесо обозрения «Глаз Лондона». Кого-то может привлечь введенный в эксплуатацию 5 июля 2012 года, в день нашего отъезда из Лондона на континент, «Осколок» (Shard) – самый высокий в Европе (309.6 метров) небоскреб, имеющий вид узкого, заостренного вверх осколка стекла неправильной пирамидальной формы. В этом многофункциональном здании, принадлежащем преимущественно (на 80%) катарским инвесторам, стеклянные не только стены, но и полы, благодаря чему оно насквозь просматривается сверху вниз и наоборот.

Теперь еще об одном «голубом городе». На мои отрочество, юность и молодость свалился такой культурный феномен мирового масштаба, как битломания. Нам, конечно, все советские средства массовой информации (в большей степени – дезинформации) втюхивали, что ор, какофония и гримасы волосатых лабухов из пещеры (ливерпульский клуб, в котором играли битлы, называется «Cavern», т.е. пещера) не имеют к истинной культуре ровно никакого отношения. Но мы не обращали на эту пропагандистскую лабуду никакого внимания и упорно продолжали записывать-переписывать на магнитофоны и «кости» (рентгеновскую пленку, из которой делались самопальные пластинки) любимых рок-идолов. Я, признаться, и сегодня млею от мелодичных композиций и исполнительского мастерства ливерпульской четверки. Вполне объяснимым, поэтому, было то, что в ряду моих «голубых городов» Ливерпуль занимал одно из самых почетных мест. Благодаря битлам, этот город, особенно места, связанные с жизнью, творческой и исполнительской деятельностью ансамбля “The Beatles”, приобрел для меня оттенок какой-то сакральности. Да что там для меня – для сотен миллионов фанатов во всем мире. Не использовать это для собственной выгоды – было бы непозволительной глупостью, в чем ливерпульцев трудно заподозрить. Поэтому звездных земляков они сделали главной культурной достопримечательностью города, золотой фишкой для завлечения к себе максимально возможного количества туристов. И мы в ходе «полевых работ» убедились, что урожайность этой культуры по-

прежнему очень высока. Не знаю, сколько это еще продлится, но «уборочные работы» на теперь уже легендарной Мэтью-стрит все еще в полном разгаре. Мы тоже, естественно, поучаствовали в «жнивях». Как то: сфотографировались, для начала, рядышком с реально забронзовевшим Ленноном (раньше мы больше позировали на фоне монументов Ленину).

Леннон с нами

Памятник был установлен в 1997 году и представляет собой «слепок» с обложки альбома Джона Леннона 'Rock'n' Roll' (1975). Однако дотошные битломаны утверждают, что на более ранних фотографиях голова изваяния несколько отличается от нынешней. Достоверно неизвестно, как это произошло. Существует легенда, согласно которой, то ли злоумышленники, то ли слишком пылкие (точнее – пилкие) фанаты «отпилили», как когда-то у андерсеновской Русалочки в Копенгагене, голову у статуи. Вот и

пришлось создавать новую... Так это, или нет – разбираться нам было недосуг. Мы сфотографировались с тем памятником, который был в наличии, тем более что в кадр попадала стена с кирпичиками, на которых выбиты имена артистов и названия групп (их уже 1801), которые в разные годы выступали в "Cavern club". Потом мы в этот подвальный клуб спустились, и в толчее, гаме туристов и громе музыки какой-то рок-группы а-ля "The Beatles" ощутили атмосферу начала 1960-х, когда тут на контракте в 1961-63 годах выступали битлы.

Чтобы как-то разгрузить место работы легендарных музыкантов, напротив «пещерного клуба» создали Cavern Pub. Но мы туда не пошли – не клюнули на этот «фейк», так как гид нам своевременно пояснила, что «картонная дурилка» никакой осо-

*В чреве легендарного клуба
“Cavern club”*

мым практически вытянули город из затяжной депрессии, в которой весь мерсисайдский регион (т.е. Ливерпуль с многочисленными пригородами) пребывал еще с 1930-х годов. Да, в городе

есть комплекс административных зданий Ливерпульского порта, который ЮНЕСКО признаёт памятником Всемирного наследия. Есть еще ряд грандиозных старинных, неоготических и модернистских строений, достойных внимания туристов. Многим нравится Суперламбанана — памятник «бананоягнёнку»... Но обо всех этих достопримечательностях большая часть туристов узнаёт уже приехав на родину битлов. Википедия, например, утверждает следующее: «Сегодня здание Роял Ливер-билдинг

бой исторической ценности не имеет. А вот известное изваяние «Четыре парня, которые потрясли мир» на Мэтью Стрит нас впечатлило, за что мы его и запечатлели на фото- и видеокамеры. Вообще-то на битлов ливерпульцы должны молиться, потому что не кто иной, как они обеспечили массовый наплыв туристов и тем са-

*На фоне здания
Роял Ливер-билдинг,
увенчанного двумя птицами Ливер*

является одним из самых узнаваемых достопримечательностей в городе Ливерпуль и является домом для двух легендарных птиц Ливер, которые смотрят – одна на город, другая – на море. Легенда гласит, что как только эти птицы улетят, город перестанет существовать». Между прочим, в городе «живут» еще две такие птицы: одна, металлическая, венчает здание Мерсисайдских палат, другая, каменная, стояла поверх здания рынка Св. Джона, но после его сноса в 1964 году «перелетела» в Мерсисайдский морской музей. В связи с этим выскажу, может быть кощунственную для ливерпульцев, мысль в духе ленинских «Заметок постороннего». Реальная битловская четверка сделала для родного города уже столько, что их изваяния могли бы по праву заменить четверку мифических птиц-ливеров, которые бы и в музее успешно выполняли свою охранительную миссию. Тогда, подобно тому, как Большой театр узнают по квадриге (четверке лошадей) Аполлона на его козырьке, Ливерпуль стали бы узнавать по скульптурам четверки всемирно известных музыкантов. Впрочем, на Мэтью-стрит, их изваяния уже есть. К тому же, я, как вы поняли, прикалываюсь – ради красного словца.

Эдинбург стал моим «голубым городом» несколько позже, когда я начал осваивать вторую специальность – экономиста. Как

многие, наверно, догадались, этот город стал мне очень интересным благодаря Адаму Смиту. Британский премьер Маргарет Тэтчер, по утверждениям многих приближенных к «железной леди» людей, постоянно носила в своей сумочке книгу «Богатство народов», *magnum opus* великого экономиста. Уверен, она его даже читала, как и литературный герой Евгений Онегин в одноименном романе Александра Пушкина. Адам Смит, без преувеличения, сделал решающий вклад не только в создание классической политической экономии, но и в значительной мере способ-

*Эдинбург,
памятник Давиду Юму*

ствовал формированию концептуальных основ современной Западной цивилизации. В столице своей любимой Шотландии он продолжительное время жил, работал (таможенным чиновником) и, конечно же, писал свои бессмертные экономические и философские труды. Здесь он умер и похоронен. Впрочем, о Смите я еще кое-что расскажу. Но чуть попозже. Сначала – о самом городе.

Эдинбург ежегодно привлекает около 13 млн. туристов. Он является второй по популярности (после Лондона) туристической меккой Великобритании. Если вы, по аналогии с Ливерпулем, подумали что главным магнитом для приезжих является какой-то выдающийся человек или целая плеяда именитых людей, то вы ошибетесь. Нет, есть, конечно, люди, которые совершают паломничество в этот город исключительно потому, что здесь родился, жил и творил такой сонм выдающихся людей, который Ливерпулю с его битлами и не снился. Кроме Адама Смита, среди знаменитых жителей шотландской столицы – Александер Белл, Тони Блэр, Артур Конан Дойль, Джеймс Клерк Максвелл, Джоан Роулинг, Вальтер Скотт, Роберт Льюис Стивенсон, Мария I Стюарт, Дэвид Юм и многие другие выдающиеся люди.

В нашей группе большинство составляли киевляне, и я могу даже предположить, что они целенаправленно ехали в Эдинбург для того, чтобы посмотреть город-побратим Киева (с 1989

года). Есть определенный контингент людей, которые в августе специально приезжают в шотландскую столицу на крупнейший в мире фестиваль искусств, когда население города увеличивается вдвое (в этом году он проходит с 9 августа по 2 сентября). Однако для подавляющего числа приезжих Эдинбург привлекателен не оперной музыкой, звучащей в рамках фестиваля, а, прежде всего, своей «музыкой, застывшей в камне», причем – на фоне живописнейшего пейзажа. Благодаря своей архитектурной и исторической особен-

На Королевской Миле Эдинбурга

ности не какие-то отдельные здания или комплексы строений, а вся центральная часть (!) Эдинбурга была в 1995 году внесена в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Тут на одной только миле, названной Королевской (Royal Mile), достопримечательностей больше, чем в каком-нибудь целом городе Британии.

Вероятно, красоты города, но, скорее – его благоприятный для инвестиций предпринимательский климат, самый высокий по стране уровень занятости обуславливают постоянный рост населения, причем не столько за счет британцев, сколько за счет иностранцев. Может, на них списать определенную дремучесть некоторых эдинбуржцев, выявленную мной в ходе «полевых работ»? Вот вам конкретный случай, о котором, кстати, я обещал рассказать.

В Эдинбурге мне, естественно, захотелось побывать на могиле Адама Смита. Каково же было мое удивление, когда почти все (кроме одного служителя Национальной галереи Шотландии), кого я просил подсказать дорогу к захоронению такой выдающейся личности, не могли этого сделать по причине того, что они... слыхом не слыхивали, кто такой Адам Смит! Даже после моих объяснений, что это, мол, великий шотландский экономист и философ, эдинбуржцы разных возрастов лишь пожимали плечами и извинялись за то, что не могут помочь иностранцу. И это при том, что в 2009 году Смит попал в список «Самые выдающиеся шотландцы всех времен» в результате голосования, проведенного шотландским телеканалом STV. И неужели никто из них ни разу не обратил внимания на солидный (правда, не такой грандиозный, как Вальтеру Скотту) памятник Смиту, стоящий в самом центре Эдинбурга? Эх, мне бы в те моменты вспомнить да продемонстрировать невеждам портрет Адама Смита, изображенный на купюре в 20 фунтов. Но я не додумался тогда прибегнуть к такой тяжелой артиллерии. А, может, и она бы не «выстрелила», потому что опрошенные мной шотландцы могли (например, из принципа) не пользоваться банкнотами Английского банка (центрального банка Соединенного королевства). При въезде в Шотландию нас предупредили, чтобы мы старались расплачиваться без большой сдачи, потому что можно нарваться на купюры шотландского банка, на которые, если не потратить их на территории Шотландии, будут косо смотреть (а то и вовсе откажутся принимать) в других частях Великобритании, не говоря уже про другие страны. Хотя, на одну из шотландских купюр вполне мог попасть портрет Адама Смита. Не знаю – соответствующих полевых ис-

*Эдинбург,
памятник Адаму Смиту*

следований шотландских купюр не проводили: они могли обойтись нам в копеечку. Кстати, своих «копеечек», т.е. центов, шотландцы чеканить не додумались.

А по поводу неведения многих рядовых шотландцев относительно личности Адама Смита я особо не расстраивался. Мои-то студенты почти все после изучения курсов «Экономикс» и «История экономики и экономической мысли» не только знают, кто такой Адам Смит, но могут даже рассказать о принципах его экономической теории. Правда, почти

никто из них не знает, кто такой Ленин, к какой социальной системе относился СССР (расшифровать аббревиатуру практически никто не может; США – могут все), из каких республик (а ныне – независимых государств) Советский Союз состоял... Например, во время нынешней весенней сессии я этот последний вопрос, как дополнительный, задавал практически каждому студенту целого потока, потому что страшное подозрение закралось при ответе уже первого студента. Из ответов второкурсников я узнал (процентный подсчет – приблизительный), что в Советский Союз входила Польша (в 100% ответов), Украина, Россия (процентов 90), Беларусь (60%), Чехия, Словакия, Румыния (30%) Азейбарджан (10%) Иран, Ирак (5%), Германия, Италия, Франция (2%), Австро-Венгрия (1%)... Кстати, студентка, которая назвала Австро-Венгрию, заявила также, что столицей СССР был Сталинград, который позже переименовали в Калининград... Ну вот, доболтался, проговорился, что мне теперь будет за такие откровения от начальства, хоть это явно огрехи не высшей, а средней школы?

Глазго. Этот город с детства у меня ассоциировался только с футбольными клубами шотландской премьер-лиги – Селтик и

Глазго Рейнджерс. Здесь, кстати, базируются еще два профессиональных футбольных клуба. Для полумиллионного города это много. Может, поэтому здесь есть Шотландский музей футбола? Но не футболом единым, конечно, известен этот третий по численности населения (второй – Бирмингем) город Соединенного королевства. Глазго по населению всего вдвое больше Кировограда, но культурная жизнь здесь во много раз насыщеннее. Судите сами: по количеству студентов – 168 тысяч человек – Глазго занимает первое место в Шотландии и второе в Великобритании (после Лондона); в нестоличном городе работают Шотландская опера, Шотландский балет, Национальный театр Шотландии, Королевский шотландский национальный оркестр, Шотландский симфонический оркестр Би-би-си, Национальный молодёжный театр Шотландии. В галерее Келвингроув среди экспонатов оригиналы полотен Рембрандта, Рубенса, Тициана, Ван Гога, Моне, Пикассо, Дали, Дега, Сезанна. Галерея современного искусства (GoMA) – вторая по посещаемости за пределами Лондона. Среди ее экспонатов – работы Уорхола и Хокни. Грандиозные здания обеих галерей сами по себе – произведения высокого архитектурного искусства. Художественная галерея Хантера и Галереи Маклеллана тоже не обделены ценными экспонатами. В городе 4 музея, 37 публичных библиотек, 10 кинотеатров, в том числе открывшийся в 2001 году 18-зальный Cineworld, который занесён в книгу рекордов Гиннеса как самый высокий кинотеатр в мире. И фестивалей (в прямом смысле слова) в Глазго немало, причем на протяжении всего года. Наиболее значительным является традиционный (с 1996 года) фестиваль West End, который проводится в июне. Это самое крупное фестивальное событие года, включающее в себя выступления уличных театров, музыкальные и танцевальные мероприятия, карнавальные шествия, парады и т.п. Не приходится поэтому удивляться тому, что Глазго был провозглашён Культурной столицей Европы 1990 года. До Украины, согласно системе ротации, очередь дойдет только в 2024 году (какой наш город получит этот статус – пока неизвестно). В мечтах таким городом видится Кировоград, потому что избрание того или иного города центром культурной жизни континента делается не только с целью привлечения внимания к его культурному наследию и развитию, но и, как правило, означает дополнительное финансирование из фондов ЕС для дальнейшего наращивания культурного потенциала и исполнения городом функций Культурной столицы Европы.

*Здание городского Совета г. Глазго,
2012-й, накануне открытия
Олимпийских игр*

Для верующих в Глазго есть 26 культовых сооружений различной конфессиональной принадлежности. Из всех их, безусловно, выделяется кафедральный Собор Святого Мунго. И не только потому, что это сооружение древнее (построено в период между XIII и XV столетиями), представляющее собой заме-

чательный памятник шотландской готической архитектуры. Его необычность (по крайней мере, для нас) заключается в следующем: несмотря на то, что собор принадлежит пресвитерианской Церкви Шотландии, в нем по очереди проводятся службы для верующих разных конфессий – протестантов, католиков и иудеев. Мне запомнилось, как этот факт стал предметом обсуждения в автобусе. Сидевшие сзади нас две дамы солидного возраста в этой связи вспоминали, как в Киеве их не пускали в храм в затемненных очках, и как они, пикируясь с служительницей церкви, ехидно вопрошали: «А зубные протезы снимать не надо?» Тут же попутно они вспомнили про малопонятную службу на архаичном церковнославянском языке, сделав при этом вывод, что не зря, видать, на греческом, английском и целом ряде других языков православная церковь называется ортодоксальной, что пора, мол, ее как-то модернизировать. Я потом вспоминал этот диалог при посещении католического храма в немецком Ахене, когда ко мне подошел какой-то служитель церкви и потребовал снять кепку. В англиканских и прочих протестантских храмах никого бейсболка на моей голове не интересовала. Но терпимость к наличию или отсутствию (у женщин) головных уборов – это мелочи, по сравнению с уровнем межконфессиональной толерантности в соборе Св.Мунго. Вот бы и нам в Украине побольше такого взаимопонимания между разными церквями!

Конечно, главным блюдом нашего туристического меню была Великобритания. Не зря же наш тур назывался «По ту сто-

рону Ла-Манша». Но и по эту, континентальную, сторону пролива нас ждало много открытий, приготовленных для нас организаторами тура. Из «голубых», а, скорее, «бледно-голубых» городов в маршруте тура для нас были, пожалуй, Бремен и Брюссель. Первый, возможно, был бы и совсем «никаким» если бы он не был ослепительно ярким для нашей дочки, которая пластинку с «Бременскими музыкантами», поставленную по знаменитому одноименному мультиту, заслушала до дыр. Второй, Брюссель, в молодости ассоциировался у нас преимущественно с писающим мальчиком, но этого было недостаточно, чтобы мы «писали кипятком» от желания его проведать. От Любека и Ахена мы вообще не ахали от восторга при упоминании этих малоизвестных нам городов. В восточном Берлине я провел одну неделю в далеком 1978 году. 34 года назад он меня не потряс, но в эту поездку я надеялся открыть для себя Западный Берлин, спрятанный тогда за Берлинской стеной.

Вот с такими настроениями мы в самом начале нашего пути въехали в Любек. И все-таки ахнули – от этой резной, расписной «шкатулки с горстью драгоценностей». Историкам, по сохранившимся записям Вяземского, известен то ли анекдот, то ли быль: однажды А. С. Пушкин, ни разу не бывавший за границей, принялся хулить Европу, на что его друг А. И. Тургенев возразил: «Да съезди, голубчик, хоть в Любек». Возможно, Пушкин и бывал в

На старинных улочках Любека

Любеке, только русском. Гид нам сообщила, что первоначальным названием города было Любичи, т.к. основан и заселен он был славянами. А в Московской области есть село Любичи... А вдруг поэт там бывал, например, проездом? Ау, историки, можно покопаться. Но без особых копаний, любой профессиональный историк знает, что Любек был крупнейшим центром Ганзейского союза – торгово-политического объединения городов и гильдий Северной Европы XIII – XVII веков. Многие строения, имевшие отношение к этому альянсу, – среди основ-

ных достопримечательностей города, включенных в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Германии. Все такое красивое, вычурное, не знаешь, что и выделить, то ли Голштинские ворота, то ли Ратушу... Нет, все-таки больше всего мне запомнилось то место на центральной площади, где привязывали недобросовестных торговцев, пойманных на обвешивании, обмеривании и прочих больших и малых грехах коммерсантов. Все проходившие мимо горожане плевали на мошенников, что со временем поспособствовало искоренению этого зла. Эх, установить бы какой-нибудь подобный столб позора, для начала возле Верховной Рады, других властных институций и контор – глядишь, и у нас бы дело пошло на лад. Тоже, ведь, славяне, как ни как. Да и организовать такое – раз плюнуть...

Если Любек нам показался шкатулкой, то другой ганзейский город, Бремен, – уже целым сундучком, с еще более богатым содержанием. Одна только Рыночная площадь с ратушей чего стоят! Одна из красивейших в Европе. Позже, на обратном пути, мы сравнивали ее с центральной Брюссельской площадью. Это гениально! – как сказал бы Остап Бендер. Там же, на периферии площади, стоит скульптура знаменитых «Бременских музыкантов». Я бы даже сказал – «Брендовых музыкантов». Но... Я хотел было сначала закавычить слово «знаменитых», потому что они, как сказали бы в Одессе, таки да знамениты. И не только для одеситов, но и для жителей всех остальных городов и весей бывшего Советского Союза, особенно для рижан, жителей Красноярска, Сочи, где в разных композиционных решениях и формах тоже установлены скульптуры бродячих музыкантов (в Риге – ближе всего к оригинальному памятнику). И это не удивительно, потому что чудесный советский мультфильм (1969) и его популярнейшая пластиночная аудиOVERсия (1973) сделали у нас из персонажей сказки братьев Гримм настоящих культовых героев. Именно поэтому наши туристы, попав в Бремен, прежде всего озабочены тем, как бы побыстрее отыскать эту хитовую скульптурную композицию и непременно сфотографироваться с легендарной четверкой (опять четверка...). Зная об этом, гиды по дороге к монументу готовят жаждущих запечатлеть себя у памятника, объясняя, что стоящего в основании пирамиды осла обязательно надо взять обеими руками за две передние лапы одновременно. Мол, лишь тогда «будет вам счастье» и исполнение задуманных желаний. А если вы ухватитесь только за одну переднюю конечность, то это будет означать, что «один осел пожал лапу другому ослу».

И будет мне счастье...

И только в разделе «Разное» сообщено, что «Бремен связывают со сказкой «Бременские музыканты» братьев Гримм, хотя они (музыканты – авт.) в сказке никогда так и не достигли Бремена». И в самом деле, разве можно как-то сравнивать грандиозные средневековые архитектурные композиции, объявленные ЮНЕСКО памятниками мирового культурного наследия (как, например, Городская ратуша и Бременский Роланд на Рыночной площади Бремена) с небольшой, почти китчевой скульптурой бродячих музыкантов, сделанной на потребу бродячей туристической братии? Тут, пожалуй, можно было бы провести одну параллель. У брюссельского писающего мальчика размер совсем маленький (61 см., но это я о памятнике в целом), однако его изначальное изваяние было сооружено в 1388 (!) году. Правда, потом бронзовую фигурку несколько раз

В русскоязычной версии Википедии есть заявление о том, что «Перед ратушей установлена скульптура знаменитых «Бременских музыкантов», а в линке сказано еще смелее (наглее?) – «Памятник бременским музыкантам, созданный скульптором Герхардом Марксом и установленный в 1951 году, стоит в центре города Бремена и является символом города». Ну и, само собой, в статье есть также фотография памятника. А вот в англоязычной Википедии на сайте «Бремен» о «знаменитом памятнике» – ни гу-гу.

*С девочкой
возле писающего мальчика.
Брюссель, 2012 год*

крали-восстанавливали (последний раз в 1960-х годах), и ее ныне стоящая версия – всего лишь копия.

Но у памятника громадный детективно-исторический бэк-граунд! Скульптура с давних пор обросла массой традиций, например, в праздничные дни – заменять струю воды вином или пивом, наряжать пацана в разнообразные подаренные костюмы. Так, В 2007 году на День независимости Украины Manneken-Pis был облачен в украинский национальный казацкий костюм. А вот уже недавно установленные памятники «Писающая девочка» (нидерл. Jeanneke Pis) и «Писающая дворняга» (нидерл. Zinneke Pis) – это как раз из разряда «Бременских музыкантов» – архитектурные новоделы, задуманные для привлечения туристов и не имеющие никакой исторической ценности. К «Писающей девочке» нас тоже сводили. Откровенный китч, и отношение к нему – соответствующее. Соразмерная мальчику девочка присела в самом тупике бокового переулочка, кишашего пивными забегаловками, да еще отгороженная железной решеткой с навесным замком, так как некоторые нализавшиеся мужики, со слов гида, частенько норовили потрогать девочку за исток фонтанчика. В общем, городские чиновники хотели как лучше (для туристов), а вышло натуральное (где-то даже – натуралистическое) непотребство. А вот писающую собаку смешанной породы, говорят (памятник увидеть нам не довелось), скульптор задумал как символ объединения разных культур в Брюсселе. Впрочем, об этом (или почти об этом) я уже в начале данной заметки писал. Ну вот, начал о Бремене, а закончил Брюсселем. Как спел бы Утесов, «Он шел на Одессу, а вышел к Херсону...»

Хотя к следующему городу, Ахену, органичней было бы перейти не от Брюсселя, а именно от Бремена, который в 787 году был основан франкским королем Карлом Великим. Ахен же в 807 стал столицей Франкского государства. Когда этот «император Европы» умер в 814 г., его захоронили в Ахенском соборе. Так нам сказали. И показали раку с его останками, а мы, как положено, сфотографировались. Однако в ходе написания этого текста я наткнулся на статью, в которой утверждается, что после двух вскрытий вмонтированного в стену склепа кости Карла Великого переложили в саркофаг из золота и серебра и по приказу Фридриха II, императора Священной Римской империи, захоронили. Позднее археологи саркофаг нашли, но без тела. Согласно пергаментному свитку, который обнаружили вместе с саркофагом, останки Карла вновь перезахоронили. Но куда их поместили –

*У знаменитого Ахенского фонтана
«Круговорот денег в природе»*

неизвестно. Такая вот детективная история. Ох, дурят нашего брата-туриста! Главное, однако, не в аутентичности захоронения Карла Великого, а в тех архитектурных шедеврах, которые по его воле были сооружены в Ахене. Смею предположить, что наши соотечественники, которые до сих пор не имели возможность побывать в городе, для которого Карл Великий является святым покровителем, не подозревают (как, например, мы до поездки), что Ахен – это одна из крупных жемчужин туристической сокровищницы Германии.

Между Брюсселем и Ахеном у нас был голландский Маастрихт. Там и смотреть-то, по большому счету, нечего. Поэтому мы его видели только из окна автобуса. Зато у этого городка с населением в 121 тысячу жителей есть свой козырь. И немалый. Правда, он не туристический, а общественно-политический. Маленький городок положил начало большому делу – искоренению провинциальности, местечковости, обособленности и закрытости для граждан теперь уже 27 стран нашего континента. Именно в Маастрихте в 1992 году был подписан Договор о создании Европейского Союза – гораздо более всеохватывающего (по сравнению с предшествовавшими ему Общим рынком и Европейским сообществом) объединения, где и стран-участниц стало намного больше, и, главное, сфер взаимодействия и интеграции между ними. Процесс этот непростой, противоречивый. По-

рой искрит, особенно в кризисные времена. Но ничего лучшего пока не придумано. Даже в Украине, которая в своей Конституции определила именно европейский вектор развития. Но украинцы не были бы украинцами, если б с детской простодушностью телянка не пытались «сосать двух маток». Да, это ж какую надо иметь голову, чтобы сидеть сразу на двух стульях, причем разных по высоте! Но ни о чем таком заумном мы в Маастрихте не задумывались, потому что все были поглощены обсуждением невиданного ранее гостиничного сервиса. В придачу к роскошным номерам, четырехзвездная гостиница предоставляет своим постояльцам такой «буфет», который у нас обычно называют «шведским столом», что с завтрака мы не выходили, а почти выползали от переедания. Такого обилия и многообразия всевозможных закусок и напитков, по признанию всех членов нашей искушенной многими зарубежными поездками группы, никто нигде не встречал. Этот входивший в стоимость тура маастрихтский «завтрак туриста» низвел содержимое наших одноименных консервов до уровня канализации, причем, чуть ли не в прямом смысле слова. Когда меня спрашивают о моих впечатлениях о поездке, в голове, как в компьютере непрошенная реклама, вначале всплывают воспоминания о маастрихтской обжираловке, и только потом активируется горный ангельский полет мысли над уникальными архитектурными памятниками и живописными пейзажами по обе стороны Ла-Манша. Слаб, грешен, каюсь – исправлюсь.

Наконец-то я добрался до конечного пункта нашего туристического меню. На закуску у нас был Берлин. Но десерт оказался не таким уж вкусным, как предполагалось. Может, мы переели (в данном случае – фигурально), посмотрев за три недели столько достопримечательностей, которые в справочно-энциклопедической литературе иначе как с определения-

*Не геи,
а натуральные коммунисты.
У Берлинской стены, 2012 год*

ми «самый большой/высокий/древний...», «один из самых красивых/уникальных/редких...» практически не употребляются. В немецкой же столице, как известно, после массированных бомбардировок второй мировой мало что осталось от того предвоенного Берлина, который в XIX веке называли «Афины на Шпрее». Ну, разве что отдельные элементы старой застройки – Церковь святой Марии, Берлинский собор, Оперный театр, Бранденбургские ворота, Красная ратуша, перестроенный в 1999 году Рейхстаг, Дворец Бельвю. Но почти все из них я видел еще в ГДРовском Берлине. Поэтому, как ни странно, мне на этот раз больше запомнилась новая по хай-тековски застроенная Потсдамская площадь. Ну и, конечно, остатки Берлинской стены.

Почти за два с половиной года до ее падения (в ночь с 9 на 10 ноября 1989) Президент США Рональд Рейган, произнося речь у Бранденбургских ворот в честь 750-летия Берлина, увещевал Михаила Горбачёва снести Стену. Подобно Катону Старшему, твердившему, что «Карфаген должен быть разрушен», Рейган, как «великий каменяр» Иван Франко, призывал: «Лупайте сю скалу!» Горбачев внял месседжу Рейгана – и вскоре от бетонного ограждения общей протяжённостью 155 км, в том числе в черте Берлина 43,1 км., и высотой в среднем 3,6 метра остался небольшой мемориальный отрезок, украшенный многочисленными, порой достаточно высокохудожественными, граффити. Несомненным хитом среди них является картина страстного, взасос, поцелуя руководителей СССР и ГДР Брежнева и Хонеккера. Хотя более показательным для данного сооружения я считаю граффити, на котором символ ГДР «Трабант» пробивает Берлинскую стену. У Солженицына есть произведение под названием «Бодался теленок с дубом». Русская поговорка, вынесенная Александром Исаевичем в заглавие, означает бессмысленность, бесперспективность затеи. Если б я переводил ее для западного читателя или слушателя, то перевел бы примерно так: «Воевал Дон-Кихот с ветряками». Но для знакомых с этим граффити, я бы несомненно перевел: «Бодался Трабант с Берлинской стеной». В реальной действительности были случаи тарана пунктов пропуска в Стене тяжелыми грузовиками. Естественно, со стороны Восточного Берлина. Но чтобы на подобное кто-то отважился на пластмассовой микролитражке с мотоциклетным двигателем! Дон-Кихот, если разобраться, личность неадекватная, социально опасная, от которой может пострадать не только отдельный Санчо Панса, а, при наделении такого одержимого большой властью,

великое множество маленьких испанцев, немцев, итальянцев, японцев (да всех и везде). Но, как ни парадоксально, без донкихотства человечество может потерять веру в возможность справедливости, перемен к лучшему. Конечно, многочисленные бе-

*«Бодался Сахаров с Системой»...
Граффити, посвященное
великому русскому
на Берлинской стене*

глецы, пытавшиеся нелегально преодолеть Стену, думали, прежде всего, о своем более свободном и сытом будущем на Западе. Но сколько диссидентов, наоборот, жертвовали уже имевшимся у них комфортом ради блага тысяч и миллионов смилившихся и убоявшихся. Не зря поэтому на стене присутствует портрет академика Андрея Сахарова. Он, конечно, Берлинскую стену не штурмовал, не пытался через нее катапультироваться или вырыть под ней тщательно маскируемый туннель, как это делали сотни отчаявшихся или авантюрно настроенных гэдээровцев (по разным подсчетам от 125 до 1245 из них поплатились за это сво-

ими жизнями). Но Сахаров, бодаясь с коммунистической системой, несомненно сделал громадный вклад в разрушение не только данной Стены, но и Железного занавеса в целом. Облик другого «бодливого тельца», Солженицына, я, к сожалению, среди персонажей Стены не обнаружил.

Зато мы обнаружили заметную ностальгию части осси (восточных немцев) по своему гэдээровскому прошлому. На берегу одного из каналов в центре Берлина работает Музей ГДР. Несколько лет назад в Праге мы обратили внимание на афиши, зазывавшие посетить аналогичный музей коммунистического прошлого Чехословакии. В глаза бросились агрессивно-карикатурные картинки, «украшавшие» эти вывески: на одной – нагло ухмыляющийся олимпийский мишка, держащий в лапах на животе автомат Калашникова, на другой – матрешка с широким звериным оскалом треугольных акулиных зубов. Понятно, события 1968 года наложили свой отпечаток на умонастроения че-

хов (да и словаков), но сегодняшний общий дискурс общественного мнения подавляющего большинства чехов относительно бывшего коммунистического прошлого можно уложить в одну ключевую фразу «Спасибо, больше не надо!» У определенной же части жителей бывшей Восточной Германии такого однозначно и решительного отрицания нет. Политики, социологи, экономисты находят этому массу объяснений, воспроизводить которые в путевых заметках вряд ли целесообразно. Но даже при нашем туристическо-поверхностном взгляде на обе части ныне объединенной Германии явно заметно, что на ее восточных территориях «и трубы пониже, и дым пожже». Меньше чистоты, ухоженности, приветливости. Это, конечно, далеко не совок, но, как сказал бы Пушкин: «Что-то чудится родное...» В предыдущий раз в гэдээровском Берлине я был в ноябре. На солнечные дни нам тогда не повезло, да если б они и случились, то никто бы сам (не говоря уже о невозможной тогда подсказке экскурсовода) не обратил бы внимание на характерный, в форме креста, солнечный отблеск на стеклянной луковиче столичной телебашни. В июле этого года солнце несколько раз побаловало нас своим вниманием, и гид не преминула сразу же указать нам на сияющий крест и рассказать о том, сколько треволнений было в ГДР по этому поводу со стороны руководства страны воинствующего атеизма. Главного архитектора (а, может, главного инженера – не запомнил) чуть со света не сжили, подозревая в злонамеренном умысле. Всерьез обсуждались даже проекты перестройки смотровой башни телевышки... Мне подумалось: этот крест Берлин и прочие восточные земли еще долго (пока будет стоять построенная в столице ГДР телебашня) будут нести, мучаясь от фантомных болей ампутированного коммунистического мировосприятия.

Что еще бросилось в глаза, точнее – в уши, так это русская речь в Берлине. Наверно, во Львове или Ивано-Франковске сегодня ее меньше, чем в немецкой столице. Не удивительно, бывшие наши плотно заселились в Шарлоттенбурге, Вильмерсдорфе (районах старого Западного Берлина), вокруг главной улицы Курфюрстендамм. Может, и им пора уже поднимать вопрос о русском как о втором государственном языке ФРГ, тем более, что многие немцы из бывшей ГДР его тоже учили, некоторые и сегодня его еще прилично помнят, как, например, канцлер Ангела Меркель. Дарю эту идею тамошним политтехнологам для очередных немецких выборов. Впрочем, о языках мы поговорим в другой заметке.

Ноев паром

В Великобританию с континента можно попасть самолетом, поездом (скоростным экспрессом «Eurostar», ”пролетающим” под Ла-Маншем за считанные минуты), автомобильным туннелем и морем. Паромная переправа через пролив (имеющий разные названия – Ла-Манш, сужающийся на востоке и переходящий в Па-де-Кале, и Английский канал, в зависимости от того, кто о нем говорит, француз или британец) – очень оживленная трасса, по которой в обоих направлениях с небольшим временным лагом снуют транспортные и пассажирско-транспортные суда разных компаний и водоизмещений. Большим британским паромом наша группа, например, плыла (sorry, шла) на остров (еще раз pardon – за фамильярно-уменьшительное название территории, вмещающей целых три, пусть не совсем суверенных, страны со своими парламентами, языками, отдельными футбольными чемпионатами etc.). А возвращались на континент еще более крупным судном с говорящим названием – «Дух Франции». Это один из двух самых новых и крупных паромов на линии, отвечающий последним, высочайшим требованиям в плане экономии топлива, «экологической дружелюбности» и безопасности пассажиров. Второй паром этой серии – «Дух Британии». Впрочем, такие претенциозные названия скорее вводят в заблуждение, чем передают подлинную атмосферу, царящую на подобных плавсредствах. Ну, во-первых, о каком истинно французском духе можно говорить, если заявка о его присутствии на пароме сделана с помощью чужого языка, а язык, как известно, для национального духа – дело не последнее. Правда, здесь можно сделать скидку на то, что оба «Духа» принадлежат дуврской компании «P&O Ferries», и вряд ли гордые британцы хотели как-то устечь потомков гордых галлов, уже много лет отчаянно борющихся с нашествием в родную страну английского языка, который, якобы, и подтачивает истинный французский дух. Во-вторых, если бы кто-то захотел провести полевые исследования духа, царящего на этом или ином подобном ему пароме, то в одном уголке судна он наверняка мог бы сказать: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», в других – из пушкинской строки можно было бы сделать массу парафразов, в зависимости от услышанных языков и увиденных этно-рассовых типажей и купажей. Хотя в нынешнем глобализованном мультикультурном мире специфику «духа» определить порой практически невозможно.

Мы с женой, например, исследуя верхние пассажирские палу-

*На пароме. За спиной –
белые скалы английского Дувра*

бы, некоторое время посидели среди группы тинэйджеров, общавшихся между собой на своем родном немецком языке, хотя у доброй половины из них цвет кожи, разрез глаз и прочие внешние признаки были существенно отличными от арийских. Конечно, харак-

тер и менталитет представителей различных наций (политических, а не этнических) определенным образом разнятся, и в этом мы не раз убеждались, наблюдая, например, за жителями Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии. У.Черчилль, похоже, небезосновательно однажды изрек: «Английский канал – это не только водный путь, это граница нашего британского мировоззрения». Да и языки, при всем «девятом вале», даже инвазийном цунами английского, сохраняют и, уверен, сохраняют свою самобытность, потому что многотысячные чужестранные лексические заимствования не взламывают становой хребет языка-реципиента – его грамматику. Да, мы в шутку можем сказать «Это не есть хорошо», но дальше ернических приколов дело, по-видимому, не пойдет.

Ну, если я уж сбился на лингвистику, то закончить эту маленькую главку мне захотелось двустихьем, родившимся у меня при первом, еще отдаленном, взгляде на меловые скалы приближающегося английского побережья:

«Даже к белым скалам Дувра –
В рифму, но без каламбура».

На эту жалкую подражательскую потугу меня подтолкнула классическая строфа из Дмитрия Минаева:

«Даже к финским скалам бурым
Я обращаюсь с каламбуром...»

P.S. На обратном пути из английского Дувра во французский Кале нам захотелось запечатлеть себя на фоне оскалившихся скал (даже не знаю, тавтология это или пошлый каламбур) северно-

го побережья пролива, белый цвет которых дал известное всему миру метонимическое название Британии – Туманный Альбион. Увы, несмотря на безоблачное солнечное небо, на английское побережье Ла-Манша неожиданно быстро упал такой густой туман, что фотосессию пришлось отменить. Так что Альбион (от слова «белый») и впрямь оказался туманным. Без метафор и гипербол. И без туманных фотоснимков.

Язык мой – друг мой

Врагом он тоже бывает, но для тех, кто не может удержать язык за зубами, или вовремя засунуть его себе туда, где зубов не бывает. За границей, понятно, резко возрастает дружелюбность языка, естественно, иностранного, особенно английского. В тех странах, которые мы посетили помимо Великобритании, в глаза бросалось обилие вывесок, растяжек, рекламных постеров и прочих носителей англоязычной информации. Соединенное королевство в этом отношении взаимностью не отвечало. Конкуренцию английскому в этом государстве составляли только валлийский и шотландский языки. Эти два последних, конечно, на континенте мало кто знает, но на великом и могучем (в данном случае, английском языке) и голландцы, и немцы, и бельгийцы, и «разные прочие шведы», встречавшиеся на нашем пути, говорили охотно и свободно, особенно молодежь. Профессионально интересуясь этим вопросом, хочу отметить определенную положительную тенденцию в освоении иностранных языков и среди украинцев. Намного большая, по сравнению с советскими временами, открытость нашей страны пуце всяких увещаний и оценок в аттестатах и дипломах подталкивает соотечественников ко все более массовому и результативному изучению чужеземных языков. Как выяснилось, в нашем разновозрастном коллективе оказалась группа товарищей, «с вполне приличным английским». Кавычки в данном случае означают цитату из телефонного разговора нашего гида Тани с ее английским гражданским мужем. Фил присоединился к нам в первый же день британской части нашего тура. Он оказался приятным, отзывчивым джентльменом, обеспечивающим еще более качественное информационное сопровождение наших экскурсионных поездок. Фил сошел с дистанции незадолго перед нашей высадкой в Нормандии (французском Кале), но продолжал названивать удаляющейся от него супруге. Упомянутое комплиментарное умозаключение англичанин сделал после довольно длительного общения с лю-

бопытными украинцами, а Таня, гид, не без удовольствия (прежде всего нашего), огласила вывод мужа через автобусный микрофон. Но с Филом, конечно, общались далеко не все наши путешественники, и о неоправданно широком обобщении британца свидетельствовали некоторые комичные ситуации, в которые попадали «наши люди». Были среди нас и «нулевые англичане», и те, чьи познания уместались в одну фразу «London is the capital of Great Britain», но речь в данном случае о тех, кто слегка «вязал лыко». В их арсенале был целый «джентельменский наборчик» слов и выражений. Самой ходовой «домашней заготовкой» для Лондона у них стал вопрос: «Скажите, пожалуйста, как пройти к Британскому музею?» И дело совсем не в том, что в Великобританию они ехали с главной целью своей жизни (или, по крайней мере, данного тура) – ознакомиться с экспонатами одного из лучших музеев мира. Однако все было намного прозаичней и прагматичней: возле этого музея была наша гостиница Royal National. Можно сказать, центровая. Не в переносном смысле (всего-то три звезды), а прямом, потому что находится в центре столицы. В свободное от групповых экскурсий время мы отправлялись в свободное плавание, радиус которого во временном измерении достигал 40-50 минут неспешной ходьбы. На метро, конечно, быстрее (если ехать больше одной, порой даже двух остановок), но дорого. Правда, лондонский метрополитен, несмотря на то, что он старейший в мире (первая ветка вступила в эксплуатацию в 1863 году), очень уютен. В вагонах мягкие диваны, места на них в большинстве случаев отделены подлокотниками. Но прогулка поверху предоставляет лучшие возможности для ознакомления с одним из самых посещаемых в мире городов. Поэтому не только «в город», но и «домой», т.е. в гостиницу, большинство наших туристов добирались пешком. Но лондонские улицы и проспекты не такие прямолинейные, как, например, нью-йоркские, поэтому заплутать в их лабиринтах для новичков – обычное дело. Так вот, загулявшие допоздна наши «слабоговорящие» при возвращении «на базу» задавали прохожим один и тот же вопрос: «Скажите, пожалуйста, как пройти в Британский музей?» Гостеприимно настроенные к иностранцам лондонцы сначала теряли дар речи от такого «естественного вопроса» и всяких предположений и глупых подозрений, типа: «никак, хотят грабануть сокровищницу мирового культурного наследия»), а потом, придя в себя, восклицали: «Что вы! Британский музей давно закрыт!» Самое интересное, что подобные диалоги состоялись не у одного, а

у многих (!) наших товарищей. Об этом мы узнали уже в автобусе при выезде из Лондона. Когда один наш незадачливый турист признался, что с ним приключилась такая история, то сразу несколько спровоцированных на подобную откровенность соотечественников чуть ли не одновременно воскликнули: «И у меня/нас так было!»

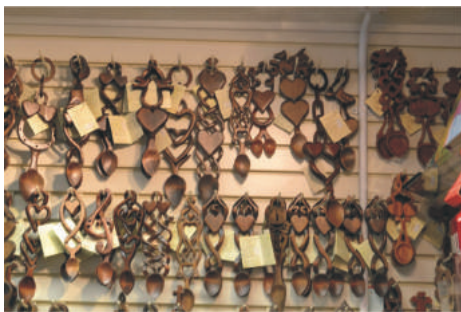

Британский музей, Лондон

И тут же, не сговариваясь, почти хором, другие закричали: «Как пройти в библиотеку?» А кто-то завершил эту знаменитую цитату из фильма «Операция «Ы» – «В три часа ночи?! Идиот!»

Если уж мы завели разговор о языке, то нельзя не вспомнить о наших наблюдениях и впечатлениях, связанных с языковой ситуацией в Уэльсе и Шотландии. В Бельгии, особенно в Брюсселе, языковой вопрос – это вообще такой гордиев узел местной политической жизни, что непонятно, кто и когда его безболезненно разрубит. Тут без пары литров знаменитого бельгийского пива не разобраться. Мы же, по причине его дороговизны, ограничились двумя дегустационными бутылочками (0.33 л.) хмельного напитка по 4.40 евро каждая, что оказалось недостаточным для выработки собственного трезвого суждения. Пусть нидерландоговорящие фламандцы и франкоговорящие валлоны разбираются сами, нам бы со своими политико-языковыми проблемами разобраться. Что же касается валлийского языка, то наши полевые исследования показали его полномасштабное и широкоформатное функционирование во всех сферах общественной жизни. Однажды во франкоязычном канадском Квебеке наш экскурсовод Жан на вопрос о взаимоотношениях и судьбах английского и французского языков ответил следующей афористичной фразой: «Побеждает тот язык, на котором говорят на кухнях». В Уэльсе, как оказалось, на валлийском языке очень многие не только ведут кухонные беседы, но и обучают на нем детей в местных школах, особенно на северо-западе. Все дорожные знаки на двух языках: без английского в Великобритании далеко не уедешь. По статистике валлийским языком владеют 20,5 % населения Уэльса. Многолетний тренд свидетельствует, что эта доля в структу-

ре населения постоянно растет. На северо-востоке, где были мы, валлийский язык тоже отвоевывает свои позиции. Английским, естественно, владеют почти все. Как – это другой вопрос. Даже в магазинах, где коммерческий интерес заставит выучить даже украинский язык со всеми его диалектами и наречиями, на английском говорят так, что неместным, особенно иностранцам, понять продавцов сложновато. Помнится, в Лланголлене нам с женой пришлось немного, но с существенным напрягом, пора-

*С таким ассортиментом ложек
в девках не засидишься.
Лланголлен, северный Уэльс*

ботать переводчиками в магазине сувениров. На подъезде к этому живописнейшему городку на севере Уэльса гид поведала о чудодейственных резных ложках местного производства, которые помогают выйти замуж «залежавшимся на полке» (так, в дословном переводе, аборигены называют засидевшихся в девках). Поэтому, как только откры-

лись автобусные двери, многие побежали в магазины, чтобы побыстрее купить (кто для себя, кто для родственников и друзей) эту кухонно-сувенирную продукцию. А с коммуникацией в сувенирных лавках стали возникать определенные языковые проблемы, по уже упомянутой причине. Но все благополучно утряслось, и вскоре мы покидали Лланголлен с таким набором разновеликих, но однопрофильных столовых приборов, что их хватило бы или на целый армейский батальон (когда я служил, вилок-ножей солдатам не давали, сейчас – не знаю) или на большой ансамбль ложкарей.

Впрочем, я отвлекся – прошу прощения. После Уэльса у нас была Шотландия. Первое, что бросилось в глаза: дорожные знаки с дубляжом на шотландском языке – большая редкость. Но, по утверждениям гида, раньше и этого не было. Дальнейшие полевые исследования показали, что шотландцы, по сравнению с валлийцами, как нам показалось, не так решительно и ретиво отстаивают и развивают собственный язык (точнее – языки, потому что их два: шотландский гэльский и англо-шотландский (скотс, на котором писал Роберт Бёрнс и на котором сегодня говорят в

равнинной Шотландии). Ни один из этих языков до сих пор не включен в программу школьного образования, хотя варианты такого включения разрабатывались. Зато в Глазго есть русскоязычная школа, работающая как подразделение Русского центра в Шотландии “Haven”. Преподавание для детей базируется на методиках изучения русского языка как родного и как иностранного, в зависимости от начального уровня ребенка. В процессе преподавания используются приемы быстрого запоминания. Русский язык для взрослых реализуется в форме долгосрочных программ изучения и краткосрочных курсов языковой подготовки к специальным поездкам. Изучение русского языка проводится в форме групповых занятий, рассчитанных на длительное обучение, персональных консультаций, классов улучшения навыков письма.

Политико-лингвистические реалии Бельгии, Уэльса, Шотландии (ряда других, не входивших в тур стран) свидетельствуют о сложном взаимодействии разных языковых образований и разных языковых политик. Если пытаться прямолинейно экстраполировать их на Украину, то толку, на мой взгляд, будет мало.

*Биг Бен,
Британский парламент со стороны
Вестминстерского моста*

Уж очень разный исторический путь мы прошли, очень разный у нас был и остается социально-экономический, политический и общецивилизационный контекст. «Навчатися чужому» – святое дело. Но мы обречены искать свой собственный путь. Он может привести к миру и согласию, если мы, помимо разработки и имплементации комплекса специальных мер, будем стараться не только в своем языке, но и в чужом видеть не врага, а друга. Например, выученный чужой язык непременно переходит в разряд «своих», становится верным другом.

Так что для нынешнего все более интегрированного мира, в придачу к максиме, вынесенной в заголовок, можно предложить еще один семантически новый афоризм – «Чужой язык – друг мой». Нам сегодня просто не остается ничего другого, как дружить, и не только семьями, регионами, странами, но и языками.

Strangers in the Night

Это песня! Но это – не о песне. Ну, о той, которую душевно исполнял Фрэнк Синатра и которую в русском переводе мы знаем как «Путники в ночи» или «Странники в ночи». Но в данном случае ни один из этих переводов не подойдет. Сомневаюсь, что по этому заглавию кто-нибудь хотя бы приблизительно догадается, о чем я собираюсь написать в этом очерке. Когда-то в институте меня учили, что английские заглавия лучше переводить в последнюю очередь, после полного ознакомления с содержанием всего текста. Поэтому ввожу читателя в контекст событий, в результате которых мы с женой и стали этими самыми *strangers in the night*. Тогда о верном переводе они догадаются сами.

По подсказке нашего всезнающего гида, мы дерзнули присутствовать на заседании... (выдерживаю МХАТовскую паузу) Британского парламента! Первая реакция: «Как, неужели это возможно?!» Ответ: «No problem». Вот она – хваленая британская демократия. Без закавыченного эпитета. В одном постперестроечном научном исследовании я прочел, что из всех знаков и фигур речи в русском советском новоязе кавычки по частоте употребления держали бесспорное первое место. В условиях жесткого противостояния двух противоположных социально-экономических систем кавычки несли дополнительную нагрузку – выполняли очень важную идеологическую функцию.

Впрочем, не будем отвлекаться. Итак, подходим мы к начальному пункту пропуска гостей в главный законодательный орган Соединенного королевства со стороны зеленой лужайки с памятником Кромвелю и наигранно будничным тоном заявляем полисуменше (извините за такой базарный жаргонизм): «Мы хотим посетить заседание парламента». В нашем КРЭПе мы бы конечно выбрали другой, извинительно-просительный тон, а то и согнулись бы в легком полупоклоне. Но здесь, подобно профессору Плейшнеру, расслабились и даже где-то обнаглели – нам, дескать, надо в парламента, и точка! А улыбчивая правоохранительница нам в ответ: «Да, конечно, но...» Ох уж эти «но»! Надежды маленький оркестрик в наших душах враз стихает, мы

*Памятник Кромвелю
у стен Британского парламента*

скисаем и превращаемся в совков, стоящих в конце огромной очереди за колбасой и прослышавших от сгрудившихся впереди, что на всех не хватит. Ну, конечно, сейчас нас отошлют (по-английски, вежливо). Например, придутся к нашему непарламентскому дресс-коду, да и время позднее – не зря же очереди никакой нет. Или скажут, что мест свободных уже нет. «...Видите ли, – продолжает полис-вумен – вы попадете только на дебаты...» Вроде мы рассчитывали попасть на тот единственный в году визит в Парламент королевы или на выступление

премьер-министра на Question Time, когда его безжалостно молчалил оппозиция. «Дебаты так дебаты» – скрывая радость, соглашаемся мы. Она опять заикается о том, что до конца сегодняшнего дня будут только дебаты...

В памяти подсознательно всплывает старый советский анекдот. Привезенный из райкома партии новый, типа избранный, председатель колхоза после доклада объявляет: «А зараз будут дебаты!». Зал стихает от неслыханного ранее слова. И вдруг робкая реплика: «Ну що ж, дебаты так дебаты, тільки нас, доярок, у першу чергу, бо дуже рано вставати завтра на роботу...»

Может, офицер засомневалась в адекватном восприятии иностранцами слова «дебаты», но мы своей непреклонностью вынуждаем пропустить нас на эти загадочные дебаты. Правда, пропустила она нас всего лишь до следующего (еще не последнего) кордона, где нас сфотографировали, повесили на нашейных шнурках какие-то бейджики, провели через рамку металлоискателя, просветили сумки и куртки – и пропустили под своды Вестминстерского Холла. Оглядываемся. Что по вертикали, что по горизонтали – простор и сдержанное величие. По объему – Дворец

*Памятник У.Черчиллю
рядом с Британским Парламентом*

спорта, по архитектуре – царский дворец, с уникальным кружевом резных потолочных балок и громадным мозаичным витражом. Из бесплатной брошюрки-путеводителя узнаем, что сооружать этот холл начал Уильям Руфус, сын Уильяма Завоевателя, в 1097 году. Грандиозное сооружение было «сдано в эксплуатацию» через два года. Только оно да Башня Сокровищ не пострадали в пожаре 1834-го года. Вестминстерский Холл был свидетелем разнообразных мероприятий и событий. С 1189-го по 1821-й здесь проходили коронационные банкеты.

Позже в этом холле проходили суды, казни (в частности, над Гаем Фоксом и королем Чарльзом I), здесь прощаются с усопшими монархами (иногда такой чести удостоиваются некоторые премьер-министры Великобритании, как в случае с Уинстоном Черчиллем). В этом году в Вестминстерском Холле прошли торжества, связанные с бриллиантовым юбилеем правления Елизаветы II. Впрочем, мы задержались на начальном этапе нашего пути к главной цели нашего визита.

Из Вестминстерского Холла переходим в Холл Св.Стефана (St Stephen's Hall), где, как оказалось, очередь все же есть. Еще одна офицер с переговорным устройством усаживает нас на крайний от Центрального Лобби диванчик. Ждем-с. Вместе с семейством из Москвы. Не скучно, от общих разговоров о наших туристических маршрутах осторожно переходим к политическим темам. Попутно переходим с диванчика на диванчик – поближе к Центральному Лобби, где находится развилка к Палате общин (налево) и Палате лордов (направо), а также к залам заседаний парламентских комитетов (прямо). Очередь продвигается довольно живо. Но стоило нашей семерке пересечь на ближайший к лобби диванчик, как в холле прозвенел звонок. Не стро-

вариваясь, смотрим на часы. Девятый час вечера. У них это время уже подпадает под название «night». Понятие растяжимое. Словари трактуют его как «время от наступления темноты до рассвета» или «от 6 часов вечера до 6 часов утра», но чаще это слово переводится как «ночь». Это и будет первой подсказкой к правильному переводу заглавия этой заметки. Однако вернемся к событиям того дня, т.е. ночи, в зале ожидания парламента (да простят меня, неблагодарного, британцы за низведения до такого затрапезного названия величественного Холла Св.Стефана, где до середины 16-го века монархи и члены их семей отправляли религиозные обряды, а с 1550 года члены Палаты общин проводили свои дебаты).

Звонок поверг нас в нечто большее, чем английский сплин, мы сжались в ожидании объявления: «Миссия невозможна». Сейчас вот огорошат: «Время, мол, позднее, караул устал и т.п.» Но распорядитель нашей очереди сразу же нас успокоила – сказала, что обе палаты работают до 22.30, а звонок означает всего лишь сигнал приостановки доступа посторонних на гостевую галерею Палаты общин, так как депутаты приступили к процедуре голосования. Проголосуют – потом потокооборот зевак «на балкон – с балкона» возобновится. По умолчанию подразумевалось, что процедура голосования – святое ответственное дело, надо, мол, создать для депутатов режим наибольшего благоприятствования, а не скрыть от посторонних шалости «пианистов-многостаночников», тем более, что британские депутаты на кнопки (в т.ч. чужие) не дают, а голосуют поднятием руки.

Офицер сразу же предложила альтернативу: кто не желает подождать 15-20 минут, может нанести визит лордам, тем более, что в их Палате, как она заверила, гораздо более красивое помещение, очереди нет. Э, нет! В Палату лордов даже Елизавета Вторая может попасть. Мы же хотим туда, куда британских монархов уже давно (с 1642 года!) не пускают. Ну, разве что королева тишком-нишком проберется на гостевую галерку, авось не заметят (ведь, согласно давнему правилу, депутатам Палаты общин нельзя отвлекаться и смотреть вверх – в сторону балкона) и не закричат... (что именно – пока не сообщу, сохраню-ка я пока интригу). Короче, британским монархам доступ в Палату общин заказан и они поэтому, ежегодно открывая работу парламента, вынуждены приглашать на совместное заседание депутатов Палаты общин в Палату лордов. Правда, по форме это выглядит не как просьба, а как королевский приказ явиться в Палату лордов,

причем немедленно! При объявления этого королевским посланником, депутаты Палаты общин могут отпустить пару ехидных реплик, «возмутиться», но потом во главе с Премьер-министром все же отправляются в Палату лордов. Там уже восседает британский монарх и лорды, принарядившиеся соответственно торжественному случаю в мантии и парики. Свободных мест для приглашенных депутатов и членов правительства нет, и они смиренной толпой выстраиваются за спинами лордов и выслушивают ежегодную парламентскую речь номинального главы государства. Выглядит все это как игра в месть со стороны комплексующего монарха за его/ее недопуск в Палату общин. Раньше эта ежегодная церемония происходила всегда в ноябре или декабре, но с 2012 года государственное открытие работы парламента решено проводить в мае. По возвращении домой посмотрели в YouTube, как это выглядело в нынешнем году. С одной стороны, торжественно и помпезно, с другой – несколько комично. Как минимум, улыбку вызывает то, что главные вершители судеб британцев – Палата общин и правительство – вызываются «на ковер» и смиренно стоят (хорошо хоть не на коленях в углу) и слушают фразы типа «мои лорды», «мое правительство»... Снова невинная политическая игра, дань традиции. Хотя, как я отметил несколькими предложениями ранее, традиции по разным причинам меняются. Вот и в юбилейной, «бриллиантовой» речи Елизавета II поставила задачу реформировать Палату лордов. Эту архаичную законодательную структуру, разросшуюся до 825 пэров, большинство из которых получили пожизненную власть по наследству за заслуги перед обществом или благодаря связям в правящих кругах, многие британцы пренебрежительно называют «домом престарелых», которому не место в современном демократическом обществе. Согласно плану реформы Палаты лордов, предложенной либерал-демократами и одобренной ранее 460 депутатами нижней палаты против 124 голосов, общее число лордов должно быть уменьшено до 450 человек. При этом 80% мест в верхней палате предполагается сделать выборными. Интересно, и после этого «инициатор» реформы будет говорить о них «мои лорды»? А – «мое правительство», после того, как 6 августа с.г. консерваторы, побив горшки с партнерами по коалиции (либерал-демократами), заявили, что до 2015 года никакой реформы Палаты лордов они осуществить не позволяют? Почти 700 лет не реформировалась – и голода не было. Королева предполагает, а «ее» правительство располагает (Го-

споди, прости меня, грешного, за богохульный парафраз!» Кстати, любопытные могут посмотреть церемонию открытия Королевой работы парламента в 2012-13 годах (<http://www.youtube.com/watch?v=5ITa5TDb7zM>) и сделать свои выводы.

Интересно, посмотрел бы я сам этот видеосюжет, если б за месяц до этого не побывал в британском парламенте? Вряд ли. В этой связи хочется отметить благотворное обратное влияние полевых исследований на дальнейшую библиотечно-кабинетную работу. Однако, я несколько отклонился от главной линии повествования. Мысленно возвращаюсь на ближайший к Центральному Лобби диванчик, где мы и трое попутчиков-москвичей отклоняем сладкие посулы насчет незамедлительного посещения «красивейшей Палаты лордов» и делаем нелегкий выбор: будем ждать – вдруг голосование затянется и времени на посещение обеих палат не хватит, так уж лучше понаблюдать за работой нижней, главной палаты – общин. Двое с нашего диванчика покупаются на предложение офицера, которая эскортирует торопыг к коридору-проходу в Палату лордов, а мы остаемся непоколебимыми в нашем первоначальном решении. И вот нашу великолепную пятерку наконец-то впускают в Лобби – сердце британской демократии. Почему вдруг – сердце? В нашем отечественном лексиконе слова «лоббировать», «лоббисты», этимология которых кроется как раз в названии этого холла-развилки Британского парламента, имеют преимущественно негативный оттенок. В британском, особенно парламентском контексте, это слово означает квинтэссенцию такого феномена, как демократия. Дело в том, что любой британец может заявиться сюда (лучше, заблаговременно заказав соответствующий бесплатный квиток) и попросить о встрече с депутатом от своего избирательного округа. И клерки, дежурящие в этом красивейшем по архитектуре и убранству Холле, должны пойти в палату и пригласить (по существующим здесь правилам и традициям – практически обеспечить «привод») затребованного политика. А в случае отсутствия оного – привести любого другого члена британского парламента, а тот обязан поднять проблемный вопрос на заседании своей палаты. Есть, правда, и другие формы лоббирования (письма, брифинги, презентации со стороны различных организаций). В общем, не надо, как у нас под Верховной Радой, устраивать «штурм Зимнего», пилить болгаркой невесть откуда взявшийся «бесхозный» забор и добиваться аудиенции у народных избранников. Ну а реакция на подобное «лоббирование» наших ВРУнов всегда

такова, что наш законодательный орган можно было бы назвать если не британским, то уж точно валлийским, в смысле: «Вали отсюда!»

Впрочем, я опять отвлекся. После заполнения в Лобби коротенькой анкеты из двух пунктов – имя и адрес – нас направляют вверх по лестнице, ведущей к Палате общин. И тут мы обращаем внимание на прикрепленную к лестничной стене табличку-указатель – «Strangers' Gallery». Прижилось, однако, это древнее название публичной галерки для тех, кто не является ни членом парламента, ни обслуживающим его персоналом. История, связанная с частым эмоциональным употреблением слова «strangers» со специфическим его значением, – хорошая подсказка к правильному переводу заглавия данной заметки. Издавна на восклицание любого члена парламента

*Внутренняя охрана
Британского парламента*

«I spy strangers!» (В зале чужаки/шпионы!) спикер обязан был моментально прекратить заседание парламента и сурово потребовать посторонних удалиться («Strangers do now withdraw!»). В 1880 году таким макаром ирландский депутат-националист Биггар вынудил покинуть заседание тогдашнего принца Уэльского, ставшего впоследствии королем Эдуардом VII. В 2004 году слово «чужак» сочли политически некорректным и заменили его на «представителя общественности» (member of the public). Но сама уловка, направленная на удаление посторонних (включая журналистов из ложи прессы), сохранилась. Правда, прибегают к ней крайне редко. Последний раз парламентарии применили ее 4-го декабря 2001, когда дебаты шли по проекту закона о национальной безопасности, в частности по борьбе с терроризмом и преступностью в свете известных терактов в США.

Перед самым входом на галерею, сдаем в камеру хранения сумки, мобильные телефоны и заходим на балкон. Зрителей немного, как и дебатующих внизу депутатов. Между первыми и вторыми – стеклянная перегородка. Это относительно недавнее нововведение после инцидента времен второй иракской войны.

Когда поиски оружия массового уничтожения в Ираке не дали ожидаемых результатов, один из гостей галерки запустил в тогдашнего премьер-министра Тони Блэра презерватив с мукой. Попал. Депутаты остались преимущественно в темном, премьер – весь в белом (как в анекдоте, только наоборот). Тогда, после долгих дискуссий по поводу инцидента, пришли к паллиативному решению: доступ на гостиную галерею сохранить, но отгородить парламентариев от хулиганских выходов прозрачной стеной. Акустические свойства галерки не пострадали – все, о чем говорят внизу, прекрасно слышно на балконе. Правда, потом был еще один курьезный случай. Один из шотландцев злоупотребил гостеприимством депутатов: задрал свою юбку и показал им все, что под ней скрывалось (исподнего под килтом шотландцы, говорят, не носят). «Дикий народ! Дети гор», как отзывались в «Двенадцати стульях» о местных жителях туристы, путешествующие по Кавказу. Дежуривший по галерке парламентский бобби, конечно же, до таких обобщений насчет своих соотечественников-шотландцев подниматься не стал, но за хулиганом в юбке побежал (интересно, как бы в Шотландии перевели фразеологизм «бегать за каждой юбкой»?), поймал и с балкона спустил. Увидели кто-либо эту выходку, кроме гостей галерки, судить не берусь (повторюсь: депутатам смотреть вверх запрещено), но пищу для гидов и экскурсоводов этот эпатажный житель горного края дал немалую, причем скоромную.

Итак, заходим на гостевую галерею. Присаживаемся, пытаемся разобраться в диспозиции депутатов, спикера, обслуживающих клерков, и главное – что обсуждается и каков формат дебатов. Вполне прогнозируемо (для демократической страны), речь на этом заседании шла о свежем скандале, связанном с жульническим манипулированием Лондонской межбанковской ставкой предложения (англ. London Interbank Offered Rate, LIBOR) со стороны руководства крупнейшего британского банка «Barclays». Это был третий день непрерывной шумихи всех средств массовой информации вокруг подробностей аферы (мы в гостинице вдоволь насмотрелись-наслушались этого по Би-би-си). Двое топ-менеджеров «Barclays» подали в отставку, хотя, судя по комментариям многих банкиров, выгоды они лично для себя не замыслили и не получили. Просто «недобдели» в плане контроля за своими ушлыми подчиненными. Случись у нас подобное, большинство каналов сказали бы о таком походя, в конце новостных выпусков, забыв про дальнейший мониторинг

прецедента на следующий же день. В британском же парламенте данный скандал не только набирал обороты, но послужил своеобразной ракетой-носителем для выхода на более высокую орбиту обобщений и решений касательно банковской системы Соединенного королевства в целом – и центрального Британского банка, и регулируемых им коммерческих банков, и казначейства страны. В ходе дебатов банковские дела увязывались с другими макроэкономическими проблемами – занятостью/безработицей. Выступавшая в качестве главного докладчика от оппозиции, естественно, старалась извлечь максимум возможного для обличения правящей коалиции. Депутаты от правящих партий и какой-то министерский чиновник огрызалась (если этим словом, конечно, можно назвать интеллигентную пикировку со стороны консерваторов и либерал-демократов), приводили контраргументы, доказывая, что предложения оппозиции, безусловно, благие, но близорукие, чреватые многими неожиданными и нежелательными последствиями. Проштрафившихся банкиров не выгораживали, предлагали оппозиционерам взвешенно подойти к поиску эффективных решений – и относительно конкретного проштрафившегося банка, и касательно финансовой системы страны в целом. Тон дискуссий сдержанный, без испанской или итальянской пассионарности. Дебатирующие по очереди просят у спикера право на выступление. Кстати, для получения слова депутат должен встать, «поймать взгляд спикера палаты» (to catch the Speaker's eye), а тот, заметив поднявшегося, позволяет «толкать речь». Звук улавливается и усиливается равномерно рассредоточенными по залу свисающими микрофонами.

Можно было бы досмотреть/дослушать эти дебаты до конца, но мы хотели успеть получить представление и о Палате лордов. Очереди на ее Strangers' Gallery по-прежнему не было. Служащая не соврала: лорды заседают в условиях настоящего архитектурного великолепия. Хотя в этом отношении они утерли нос Палате общин с ее аскетичностью и непритязательной функциональностью. Засадавших лордов оказалось столь же мало, как и депутатов Палаты общин. Так же партикулярно одеты, так же женщина в роли спикера (правда, титул у нее попритязательней – Лорд-спикер). Обсуждаемый вопрос – «Доступ к воде на палестинских территориях в районе западного берега». Формат обсуждения – «бу-бу-бу», т.е. никаких страстей и сшибок. И никаких стеклянных перегородок. Плуж, бросай с балкона все, что угодно. Шутка. Мне этих лордов даже как-то жалко стало: никому они не нужны.

Как в том анекдоте про неуловимого Джо (неуловимый, потому что никто его не ловит). Мы немного послушали, раззевались и уже собрались уходить, как вдруг Лорд-спикер огласила небольшой технический перерыв на 20 минут, что тут же было письменно продублировано на настенном электронном табло: «House adjourned during pleasure until 21:30». Формулировка показалась нам двусмысленной и потому забавной. Кроме как «усмотрение» и «соизволение» слово «pleasure» имеет еще одно значение – «удовольствие». И неопытный толмач, не зная контекста, мог бы сплеча перевести и так: «Заседание палаты откладывается на время получения удовольствия до 21:30»). Лордов не заподозришь в недостаточном знании английского языка. Об этом подумалось, когда после оглашения перерыва мы на нижних пролетах узкой лестницы смешались с «неуловимыми» (мы сразу безошибочно узнали их). Некоторые из них, как и мы, направлялись в сторону парламентских туалетов. Каждый – за получением своего удовольствия...

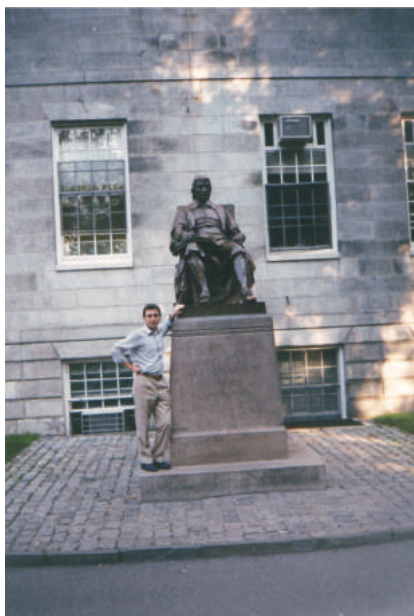
Не преувеличу, если скажу, что в ту ночь мы получили большое удовольствие. Не спешите домысливать – ничего личного, интимного. Имеется в виду «чувство глубокого удовлетворения» от посещения Вестминстерского дворца и полевых исследований работающего в нем британского парламента. Мы были довольны тем, что в далекой, чужой стране никто не объявил нас чужаками и не «выгнал на холод «шпионов», затесавшихся в компанию настоящих британских VIP. А еще подумалось: хорошо бы, если б от воротившихся в родную страну «ночных путников» поменьше воротили нос в больших кабинетах и маленьких конторах, чтобы при столкновении с равнодушием и хамством соотечественников мы не почувствовали себя чужими.

Где учились Клинтон и Тимошенко?

С Клинтоном, президентом США, все ясно. Загляните, например, в Википедию – и узнаете про все «его университеты». За спиной – три вуза. Вторая (по очередности) альма-матер, вскормившая любвеобильного политика, – древний (1249) колледж под названием «Университетский» (University college), один из 38-ми колледжей, ныне составляющих Оксфордский университет. Наш маршрут пролегал через два самых именитых университетских города Великобритании – Оксфорд и Кембридж. Оба города изобилуют дивными памятниками архитектуры, но внешнему миру они, прежде всего, известны как одни из самых древ-

них цитаделей просвещения, которым удастся держать свою высочайшую марку по сегодняшний день. В топ-десятке лучших университетов мира (согласно рейтингу за 2011-2012 учебный год) Оксфордский университет – на четвертом месте, а Кембриджский – на шестом. Так вот, в ходе экскурсии по Оксфорду, когда мы осматривали именно Университетский колледж, гид сообщила нам, что в нем, естественно, в разные годы, учились Билл Клинтон и Евгения Тимошенко. Сразу заработала фото- и видеотехника: всем захотелось запечатлеть себя на фоне старинных строений, прославленных учебой в них дочери опального украинского экс-премьера. Думаю, если бы гид сообщила нам только о том, что выпускниками этого колледжа были князь Феликс Юсупов, небезуспешно покушавшийся на Распутина, сексуально покушавшийся (тоже вроде, результативно) на невинную стажерку Монику Левински 42-й американский президент и нескандальный, а потому малоизвестный у нас 23-й Премьер-министр Австралии Боб Хоук, то затяжной фотосессии, может, и не последовало бы. Выдержав техническую паузу, гид закончила пассаж еще более интригующей фразой: «Однако, Билл Клинтон этот колледж окончил, а Евгению Тимошенко из него отчислили и она не успела проучиться в нем и полгода...» Мы заинтригованы. Неужто бунтарские гены мамы подтолкнули Женю на какую-то эпатажную или мятежную выходку? Ведь выгнали же из колледжа поэта Перси Биши Шелли за трактат «Необходимость атеизма». Об этом в Университетском колледже есть даже солидный скульптурный мемориал. На вопрос: «Почему ушла из Оксфордского университета Евгения Тимошенко?» гид недвусмысленно ответила: «Не всегда и не все решают деньги...» По возвращении домой я начал наводить справки об образовании Евгении Тимошенко. Довольно большой массив подключенных интернетовских ресурсов оказался бессильным для подтверждения какой-либо связи между Евгенией Тимошенко и Оксфордским университетом. В Университетском колледже в ходе полевых исследований я не обнаружил каких-либо следов ее там присутствия, ну хотя бы надписи «Здесь была Жужа», а вот на всех прочесанных мной сайтах обнаружил, что Евгения Тимошенко училась в Великобритании с 1994 года и окончила Лондонскую школу экономики и политических наук (специальность — политология и философия, тема диплома — приватизация украинской энергетики), а на одной веб-странице после указания этого вуза, через запятую, добавлен еще и Лондонский университет (2004). Что ж, чи-

татель волен думать что угодно, я же привык опираться на документально подтвержденные факты. Кстати, о фактах. Лондонская школа экономики – не только престижное, но и одно из наиболее дорогих для зарубежных студентов высшее учебное заведение Великобритании (19–26 тыс. евро в год). Здесь учились старший сын нардепа от БЮТ Богдана Губского Владимир, дочь Виктора Пинчука Мария, сыновья Андрея Клюева, Петра Порошенко и Александра Роднянского. То, что учились, а не «типа учились», «договаривались», как, увы, нередко бывает у нас, – это факт.

*Кембридж, США.
У памятника Джону Гарварду
на территории
Гарвардского университета, 1997 г.*

Не знаю, все ли они были отличниками и хорошистами. Но мой многолетний опыт работы с учениками и студентами наших школ и вузов дает мне основания утверждать, что во многих классах и академических группах есть такие умнички, которые в оксфордах-кембриджах несомненно были бы в верхних рядах рейтингов успеваемости. Но денег у них, порой, нет и на учебу в каком-нибудь Жабокряковском национальном университете. Будь наша держава более социально справедливой и дальновидной, то сколько «быстрых разумом ньютонов» можно было бы отобрать и направить на учебу на основе государственных грантов и продуманных юридических условий возвраще-

ния и закрепления выпускников лучших вузов мира в ключевых сферах и секторах жизни украинского общества! «Мечты, мечты, где ваша сладость?»

В Кембридж я въезжал с особым интересом. Дело в том, что 15 лет назад я в Кембридже уже был. В другом, но столь же, а, может, и более знаменитом по части последних достижений в области науки и образования.

Американский студенческий город Кембридж, отделенный от

Бостона рекой Чарльз-ривер (Charles River) может похвастаться и Гарвардским университетом (второе место в мировом рейтинге,) и Массачусетским технологическим институтом (седьмое место в мировом рейтинге), и рядом других вузов, не попадающих в топовую сотню лучших в мире, но считающихся достаточно престижными в США. Среди выпускников, преподавателей и сотрудников Кембриджского университета (Великобритания) 87 Нобелевских лауреатов, а Гарвардский университет и Массачусетский

*На фоне одного из колледжей
Кембриджского университета,
Англия, 2012 г.*

технологический институт дали миру соответственно 75 и 77 лауреатов этой премии. Правда, закладывали основы элитного образования в Штатах, прежде всего те же британцы, как, например, англичанин Джон Гарвард. Его часто называют основателем Гарвардского университета, хотя он всего лишь главный спонсор этого проекта: пожертвовал для него деньги и большую собственную библиотеку. Кстати, Джон Гарвард – выпускник Кембриджского университета (Emmanuel College). Это и стало причиной переименования американского городка Ньютаун (Newtowne) в Кембридж.

За 5 дней до приезда в Кембридж, в шекспировском Стратфорде-на-Эйвоне мы фотографировались у дома, где родилась мать Джона Гарварда, имевшая по линии отца родство с великим драматургом (как говорят англичане, “It’s a small world, т.е. мир тесен”). Не знаю, как насчет современной науки и образования, но в плане историко-архитектурных достоинств и традиций просвещения английский Кембридж одним мизинцем положит на лопатки своего жалкого американского тезку. И местные студенты это знают, подрабатывая катанием туристов на больших, управляемых шестами лодках по реке Кем, с которой город предстает во всей своей древней красе.

Стоящий на Темзе Оксфорд («бычий брод») по древности и красе не уступает Кембриджу. Его университет возник первым в Британии (1117). От него же бунтарски отпочковался Кембриджский университет (1231), который стал больше специализироваться на точных, прикладных науках, в то время как изначально гуманитарный Оксфордский – остался, в основном, верен своим вековым традициям. Самое главное в этих традициях – не то, какие – гуманитарные или технические – науки преподаются-изучаются в этих двух университетах, а как. Это заслуживает отдельного рассказа. Строго говоря, в этих английских вузах ничего нового не придумано – просто реанимирована древнегреческая система обучения, когда книг не было, а знания изуточно и персонально передавались от Учителя к ученику. И сегодняшние выпускники бакалавриата, магистратуры или докторантуры Оксфордского и Кембриджского университетов – это, без преувеличения, штучный товар. Часто профессор берет себе одного, иногда двух первокурсников и ведет их до самого выпуска. Они называют это Supervision/Tutorial System, т.е. системой прикрепления к консультантам-репетиторам. Профессор на весь период учебы своего подшефного становится для него заботливым опекуном. Даже, лучше сказать, воспитателем, потому что, помимо знаний, он, прежде всего, выковывает бойца для успешной жизненной борьбы, дает ему орудия добывания и применения полученных знаний для достижения насущных и будущих целей. Раз в неделю в лаборатории или, что нередко, у себя дома профессор встречается со своим подопечным для обсуждения ранее заданного

урока. Студент рассказывает, что и как он понял. Профессор старается добиться от студента/докторанта не воспроизведения сути прочитанного, а личного суждения по поводу усвоенного учебного материала, спровоцировать на спор, пикировку. Получается что-то вро-

*Во дворике одного из колледжей
Оксфордского университета*

де игры в теннис, бокс, фехтование. Поначалу это, конечно, игра в одни ворота. Но с каждой последующей встречей подмастерье избавляется от робости, переходит в контратаки, норовя нанести удары разящей силы, а то и повергнуть Мастера в отчаянной схватке за идеалы Истины. Такая метода подготовки специалистов дорожного стоит. И не только в переносном, но и в прямом смысле слова. Но золотые (снова – в обоих смыслах слова) выпускники этих вузов создают и поддерживают славу Оксфордского и Кембриджского университетов много столетий подряд. Другие, новые университеты (причем не только в Великобритании) не могут себе позволить такой дорогой ручной работы. Разве что Гарвардский университет, хотя американцы в этом деле стали отчасти халтурить: профессорское время очень дорого, много его уходит на написание монографий, учебников, проведение различных исследований, поэтому к Supervision/Tutorial System подключают старшекурсников и докторантов, что приводит к определенной девальвации и даже профанации данной системы обучения.

Наша, украинская система образования в плане профанации запросто заткнет за пояс любую заокеанскую или Болонскую. Наша бедность, конечно, не порок. Порочно то, что при нашей бедности у нас еще и порочная приоритетность в бюджетном финансировании сфер и отраслей нашего беспокойного хозяйства. Может, это оттого, что наша элита (даже не знаю, закавычивать ли это слово) отдает приоритет иностранным вузам. Похоже, все дети наших «бугров» скоро укатят на учебу «за бугор», потому что наши институты и факультеты международных (междугородных?) отношений и экономик уже «не катят». Какую-нибудь Феофанию они для себя устроить еще могут (хотя, лечиться и рожать уже тоже предпочитают в лучших зарубежных клиниках), а вот какой-нибудь образовательный междусобойчик для мажоров – вряд ли. На диплом такого учебного заведения за границей будут смотреть «как в афишу коза». А ведь уютные гнездышка для сановных сыновей и дочек полным ходом выются как раз там, где признаются и ценятся дипломы чужих вузов (не иначе как мстят нам за то, что в Украине без тягостной нострификации не признаются дипломы Гарварда, Оксфорда, Кембриджа и прочих высших учебных заведений зарубежья). Невооруженным глазом всем нам видать, что наши верховные поводыри не очень-то верят в будущее собственной страны. Это не может не деморализовать всех ведомых ими, многие из которых начинают паковать свой нехитрый скарб, чтобы тоже вовремя сбежать с корабля (на бал, но, увы, чужой).

В последнее время у нас все чаще ведутся дискуссии о том, что пора уже четко сформулировать «Украинскую идею». В свете вышеизложенного, мне кажется, что такой идеей, по крайней мере в ближайшей перспективе, должна стать выработка во всех слоях общества веры в собственную страну, в ее уверенное суверенное будущее и достойное место в сообществе всех прочих мировых держав.

Человек человеку – кто?

У нас (в СССР и других близких ему по духу странах) – друг. У них, буржуев, – волк. Так нас тогда учили. И безуспешно. Про англичан, например, нам вещали, что они снобы с фантомной психологией изгнанных отовсюду жестоких колонизаторов и непрошенных миссионеров. Конечно, позже мы поняли, что во многом «все это было давно и неправда». Но, признаться, все же ожидали увидеть в Британии людей довольно закрытых, холодных, где-то даже надменных и чопорных, по крайней мере, по отношению к чужестранцам. Для крушения этого мифа нам всем хватило тех 10-ти дней, которые потрясли мир наших заблуждений и предубеждений. Все (без единого исключения!) британцы, с которыми нам довелось столкнуться (нет, глагол какой-то конфронтационный), лучше сказать – пообщаться, оказались настоящими душками: улыбчивыми, приветливыми, отзывчивыми, готовыми помочь, порой явно в ущерб своим планам и личному времени. Идущий навстречу джентльмен в «прикиде», как минимум, члена правительства не только охотно ответит, как добратся до интересующего вас туристического объекта, но и с решительной готовностью кардинально изменит свой маршрут, чтобы, порой, целый квартал эскортировать заблудшую овечку до нужного поворота/перекрестка с последующими подробными директивами, куда и где повернуть, на что ориентироваться по пути следования, где спуститься в метро, на какой сесть автобус, на какой остановке выйти... Попутно он может поинтересоваться, откуда вы приехали, пожелать на прощание хорошего дня, незабываемых впечатлений и счастливой дороги на родину. Это не абстрактный собирательный образ, а конкретный пример, подобных которому (в разных вариациях) было множество. И не только у меня с женой, но практически у всех членов нашей туристической делегации. О радушии и дружелюбии островитян было много эмоциональных рассказов, когда мы делились впечатлениями и в поездках по Британии, и после, по дороге домой, до

самого Киева. Перед десантированием на скалистый Дуврский берег, Таня (гид), готовя нас к встрече со среднестатистическим британцем, заметила в очень лапидарной, афористичной форме: «Вы наступите ему на ногу, а он перед вами извинится...» Так оно и было. Мы потом часто размышляли об этом... уже на «рідних теренах» в формате «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Там, «за бугром», эта формула, как правило, срабатывает, а у нас, мягко говоря, не очень. Мне могут возразить: «А что ты скажешь, например, про не такие уж давние английские (французские и прочие) бесчинства хулиганствующей молодежи?» Куда девались «цирлих-манирлих», когда мародеры крушили магазинные витрины, грабили прохожих и поджигали движимое и недвижимое имущество невинных людей? Да, подгнило что-то в датском, английском и прочих королевствах и республиках. Разборы полетов (налетов) показали, что бузили (и, боюсь, еще будут бузить), в основном, те, которые, как говорили когда-то в Москве и подбирающимся к ней по инфраструктуре и снабжению Ленинграде, Киеве, Минске, – «понаехали». Ничего личного: в 1980-х я и мои домочадцы тоже были в числе «понаехавших» в украинскую столицу. Я вовсе не против естественных для всего мира миграционных процессов. В сегодняшнем мире интеграции и глобализации они несут с собой много положительных моментов, в том числе для жителей стран, куда больше наезжают, чем выезжают. Но, увы, заторов в данном процессе при этом возникает столько, что если их взаимовыгодно для аборигенов и «понаехавших» не разрулить, то мультикультурность выльется в такую мультипроблемность, что мало не покажется ни «своим», ни «чужим». Американская модель «плавильного котла» пока что срабатывает чуточку эффективней. По крайней мере, положительная динамика последних десятилетий дает основания для некоторого оптимизма. А вот у европейцев, на мой взгляд, дела в этой тонкой гуманитарной сфере пока обстоят, как говорил Остап Бендер, «гораздо хуже». Он, правда, сравнивал не с США, а с Бразилией, точнее – с Рио-де-Жанейро. А вот сегодняшний Лондон в определенном смысле можно было бы сравнить с булгаковской Москвой. По наблюдению Михаила Афанасьевича, «москвичей испортил квартирный вопрос». В британской столице (как и в некоторых других городах Соединенного королевства) в общественном сознании тоже завелась порча: не утихают споры по поводу так называемых «council flats», т.е. муниципальных квартир, которые в первоочередном порядке выделяются некоторым катего-

риям сырых и убогих, например, малолетним матерям. А это почти поголовно девочки из семей «понаехавших» (преимущественно из ранее поработанных Британией стран, которым искупающие вину колонизаторы предоставили массу иммиграционных преференций). Забеременеть до совершеннолетия – отнюдь не новейший тренд и мечта этого контингента британской молодежи. Их мамы в свое время пошли этим же путем, торя своим примером аналогичную жизненную стезю для дочек. Сыновья в подобных семьях тоже зачастую особо не заморачиваются насчет амбиционных планов на будущее. В среде таких иммигрантов уже в нескольких поколениях давно «просекли» немудреную жизненную философию социального иждивенчества. Она заключается в следующем: не напрягаться (читай – не учиться) в школе, не спешить с началом трудовой жизни. Гораздо легче и спокойней обвинять работодателей (в дискриминации, сегрегации), а не себя, безответственного неконкурентоспособного неука. Короче, формируется стереотипная жизненная установка: жить-поживать да добро проживать (не свое, а вкалывающих налогоплательщиков). Дочь моего одноклассника, работающая завучем в лондонской школе (тоже «понаехавшая»), этим летом с горечью рассказывала нам об «учебе» деток из таких семей, о невозможности серьезного, результативного воздействия на них и их родителей, живущих не намного хуже нее, тяжело пашущей и платящей высокие налоги. Но «жаба» порой начинает давить и неамбициозных, однажды махнувших на себя рукой. И тогда они, практически дети, дают волю своим рукам и ногам, короче, бузят, порой, не по-детски. Получается почти замкнутый (точнее, порочный) круг. А задумка-то была благая. Одно название чего стоит – “Welfare State” (государство всеобщего благоденствия)! Это, конечно, не коммунизм, но на социализм тянет вполне. Правда, не в марксистском, а в западноевропейском значении этого понятия. По Марксу, водораздел проходит по такому критерию, как форма собственности на средства производства. Поэтому у него социализм инкорпорирован в коммунизм как первая стадия, где собственность та же – общественная/государственная. Западные же обществоведы наш СССР (и его сателлитов) называли странами коммунистическими (и сегодня к ним относят КНДР и Кубу), где почти все обобществлено и национализировано. А социалистическими они считали, и сегодня продолжают считать, большинство развитых стран с превалирующей частной собственностью на средства производства, но с существенным перераспреде-

лением (через госбюджет) доходов (проще – с высокими налогами) для финансирования многочисленных социальных программ. Там, где налоги низки, а общественные фонды малы, где не государство, а сами получатели доходов решают, на что тратить заработанные денежки – это капитализм. Правда, назвать сегодня какую-то страну капиталистической будет большой натяжкой, ну разве что – Сингапур или Гонконг (до объединения с КНР). США (до «нового курса Рузвельта») тоже можно было величать страной капиталистической. Но сегодня она смело может претендовать на звание страны социалистической в силу наличия разных форм социального страхования, вспомоществования, продовольственных талонов и субсидий для бедных, гарантированных минимальных ставок почасовой заработной платы и т.д. и т.п. Они, Штаты, никогда, правда, не покушались на такой статус. Напротив, когда демократ Барак Обама начал свои социальные реформы, многие возопили: «Не надо нам европейского социализма!» Европейцы были и остаются меньшими индивидуалистами. Раньше других (еще в 1932 году) и круче в сторону социализма повернули шведы. Поэтому в нашем сознании укоренилось понятие «шведский социализм» (аналогично уже упомянутому клише «шведский стол»). В 1991 году, устав от «скрытой экспроприации», при которой те, кто побогаче должны платить за бедных, от «удушения экономики посредством конфискационного налогообложения», шведы в своем большинстве проголосовали за блок буржуазных партий, приведших к власти Карла Бильдта, решив таким образом от социализма отказаться, но к 1994 году поостыли, одумались – и Карлссон вернулся... Нет, не на крышу, а в премьерское кресло. Имеется в виду Ингвар Карлссон, главاپобедившейнаочередныхвыборахсоциал-демократической партии, вернувшей Швецию в лоно прежнего социализма. Кстати, сегодня по совокупности социально-экономических показателей самой социалистической страной в Европе считается монархическая Дания. Но и Великобритания в этом отношении задних не пасет, хотя у кормила власти лейбористов (в переводе на русский – трудовиков) сменила правая коалиция консерваторов и либерал-демократов.

Социалистические идеи на Британских островах имеют давние, глубокие корни. Особенно популярными они стали сразу после Второй мировой войны. В 1945 году Черчилля на посту Премьера сменил лейборист Клемент Эттли. Под его руководством был проведён ряд социальных реформ, создан Наци-

ональный фонд здравоохранения, национализированы многие частные компании. Писатель Джордж Оруэлл (настоящая фамилия – Блэр...) тоже голосовал за трудовиков, но когда он заметил, что Эттли заложил слишком крутой вираж в сторону социализма марксистского толка, сразу же резко и саркастично отреагировал. В повести-притче «Скотный двор» (1945) и в романе-антиутопии «1984», вышедшем 4 года спустя и ставшим идейным продолжением «Скотного двора», писатель, ссылаясь на реалии советского социализма, предостерег жителей Британии об этом. Он в метафорично-сатирической форме предупреждал, что благие намерения могут привести к тоталитарно-иерархическому строю, основанному на изощрённом физическом и духовном порабощении, пронизанному всеобщим страхом и ненавистью, доношительством, с постоянными дефицитами потребительских благ, их низким качеством. Кстати, в этих всемирно известных, разобранных на цитаты произведениях в качестве главных, а также упоминаемых персонажей фигурирует сладкая парочка с Кировоградщины – Лев Троцкий и Григорий Зиновьев. Вместо этих известных советских псевдонимов наших земляков писатель предложил свои, имеющие большее сходство с настоящими фамилиями (особенно в «1984»). Конечно, к условному времени «Ч» – 1984-му году – Великобритания не пришла к марксистскому социализму. Многовековые традиции демократии и здравый смысл возобладали. Хотя до 1979 года, т.е. до прихода к власти Маргарет Тэтчер, эту страну в западной научной литературе (в т.ч. британской) называли чаще социалистической (сам читал в библиотечных спецхранах, когда работал над диссертацией), чем капиталистической. И только после праворадикальных реформ «железной леди» (массовой реприватизации ранее национализированных компаний и отраслей, ограничений широчайших прав профсоюзов и т.д.) понятия «социализм» и «Великобритания» прекращают сочетать, даже при последующем тринадцатилетнем правлении лейбористов (1997 – 2010). Просто ни Тони Блэр, ни сменивший его на Даунинг стрит, 10 однопартиец Гордон Браун не могли уже позволить себе более-менее ощутимого социалистического реверса после общепризнанного во всем мире прорыва Великобритании на базе экономической политики тэтчеризма. В мае нынешнего года пошел третий год новейшего прихода во власть консерваторов (на этот раз в коалиции с еще одной правой партией – либерал демократической). В их предвыборных программах содержались мантры о том, что чрезмерная социа-

лизация создает систему, способствующую «скрытой экспроприации», при которой имущие вынуждены платить за неимущих, и является тупиковой. Говорилось и о том, что «конфискационное налогообложение» душит экономику и уже привело к прекращению экономического роста, а «государство всеобщего благоденствия» приводит лишь к массовому иждивенчеству и апатии населения, большая часть которого живёт преимущественно на государственные дотации и не имеет никакого стимула к деятельности. Конечно, обещания надо выполнять, если рассчитываешь «сыграть вдлинную». Но не принимать в расчет «подсевшего на социальную иглу» электората правые тоже не могут себе позволить. Вот и приходится лавировать, играть на поле левых, искать приемлемые компромиссы. В демократических странах политики, особенно перед выборами, просто обречены быть «великими комбинаторами», стоящими перед постоянным выбором. Ну как тут не вспомнить гоголевскую Агафью Тихоновну из «Женитьбы»: «Право, такое затруднение – выбор!.. Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...»

Увы, ни в делах матримониальных, ни в политических подобное конструирование кого-то или чего-то идеального – невозможно. В Любеке мы все фотографировались у старинного здания клуба гильдии моряков – уж очень понравился нам его девиз: «Всем не угодишь». Однако, политики, все-таки, должны пытаться угождать! Кому? Большинству. А меньшинство вынуждено подчиниться. Увы, большинство не всегда бывает правым, и история богата такими прецедентами. Но, в целом, большинство, все-таки торит верный, прогрессивный цивилизационный путь. Ну как, например, отказаться от социального страхования? Ведь здоровяк, трудоголик, умница, короче, тот, кто с сошкой (а не только с ложкой) может вдруг попасть в очень сложное, порой безвыходное, положение (стать инвалидом, жертвой природного катаклизма и т.п.). Так что ж ему – погибать, как птичке, сломавшей крыло и подхваченной пробегающим хищником? А что делать состарившейся немощной женщине? Садиться в кораб за спину старшему сыну, который отнесет мать на вершину горы умирать от голода и жажды (читатели постарше наверняка видели фильм «Легенда о Нараяме»)? Легенда о Нараяме не имеет никакого отношения к японской истории. Она существует вне обычных времени и пространства, она живёт только в изме-

рении духовных ценностей людей. Да, во все исторические эпохи человеческая мораль была залогом выживания, а порой и весьма сносного существования сирых, убогих, стариков. В Любеке, например, нам показали Больницу Святого Духа (нем. Heiligen-Geist-Hospital). Она была построена в 1280 году на пожертвования любекских купцов и рассчитана на размещение 170 пожилых и бедных людей. Любек был первым туристическим объектом нашего маршрута. Практически во всех последующих городах и странах нам показывали аналогичные заведения – плоды гуманности и благотворительности в средние и более близкие к нам века. Человеческая духовность не давала превратить человеческое общество в джунгли, где сильнейшие пожирают слабых, или, что не намного лучше, оставляют их на произвол судьбы.

Но, с другой стороны, если в человеческом обществе возобладает психология иждивенчества и поиска путей «въезда в рай на чужом горбу», то оно непременно скатится назад, к пещерам, к скотскому состоянию. Очень скоро в таком обществе исчезнут не только богатые (они же – преимущественно доноры всей благотворительной деятельности), но и трудолюбивые, ответственные и, главное, духовные люди! Механизм такого возврата описан в многочисленных научных работах и литературных произведениях. Чистый капитализм (при предположении о его возможности в натуре) – это социальный дарвинизм, в недрах которого обязательно будут вызревать и прорываться наружу авторитаризм, диктатура, острые социальные конфликты, вплоть до гражданских войн. Надо искать золотую середину. Условно – между капитализмом и социализмом. Это не должна быть медиана. В разных странах с разной историей, традициями, разной степенью развития гражданского общества эта линия не может быть прямой биссектрисой. Она всегда будет извилистой, иногда даже зигзагообразной, как в вышеприведенном примере со Швецией. В современном обществоведении такая межсистемная социальная конструкция называется смешанным обществом с преимущественно рыночной экономикой. После столь обильного (но, увы, не изобильного) и регионально репрезентативного опыта социального экспериментирования на живых людях продолжать мечтать об идеальном обществе не только безответственно, глупо, но и преступно. «Утопия», «Город Солнца», «Капитал»... Сколько рек крови вытекло из этих и подобных им литературных и теоретических источников! И речь не столько о такой общественно-экономической формации, как коммунизм.

Бог с ним (по Марксу – не с ним), тем более, что многие его симпатии существенно протрезвели и охладели, за исключением определенного ядерного (где-то даже – термоядерного) электро-рата. Сегодня гораздо актуальнее не скатиться к социальной маниловщине в духе Агафьи Тихоновны: «Если бы среднемесячную швейцарскую зарплату в 6407 долларов да приставить к мексиканским налогам (согласно последним данным ОЭСР, Мексика – страна с самым низким налогообложением в 21.1%) да взять нидерландскую пенсию (\$ 2700), прибавить к этому еще датскую или шведскую систему предоставления различных общественных благ (бесплатное медицинское обслуживание, образование и т.п.), плюс ежегодный немецкий 35-дневный отпуск, ну и для полного счастья – все наши праздничные дни, работу спустя рукава, расслабуху и безответственность на работе и в быту...» Мало-мальски разумный человек поймет, что такой вкусный винегрет – не что иное как оксюморон, по-простому – жареный лед. И те политики, которые его (лед) впаривают, – откровенные циники и подлецы. В демократических странах такие в политикуме не выживают. Но это не значит, что оставшиеся честные политики во всем разобрались и «окончательно решили вопрос» оптимального социально-экономического устройства в своих продвинутых державах. Во-первых, потому, что на путях поисков перспективных и жизнестойких компромиссов между капитализмом и социализмом столько скользких подводных камней, ловушек и неожиданных подвохов, что незастрахованный черт ногу сломит. Сделай, например, большие дотации на хлеб – и народ начнет кормить булками свиней и прочую скотину (многие помнят этот абсурд, длившийся в СССР десятилетиями). Или: недостаточно профессионально подготовь программу крупных прогрессивных выплат за рождение и усыновление детей – и некоторые асоциальные и безответственные родители сразу же сделают на этом бизнес, «разводя» детей как поросят и относясь к своему потомству соответственно – по-скотски (хотя материнский инстинкт многих животных можно было бы поставить таким детопроизводителям в пример). Во-вторых, степень честности и компетентности западных политиков мне неизвестна. Зато я точно знаю, что выстроенная и поддерживаемая там в рабочем состоянии система разделения властей, сдержек и противовесов является гарантией поиска оптимальных путей разрешения этого сложнейшего вопроса в режиме нон-стоп. Какие у меня основания для такого вывода? Кроме прочитанной литературы, те же самые полевые

*В стенах Верховного Суда
Соединенного королевства*

исследования, о которых я уже упоминал. Так, кроме парламентских дебатов, мы с женой решили поприсутствовать на заседаниях Верховного Суда Соединенного королевства! Если это каждому позволено, то почему бы мне, доценту кафедры экономической теории и права, не воспользоваться такой возможностью, хоть я и не правовик. После аналогичной с доступом в парламент процедуры проверки содержимого наших сумок и карманов, мы были пропущены в святая свя-

тых британского правосудия, где рассматриваются дела высшей государственной или конституционной важности, влияющих на все население. На первом этаже мы прочли, какие дела слушаются в этот день в каждой из его палат. Мы направились в ту, где шло слушание дела по иску какого-то пенсионера, работавшего на неполную ставку (part-timer), которому, согласно его апелляции, неправильно определили размер пенсии. Никакой тебе не «чернобылец», не «афганец», не представитель иной большой и влиятельной лоббистской группы, а какой-то заурядный почасовик. Но Верховный Суд счел это дело (case) общественно значимым. Обеспечил доступность, прозрачность и прочие процессуальные условия для объективности вынесенного вердикта. Мы могли ошибаться в таком предположении, но атмосфера, царившая в суде, навевала надежду на поиск соломонова решения вопроса. Когда мы подошли к дверям комнаты заседаний, то дежуривший там клерк извиняющимся голосом сообщил нам, что все места в зале заняты. Мы, еще более извиняющимся голосом, попросили его впустить нас на минутку, чтобы хотя бы одним глаз-

ком взглянуть, что и как там происходит. И он смилостивился. Мы вошли и стали за спинами сидящих (как те несчастные депутаты нижней палаты парламента во главе с премьер-министром – за спинами сидящих лордов). Дежурный сказал правду – ни одного свободного места в зале не было. Мы осмотрелись, чуточку послушали какого-то выступающего джентльмена и вышли. Конечно, за этот коротенький срок мы не «врубились» в существо рассматриваемой апелляции. Не думаю, что мы, не будучи специалистами, разобрались бы в сути дела и квалифицировано оценили достоинства и недостатки процесса, если бы даже прослушали его от начала до конца. Но, повторяю, аура этого старинного помпезного здания и работающей в нем высочайшей судебной институции подсказывала, что скорее Темза и Гольфстрим потекут вспять, чем здесь может состояться не суд, а судилище.

Впрочем, вовсе не обязательно посещать главные учреждения страны, репрезентирующие законодательную и судебную ветви власти (в резиденцию главы исполнительной власти Великобритании не пускают), чтобы понять, хороша или плоха ее социально-экономическая система. Более-менее верные умозаключения об этом можно сделать по множеству самых разнообразных наблюдений, общений, ощущений, «прямых и косвенных улик». Когда 28-го июня наш туроператор устроил нам за счет фирмы пикник на берегу наибольшего по площади шотландского озера Лох-Ломонд, все тосты за украинскую Конституцию отдавали не только запахом двух лучших сортов местного виски, но и горечью нелестных для рідної неньки сравнений с этой далекой страной, в которой формально и конституции-то собственной нет. «Откуда у хлопца британская грусть?», сказал бы Михаил Светлов. Ну почему наши

Шотландское озеро Лох-Ломонд

«подорожні» после двух-трех рюмочек и нескольких дней очень поверхностного ознакомления с чужой страной так сразу зауважали ее, провозглашая тосты в духе одесского пожелания «Шоб я так жил!»? Думаю, причина этого кроется не только в

том, что шотландский виски чуть покрепче нашей казенки. Наш самогон, пахнущий примерно так же, как самый богемный нынче заморский алкогольный напиток, бывает и покрепче, но он, почему-то, не провоцирует наших сограждан пить за чужие «Дарданеллы». Вряд ли нас так потрясла архитектура старинных величественных крепостей, замков и дворцов, богатство хранящихся в них драгоценностей, так заворожила магия английской, валлийской и шотландской природы, что мы предательски стали завидовать британцам и желать себе их участи. Ну просто какая-то малопонятная ментальная химия, которую в точных и исчерпывающих терминах трудно сформулировать. Хотя все уже давно сформулировано, и называется это определенной системой общественных отношений. Кстати, чаще всего это бородатое словосочетание встречается в трудах бородатого Маркса, большинство из которых написано в библиотеке Британского музея (поэтому заданный ночью вопрос «Как пройти к Британскому музею?» мало чем отличается от вопроса «Как пройти в библиотеку?»: такой себе идиотизм в разумных пределах). Нам показалось, что у британцев пока лучше, чем у нас, получается сделать главным содержанием этих отношений нехитрую, пусть и тавтологическую, формулу «Человек человеку – человек».

Ты помнишь, Тойота, дороги Смоленщины

Прошу прощения у серьезных читателей за мой стебный парфраз известной стихотворной строки Константина Симонова о российских дорогах 1941 года. Не знаю, по каким дорогам ездят нынешние смоленские Алеши, но те, по которым мы проехали на автобусе 4800 километров от польского Жепина до шотландского Эдинбурга и обратно, могут вполне сподвигнуть на хвалебную оду.

В начале пути гид обратила наше внимание на то, что немецкие автобаны считаются одними из лучших (то ли в Европе, то ли мире – прослушал). Нам было сказано: немцы кладут 7 слоев различного покрытия, что и обеспечивает высочайшее качество автомагистралей. И в некоторых местах, где дорогу расширяли, мы могли видеть ее в разрезе. Действительно, толстый слоенный пирог дорожного полотна, казалось, выдержит если не атомную, то обычную бомбардировку точно, причем без последующего ямочного ремонта (интересно, у них такой есть?). Но, честно признаться, и польские, и бельгийские, и французские, и британские дороги нам показались такими же чудесными, как и германские. Особенно поразила способность этих дорог избавляться от избы-

точной воды во время обильных дождей. И выдержанный по технологии в меру выпуклый профиль полотна, и мощные дренажные системы по обочинам обеспечивали стабильное скоростное движение во время мощных, практически тропических ливней. Может, потому и лезли в голову постоянным рефреном эти знаменитые симоновские строки, написанные в самом начале войны:

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди...

Да, на дожди нам «повезло» особенно. В первых числах июля по Би-би-си и по всем прочим теле- и радиоканалам сообщалось, что истекший июнь в Великобритании – самый дождливый с 1910 года. А в начале третьей декады июля британские метеорологи поспешили заявить, что уже все лето 2012 года, похоже, будет самым дождливым за последние 150 лет. Но это метеорологическое излишество, если верить соответствующим историческим хроникам, вряд ли сравнится с ужасным 1348 годом, когда вместе с «черной смертью» (чумой) в Британию пришли дожди, которые, практически без перерывов, лили с июня по декабрь. Мы же, привыкшие к сухому климату степняки, очумели и от нынешних частых дождей. Они нам тоже казались злыми. А на привычный

Пункт проката велосипедов в Лондоне

английский “drizzle” (аналог украинской мигички/мжички) мы открытием зонтов уже и не реагировали. Брали пример с британцев. Они нам вообще показались очень закаленными. На улице всего лишь каких-то плюс 18-20, моросит, а многие взрослые и дети – в одних шортах и рубашках, зачастую – на велосипедах.

Кстати, от велосипедов можно плавно возвратиться к дорогам. Нет, сначала – только к дорожкам. Во всех посещенных странах, особенно в Германии и Великобритании, для велосипедистов настоящее раздолье: вдоль городских тротуаров и в парках проложена разветвленная сеть велосипедных дорожек. Нам было непривычно не заходить на законную территорию двухколесных, даже если в данный момент велосипедистов и близко не было на горизонте. Но местные пешеходы, по нашим наблюдениям, свято чтут их права. Потому что часто это права и их самих. На велосипедах у них периодически все от мала до велика. У кого нет собственного двухколесного друга (прежде всего – у иностранцев и туристов), берут велосипеды напрокат. Пунктов проката велосипедов мы видели достаточно много.

Теперь от велосипедных дорожек уже совсем легко «переехать» к дорогам. Например, британским. На что, прежде всего, обращает внимание наш турист? Правильно – на левостороннее движение. Нам показалось, привыкнуть к этому феномену невозможно. Предупредительные британцы учли этот психологический стереотип правосторонних иностранцев: чуть ли не на каждом переходе они сделали на асфальте надписи (в зависимости от того, какую половину дороги вы переходите) – сначала: «Посмотри направо», потом: «Посмотри налево», а для «тормозов» еще и соответствующие стрелочки нарисовали – куда смотреть. Мы, признаемся, «тормозили» каждый раз, когда переходили британские дороги. Вот наши польские водители на шведском «Вольво» с левым рулем гоняли по этим дорогам, как по родным (жаль, не поинтересовался, как они их переходили). Нет, ну это прямо какая-то шизофрения. В метро на эскалаторах и в подземных переходах призывают держаться правой стороны, а по дорогам (и велосипедным дорожкам) ездят по левой. Пробудь мы там подольше, то, может, и привыкли бы. «Ко всему привыкает человек, так и Герасим привык к городской жизни». Эту цитату из Ильфа и Петрова я часто вспоминал на перекрестках. Самоирония помогала только в восстановлении настроения, но не в безопасном пересечении городских улиц. Кстати, «кликнул» на помощь Википедию – и удивился. Оказывается, на данный момент

по левой стороне ездят 34% населения Земли. «Однако!», как сказал бы удаленный от каких-либо дорог чукча. Мы же, украинские пенсионеры, успокаивали себя мудрой английской поговоркой: «To teach old dog new tricks» (Учить старую собаку новым трюкам)... Да и зачем переучиваться – совсем скоро возвратимся на континент. Но однажды, в горах Шотландии, мы подумали: «Не возвратимся!», по крайней мере живыми. Получилось так, что во время полевых исследований «края лохов» («лох» по шотландски – озеро) хлынул затяжной ливень. Сначала нам было интересно наблюдать и фотографировать из окна автобуса внезапно появившиеся многочисленные водопады, низвергающиеся с живописных гор национального парка. Гид сказала, что за все время ее многочисленных поездок она видит такое впервые, что нам, дескать, повезло быть очевидцами такого редкого природного явления. Потом эти бурные потоки начали переливаться через нашу дорогу, затопив нижележащую территорию до состояния приличного наводнения. Вдруг наше продвижение по горной дороге резко застопорилось. Вскоре прекратилось и встречное движение. Через некоторое время оно возобновилось, но это, как выяснилось, были легковушки и прочий малогабаритный транспорт, которому удалось развернуться на узком серпантине двухполосной горной дороги с двухсторонним движением. От этих «возвращенцев» мы узнали, что один из наиболее бурных водопадов вынес на мост валуны, которые основательно перегородили дорогу. Наш 46-тиместный «Вольво» тоже попробовал развернуться для длительного объездного маневра, да куда там! Настоящая ловушка. Мы порядком приуныли в этой патовой ситуации. Правда, дождь вскоре приутих – и мысли о том, что нас может достать наводнение, начали уходить вместе с водой. Немного угнетала неопределенность: наш туристический график рушился и, главное, дело шло к вечеру, перспективы, в т.ч. погодные, были непредсказуемыми. Но не прошло и часа, как к месту затора примчалась спецтехника то ли дорожной службы, то ли аналога нашего МЧС (нам не доложили, кто) и оперативно расчистила завал.

Ну вот, повествуя о заморских дорогах, попутно рассказал и о поддержании их в рабочем состоянии при возникновении форс-мажорных обстоятельств. Виноват, даю поправку: не «форс-мажорных обстоятельств», а «экстремальных ситуаций». Не знаю, как у них, но у нас, где надо и не надо, в различные договора и прочие юридические документы фирмачи «забивают»

этот магический пункт, чтобы, вдруг что, не было претензий со стороны клиентов. Ведь в переводе с французского, форс-мажор – это «непреодолимая сила». А в описанном случае сила природной стихии была преодолена. Причем, очень быстро. Еще раз большое спасибо вам, скоты! Спокойно: ударение на первом слоге, ведь в английском произношении «скот» (scot) означает шотландец. Так и подмывает (после воспоминаний о наводнении) процитировать великого шотландца Роберта Бернса:

My heart's in the Highlands, my heart is not here...
(В Шотландии сердце, со мной его нет...)

Ну, это, конечно, всего лишь гипербола. Вообще-то, наши сердца были в Украине. В этом мы все еще раз убедились, когда на обратном пути, где-то в районе Дортмунда, наш автобус догнал две фуры, на задниках которых была надпись «Калуш». Украинские флажки на ветровых стеклах не оставляли никаких сомнений, что по смежной полосе в дорожной пробке вместе с нами дергаются, то опережая нас, то отставая, наши земляки. В автобусе случился массовый приступ патриотизма: все кричали и махали руками, отыскивали, что бы такое продемонстрировать дальнобойщи-

кам из окон автобуса в качестве доказательств нашего украинского гражданства, ведь номера на автобусе были польские. Из сумок, захваченных в салон, были извлечены два дождевика синего и желтого цветов. Из них составили национальный флаг и принялись экспансивно сигналить им через окна автобуса. Нам хватило всего полмесяца странствий по заграницам, чтобы мы превратились в квасных ура-патриотов. Водилы, однако, и ухом не вели, хотя было очевидно, что боковым зрением они всю автобусную кутерьму видели. Но это нас не смущало, мы продолжали выражать свои эмоции, так как, конечно же, делали это больше для себя, чем для других. Я подметил, что чем дальше человек удаляется от родных мест, тем масштабнее его патриотизм.

В горах Шотландии

В нашей группе, если я не ошибаюсь, не было туристов из Калуша или других населенных пунктов Ивано-Франковской области, но было много представителей Киева, Харькова, Донецка и прочих регионов Украины. Заграница нас делает не куликами, хвалящими свое местечковое болото, а патриотами всей страны, включая родную теплую болотную трясиину. Когда человечество освоит какую-то далекую планету, переселенцы в первом поколении, уверен, будут оставаться патриотами всей Земли в целом, а не своих стран, не говоря уже о городах и весях. Когда-то в молодости я написал дилетантское (по технике исполнения, но не по сути) стихотворение под названием «Неземная любовь». Оно содержало аналогичные мысли и заканчивалось такими двумя четверостишиями: «Полечу чрез года/На планеты другие,/Испытаю тогда/По Земле ностальгию/Не рожденной в золе/И не купленной кровью/Воспылаю к Земле/Неземною любовью. Совсем другое дело, когда мы находимся внутри своей страны. Тогда патриотизм приобретает больше местечковую окраску. Помню, когда после переезда в Киев мы периодически навещали оставшихся на малой родине родителей, то по мере приближения города детства и появления на дороге всего лишь машин с кировоградскими номерами, мое сердце начинало биться учащенно. Это я к тому, что призывать меня быть патриотом Кировоградщины – дело пустое, особенно если это делают начальники, приехавшие с других малых родин. Я давно, с потрохами, патриот Кировоградщины. Так что, товарищи руководители, «тщательнее надо креативничать, тщательнее».

Конечно, проезжая дорогами той Европы, которая пока не решается пускать крупнейшую по площади страну континента в объединенную Европу (т.е. ЕС), мы, естественно, смотрели не столько на дорожное полотно, сколько по сторонам. Переехав из Польши в Германию, мы сразу заметили такую особенность ландшафта, как обилие ветрогенераторов. «А вдоль дороги – мачты с пропеллерами стоят. И тишина...» Ветряков местами столько, что душевно неуравновешенный славный рыцарь Дон-Кихот Ламанчский окончательно бы спятил от множественности опций. Его постигла другая участь: он вместе со своим верным оруженосцем Санчо Пансой симпатичной скульптурной композицией окаменел в Брюсселе – центре объединенной Европы, помешавшейся на ветряках и других альтернативных продуцентах зеленой энергетики. А в Германии у безумного, но отважного рыцаря печального образа ныне появился мощный конкурент – правительство ФРГ.

Такой себе Дон-Кихот наоборот, который борется не против, а за ветряки. Хотя, против – тоже. Главными сегодняшними злодеями и великанами объявлены немецкие атомные электростанции, известные в Германии планируется к 2020-му году. Дефицит электроэнергии, вместе с ветрогенераторами, должны восполнить (и уже приступили к выполнению этого задания) биогазовые установки и солнечные батареи. Последних в Западной Европе мы тоже видели великое множество. Они устанавливаются не только вдоль дорог, но и в городах. В центре Лондона, например, сейчас реконструируется Викторианский железнодорожный мост через Темзу. Он будет иметь сплошную «обшивку» из солнечных батарей. На станции Блэкфрайерз, находящейся в начале моста, уже установлено 4 400 таких генераторов, а весь мост по окончании реконструкции в 2012 году вместит 6000 кв.метров фотовольтажных (PV) панелей, которые ежегодно будут вырабатывать 900 000 киловатт-часов электроэнергии и обеспечивать ж/д станцию половиной необходимой ей энергии, сокращая ежегодные выбросы CO₂ на 511 тонн. В других странах Западной Европы тоже озаботились «озеленением» своей электроэнергетики, но, извините за каламбур, не так энергично, как немцы. Консервативные британцы, например, не хотят портить свои зеленые (уже без кавычек) ландшафты, вынося большую часть своих промышленных ветрогенераторов в морские прибрежные воды. А ландшафты, особенно горные, в Британии потрясающие. В конце предыдущего абзаца я процитировал только первую строку стихотворения «Мое сердце в горах», а уже во второй – Бернс поясняет, что его сердце скачет оленю вослед, равно как и горному козлу. Этих представителей островной фауны мы, честно признаться, видели маловато, зато овец – столько, что постоянно в голову лезли слова из гуцульской народной песни: «Вівці мої, вівці, Вівці та й отари...». Вспоминая о таком явлении в истории Британии, как огораживание, я раньше думал, что овец на шерсть в этой стране в большом количестве выращивали когда-то давно, при Тюдорах XV—XVI веков, что в эпоху, когда «космические корабли бороздят просторы Большого театра», овцеводство является относительно малоприметным феноменом национальной экономики. Ан, нет! Наши полевые исследования, проведенные через автобусные стекла, показали: коров и коз выпасается тоже немало, но овец!.. Не удивительно, что витрины британских магазинов изобилуют красивыми и качественными твидовыми изделиями. Немало чудесных вещей и из кашемира. А молоко в магазинах – как домашнее. Вкуснейшее, трех со-

ртов жирности. Еще бы, выпасаться на таких живописных, как на пасторальных картинах, пастбищах.

Наш тур начинался и завершался в Киеве. Туда и обратно, в Кировоград, мы самостоятельно добирались на нашем автобусе по нашим дорогам. После совершенного заграничного тура глаза по-новому воспринимали многие ранее малоприметные детали нашей действительности. Например, нескончаемые мусорные свалки, бродячие собаки и кошки (ни одной такой мы там не видели), пасущиеся вдоль запыленных, загаженных вредными выхлопами обочин дорог коровы, на которых с опаской поглядывают водители. А обилие вдоль автотрасс рекламных билбордов, с их-то площадью и парусностью! Почему бы не заменить их на ветрогенераторы? Ну что пользы от рекламы партии «Удар», если в автобусе без кондиционера в 35-градусную жару можно скорее стать членом партии «Тепловой удар», а вне автобуса – «Солнечный удар». А сколько солнечных батарей можно было бы установить на холмах, пригорках, да и на... (сейчас меня порвут – и специалисты, и патриоты) полях, где сверх потребностей внутреннего спроса и агротехнического здравого смысла годами, без смены культур выращивают истощающие почву подсолнечник и рапс! В Германии, например, мы видели целые «плантации» фотоэлектрических преобразователей. Может, солнечные цветы (подсолнухи) порой выгоднее заменить на так же поворачивающиеся к небесному светилу панели солнечных батарей? Не берусь утверждать, что вопросы риторические. Повторю: я в этом вопросе не специалист. Слышал-читал, что в Украине уже немало делается в области ветровой, солнечной и прочей зеленой энергетики. Но, подозреваю, меньше, чем в западноевропейских странах. Надо догонять. Дорогу в новый, менее опасный, но более комфортный мир осилит уже не идущий, а бегущий от глобального потепления. «Коварные мысли мелькают дорогой», как поется в знаменитой «Попутной песне» М.Глинки. Но следующая строка у Н.Кукольника, автора положенных на музыку стихов, – «И шепчешь невольно: «О Боже, как долго!» Но сегодня в контексте затронутых проблем впору заголосить: «О Боже, как быстро!»

Да, о чем только не передумаешь в дороге...

Газета «Украина-Центр», №№ 33-35, 2012 г.

И Я ТАМ БЫЛ, МЕД-ПИВО ПИЛ

Звезда комсомольского функционера

Из немногочисленных светлых полос моей жизненной зебры в молодости была одна довольно яркая, рассказ о которой, надеюсь, будет небезынтересен для читателей, несмотря на немалую временную отдаленность описываемых событий.

В конце 1970-х – начале 1980-х мне выпал счастливый лотерейный билет непосредственного и порой весьма неформального общения с целым рядом настоящих звезд советской сцены. Правда, в те времена определение «звезда» по отношению к отечественным артистам официально не употреблялось. Оно считалось не совсем советским, т.е. непролетарским, нескромным. Кроме того, «в своем отечестве» мы не привыкли при жизни признавать и чтить ни пророков, ни «незаменимых людей», особенно если они были выходцами из такой идеологически невыдержанной сферы, как эстрадное искусство.

Сегодня, однако, мы без самоиронии и самоуничужения, и как бы наверстывая упущенное, не скупимся величать чуть ли не всех своих артистов звездами, суперзвездами, мегазвездами... При этом многие критики и журналисты проявляют чрезмерную торопливость с выдачей подобных авансов. Автора данных воспоминаний обвинить в этом трудно, так как я взялся писать о звездах советской эстрады спустя более трети века. Считаю, что этого времени вполне достаточно, чтобы «оселась пыль», чтобы вынести окончательный вердикт относительно того, кто был (и кто все еще остается) звездой в отечественной шоу-индустрии.

Но откуда у меня, провинциального (кировоградского) комсомольского функционера невысокого ранга могла появиться возможность довольно тесного и продолжительного общения с Т.Дорониной, Л.Лещенко, С.Ротару, И.Кобзоном, Л.Сенчиной, А.Пугачевой, Г.Хазановым, В.Винокуром, Е.Леоновым, Р.Карцевым, В.Ильченко, А.Градским и многими другими популярными артистами советской эстрады, театра и кино? Отвечая на этот вопрос, мне придется сообщить несколько автобиографических сведений в контексте нашей недавней истории.

Итак, несколько пояснений касательно моего комсомольского прошлого. В отличие от рядовых членов ВЛКСМ, я был комсомольским «профи», «кадровым комсомольцем», так как в 1976 г. закончил отделение комсомольских работников Высшей партийной школы (ВПС) при ЦК Компартии Украины. Между прочим, мое первое знакомство с актрисой звездного калибра про-

изошло как раз тогда, когда я был слушателем вышеозначенного компартийного вуза. Мне и моему товарищу по комнате в общежитии Дмитрию Ткачу (в прошлом зам.министра иностранных дел, ныне – послу Украины в Венгрии и Словении) как двум наиболее активным участникам художественной самодеятельности было поручено пригласить для выступления в ВПШ Татьяну Доронину, находившуюся в Киеве на гастролях. В московском театре им.Маяковского всегда было немало звезд, но выбор парткома пал именно на эту актрису, что свидетельствовало о ее повышенной популярности в середине 70-х годов.

*Татьяна Доронина
в ВПШ при ЦК КПУ.
Лето 1975 года*

Разыскав Доронину в одном из номеров гостиницы «Москва» (сейчас – гостиница «Украина»), мы в ответ на приглашение были удостоены довольно длительного и приветливого приема со стороны заезжей знаменитости. На следующий день мы сопроводили ее в ВПШ, где после официальной творческой встречи состоялась еще одна – камерно-кулуарная, для членов художественной самодеятельности ВПШ. Свообразным тамадой на ней был доцент ВПШ Леонид Смоляков (тоже участник художественной самодеятельности, впоследствии первый посол России в Украине). Доронина курила (что в те времена несколько

нас эпатировало), рассказывала разные актерские байки. До этой встречи у меня было весьма сдержанное отношение к актерским способностям Дорониной. Мне, в частности, казались ненатуральными и придыхание, и аффектация, сопровождавшие ее игру. Однако благодаря личному общению я понял, что это не было искусственным актерствованием, каким-то ее фирменным артистическим приемом; это, я убедился, было (и есть) ее сущностью. Ее суждения и поведение были интересны и естественны, без позы и звездных претензий. Впоследствии я слышал и читал о Дорониной много всякого разного в связи с разделом МХАТа, взаимоотношениями с Олегом Ефремовым. Ради красного словца я даже придумал и опубликовал соответствующий каламбур – матриарМХАТ. Так случилось, что в 1996 г. в Москве моей жене довелось присутствовать на праздновании 40-летия журнала «Наш со-

временник», на котором Т.Доронина в палантине из дорогих мехов сидела в одной ложе с экс-путчиком маршалом Д.Язовым и всячески демонстрировала свою оппозиционность «антинародному режиму» Б.Ельцина. Такому политическому позиционированию Дорониной я не очень симпатизирую, но, тем не менее, мне уже трудно изменить мнение о Татьяне Васильевне как о сильной личности и талантливой актрисе.

Будь мои знакомства с артистами столь кратковременными и случайными, я бы не набрался нахальства и не стал претендовать на внимание сегодняшних читателей (и одновременно – телезрителей и завсегдатаев Интернета), избалованных массой публикаций и сюжетов с многочисленными пикантными подробностями из жизни звезд. Однако моя последующая комсомольская карьера даровала мне возможность значительно более тесного и даже, можно сказать, систематического общения с артистическим бомондом 70-х-80-х годов. Многие его представители и до сих пор являются нашими кумирами, иные давно вышли в тираж, а то и вовсе ушли, и не только со сцен и экранов.

До того, как я сам вышел в тираж как комсомольский функционер, в упомянутые годы я занимал должность заместителя заведующего отделом пропаганды и культурно-массовой работы Кировоградского обкома комсомола. Эта скромная, с точки зрения комсомольско-номенклатурной иерархии, должность открыла мне, тем не менее, возможность больше других комсомольских работников области «снять сливки» с пришедшегося как раз на эти годы бума концертно-коммерческой деятельности, в которую

Татьяна Доронина в центре, слева от Дорониной – Д.Ткач, справа – Л.Смоляков, автор – крайний слева

комсомол ринулся, воспользовавшись временным недосмотром и попустительством «большого брата» – КПСС.

Комсомол, как известно, был отнюдь не концертной и тем более не коммерческой организацией. Вместе с тем в одной из инструкций ЦК ВЛКСМ («О привлеченных средствах»)

комсомольским органам разрешалась организация платных концертов для последующего финансирования разнообразных комсомольских мероприятий (фестивалей, смотров, слетов и т.п.). Несовершенство и нечеткость многих пунктов этой инструкции открывали возможность различного их толкования, чем и не преминули воспользоваться комсомольские работники на местах. Они смекнули, что несколько аншлагов в день при двух-трехрублевых билетах обеспечат только звезды советской эстрады. Но где обкому комсомола взять весь комплекс инфраструктуры концертной организации? Именно у нее и взять – пойти на сотрудничество с такой организацией – областной филармонией. Работали на паритетных началах: всю чистую прибыль делили «фифти-фифти». А что вынуждало филармонию идти на создание такого «временного СП» с обкомом комсомола, отдавая ему 50% чистой прибыли? Почему эта отлаженная государственная концертная структура не могла обойтись без молодежной общественно-политической организации? Почему по филармонической линии звезды приезжали в провинцию крайне редко и работали не более одного концерта в день, а по комсомольской – слетались как мухи на мед, срывая (под разными предложениями) концерты, предусмотренные планами таких серьезных организаций, как «Москонцерт», «Росконцерт», «Ленконцерт», «Союзконцерт»?.. Что заставляло самых популярных в стране артистов работать, как говорил Остап Бендер, «вдали от балета “Красный мак”» – в городах и райцентрах периферийных областей по 2-3-4 концерта в день неделю кряду?! «Деньги!» – догадается читатель. Да, они самые! За плановый концерт в Москве (разрешалось 8 таких выступлений в месяц) Хазанов, уже будучи знаменитым, получал 16 рублей 50 копеек, а за «левый» в Светловодске – 300 рэ (помножьте еще на 4 концерта в день). Из этого, правда, следует вычесть подарок врачу-фониатру за справку о «воспалившихся» голосовых связках, а также взятку чиновнику из «Москонцерта» за выдачу направления на гастроли в Кировоградскую (или иную тьмутараканскую) область... Так что рыночные (точнее, магарыночные) отношения даже в самые застойные годы умудрялись торить себе кривые («левые», «обходные» и др.) дороги, уродуясь сами и уродуя души и обывателей, и их кумиров. И, тем не менее, благодаря этим совковым рыночным отношениям в сфере шоу-бизнеса (при официальном их «отсутствии») провинциалы могли «живьем» увидеть и услышать целое созвездие отечественных знаменитостей; последние же могли получить более-менее адекватное их таланту денежное вознаграждение, а государство и комсомол – немалые дополнительные суммы в свои бюджеты.

Все, казалось, были в выигрыше. Ан нет! Были и проигравшие. Больше всех проигрывала Административная Система, ее идеологические принципы. Идеология, как стержень этой системы, не могла быть принесена в жертву материальной выгоде, особенно частных лиц. Подумаешь, Кобзон! Да, талант, да, уникальный голос, да, практически неутомимый голосовой аппарат!.. Но 1328 рублей в день (за четыре концерта) – это уже слишком! Никакой номенклатурщик, включая Генсека ЦК КПСС, так много легально заработать никак не мог, даже за месяц. А Ленинский комсомол, как он посмел попирать установленное профсоюзом нормирование труда, платить (а выплату артистам зарплаты как раз и брал на себя верный помощник партии) в два-три раза больше, по сравнению с госфилармонией, а главное – с установленной Госкомтрудом сметой?! Кто дал ему право фактически ломать планы государственных концертных организаций, подрывая самую суть Системы – ее плановость, подконтрольный, санкционированный государством распределительный ранжир?!

И последовало то, что и должно было последовать. После небольшой артподготовки (фельетонно-разоблачительной кампании против звезд и посадочно-профилактической перетряски кадров центральных концертных организаций) ЦК КПСС принял постановление, в котором комсомолу рекомендовалось (а не приказывалось, как всем другим причастным к этому ведомствам) прекратить практику широкомасштабной коммерческой концертной деятельности.

Конечно, гидру шоу-бизнеса окончательно придушить не удалось, но здоровье ее в первой половине 80-х годов было уже не то. Таким образом, мой уход с комсомольской работы в апреле 1980 г., можно сказать, совпал с резким сворачиванием комсомольского шоу-предпринимательства. Три последних года моей комсомольской карьеры оказались поистине золотым ее закатом. Этот период был буквально насыщен организацией гастролей известных артистов. Одна концертная бригада сменяла другую.

Официально мне никто не вменял каких-то определенных обязанностей, но, как правило, в их круг входило приглашение артистов (при содействии филармонии) и заключение с ними трудовых договоров, опека и контроль за качеством их работы, организация различных ублажительно-досуговых мероприятий, наиболее популярными из которых, безусловно, были «экскурсии» по торговым базам и блатным магазинчикам, к которым у столичных гастролеров всегда был повышенный интерес. Дело в том, что в Москве (Ленинграде, других крупных культурных цен-

трах) «критическая масса» знаменитостей существенно девальвовала их «доставальческие» возможности, поэтому на периферии звезды старались получить максимальные дивиденды на капитал «всенародная любовь». Со стабильностью советского рубля могла посостязаться только стабильность дефицитов товаров, поэтому у тех, кто имел к ним доступ, рубль был подлиннее. Рубль звезды по своей покупательной способности приближался к рублю партфункционера и работника торговой базы. Правда, звезда должна была поклониться партбоссу или директору базы с тем, чтобы быть допущенной к заветным закромам с дешевыми дефицитами (последние два слова – такая себе «сухая вода» экономической системы планового ценообразования). И большинство из знаменитостей шло на это, как, впрочем, и на другие компромиссы с порой недолюбливаемой Системой и собственным достоинством. Да, увы, народных и заслуженных артистов звал на поклон не только «бис», но и бес потребительства и приспособленчества.

Сегодня стыдно вспоминать, что мне, как и «другим сопровождавшим их лицам», иногда перепадали крохи с барского стола. Я даже гордился, что хожу в одинаковых туфлях с Л.Лещенко, что в моем серванте стоит точно такой же сервиз или подсвечник, как у Г.Хазанова, а на книжной полке – томики, приобретенные в облкниготорге «за компанию» с Е.Леоновым или А.Градским.

Советский обыватель застойных времен подозревал, что в быту звезды небезгрешны, но отсутствие у них святости связывалось, как правило, с непостоянством в супружеских узах, пьянством, мотовством, зазнайством и т.п. Рядовому «совку», как главному конформисту коммунистического режима, в голову никогда бы не пришло упрекнуть звезду в социальном приспособленчестве и двуличии. Вместе с тем многие из них, будучи яркими кухонными диссидентами, на сцене, на трибуне или в высоких инстанциях превращались в высокоидейных пропагандистов Системы, а на торговых базах – в якобы снисходительных, а на самом деле заискивающих просителей-побирушек.

Надо, правда, отдать должное тем деятелям искусства, которые критически оценивают многие реалии прошлого, не ищут вчерашний день, осознавая всю его развращающую и унижающую художника сущность. Артистам не надо больше интриговать и выпрашивать автомобили, звания, категории, столичные прописки и выездные визы (все они были поделены на выездных и невыездных). Не надо расписываться в ведомостях за одни суммы, а получать другие и трястись при этом, как жуликам; получать официальные, но смешные усредненные ставки, зачастую

меньшие, чем у бесталанных, но более пронырливых и идейно лояльных коллег, эксплуатировать свою популярность для унизительных добываний и выбиваний дефицитов.

Кое-что из этого закулисного антуража с близкого расстояния довелось созерцать и мне. Но больше – слышать. Из первых уст. Эти звездные откровения (а их, поверьте, было немало) я, избранник случая, благоговейно впитывал, реализуя свою привилегию «допущенного».

А еще – на память об этом значимом для меня жизненном периоде остались фотографии, в большинстве своем выполненные кировоградским фотомастером Василием Грибом (ныне живет и работает в Киеве, аккредитован как фотокорреспондент в ВРУ). Некоторые из них, полагаю, оживят мои эссе.

Лёва

В марте 1977 г., буквально через несколько недель после моего прихода на должность зам.зав.отделом пропаганды и культурно-массовой работы Кировоградского обкома комсомола, надо было организовать концертное турне по области Льва Лещенко. Гастроли должны были начаться с г.Светловодска. Поехал я туда за день. Мое волнение и желание достойно приветить своего первого звездного подопечного было встречено работниками горкома комсомола иронично-снисходительно. Дело в том, что к тому времени Светловодский ГК ЛКСМУ, в отличие от других горкомов и райкомов комсомола нашей области, уже имел немалый опыт приглашения звезд эстрады и организации их концертов. Поэтому его секретари спокойно и буднично готовились к приезду лауреата международных конкурсов Льва Лещенко. Завезенные накануне рекламные афиши именно так представляли столичного гастролера. Несмотря на свой тогдашний 35-летний возраст, устоявшуюся большую популярность и исполненный советской гражданственностью репертуар, Лещенко всё еще не был заслуженным артистом, даже какой-нибудь маленькой советской автономной республики, не говоря уже о РСФСР (звание заслуженного артиста России котирировалось гораздо выше, чем звание заслуженного артиста любой другой союзной республики СССР). Хотя, по всем канонам Системы, да и по творческим, репертуарным параметрам певец вполне тянул на звание з.а. РСФСР. Впрочем, советская публика мало обращала внимания на официальные звания и регалии и уже давно «держала» Лещенко за звезду, поэтому все билеты на все предстоящие в области (а не только в Светловодске) концерты были раскуплены задолго до начала гастролей.

*Лев Лещенко и ансамбль
«Мелодия» на сцене ДК г.Светловодска,
март 1977 года*

Мое волнение было естественным, так как у меня еще не было опыта работы со звездами. Ведь мне предстояло не просто общаться с эстрадной знаменитостью, а каким-то (тогда я еще не представлял каким) образом контролировать ход гастролей, обеспечивать надлежащий уровень работы, быта и отдыха приглашенных артистов.

Заехали гастролеры двумя группами, точнее, двумя ансамблями. Один из них – «Лейся, песня!» должен был работать в первом отделении. Вторым был широко известный инструментальный ансамбль «Мелодия» под управлением дирижера и композитора Георгия Гараняна. Сам Гаранян, правда, не приехал. Его заместитель по оргвопросам тромбонист Леонтий Черняк простодушно объяснил это очередным запоем мэтра. Льва Лещенко среди аккомпанирующих ему музыкантов «Мелодии» тоже не оказалось. Он должен был успеть закончить какую-то срочную запись (в то время Лещенко был солистом Всесоюзного радио и телевидения) и добраться до Светловодска самостоятельно.

Главное действующее лицо приехало в аккурат к началу первого концерта. Лещенко добирался на такси из Днепропетровска, который оказался ближайшим «открытым» аэропортом в тот туманный мартовский вечер. Изнервничавшийся Черняк, увидев «опаздуна», тут же позвонил в ДК культуры и дал, наконец, команду ансамблю «Лейся, песня!» начинать первое отделение, пока проголодавшийся Лещенко в своем гостиничном номере заглатывал поджидавший его ужин. Он рассказывал Черняку о перипетиях дороги, о проблемах, возникших во время записи, а я, разглядывая столичную знаменитость, невольно вспомнил фразу, накануне оброненную на аппаратном совещании заведующим финхозотделом обкома комсомола А.М.Гриценко, имевшим возможность пообщаться в Черкассах с певцом раньше нашего: «Красивый, гад, намного лучше в жизни, чем по телевизору!» С Анатолием Михайловичем трудно было не согласиться.

Впоследствии, после нескольких довольно продолжительных

раундов моего близкого общения с артистом, могу от себя добавить, что Лещенко красив не только наружно, но также своей внутренней красотой, вобравшей в себя открытость, редкую откровенность, доброту и огромное обаяние. Больше всего меня поразила его демократичность в общении с коллегами по артистическому цеху. И музыканты «Мелодии», и члены ВИА «Лейся, песня!», вне зависимости от возрастных различий и ниши, занимаемой в официальной и негласной артистической иерархии, звали его просто Лёвой, женщины, зачастую, столь же просто, но ласковее – Лёвущкой. Очень скоро, как бы устав от моего уважительного «Лев Валерианович», он сам предложил мне обращаться к нему только по имени и «на ты», несмотря на ощутимое различие в возрасте (я на семь лет младше) и статусе. Кроме того, мы действительно подружились (как мне кажется), поэтому прошу читателей в заглавии этого очерка не усматривать панибратства, амикишонства или лстящей автору выдумки.

Одной из вменявшихся мне функций был контроль за тем, чтобы столичные артисты не позволяли себе халтуры по отношению к провинциальному зрителю. Априори, еще не занимаясь организацией концертно-коммерческой деятельности гастролеров, я, признаться, тоже был заражен распространенным в ту пору мнением о двух (и более) стандартах сценического поведения звезд. Все, и я в том числе, «знали», что в столице (или в крупном культурном центре) наши кумиры выкладываются, а в провинции дают по 3-4 концерта в день и, стало быть, работают в режиме самосохранения или профессионального небрежения.

На самом деле все обстояло несколько иначе. Во-первых, действительно, и плановые, и «левые» концерты на периферии артисты называют «халтурой» («чёсом» и т.п.). Количество концертов в день в самом деле было БОльшим, чем на главных концертных площадках страны. Вместе с тем никакой явный халтурщик (без кавычек) не мог рассчитывать в провинции на подобную интенсивную концертную деятельность, так как и на один плановый концерт в день или, что чаще, гастрольный заезд он не мог сделать полные сборы, даже при содействии горкома или райкома партии.

Во-вторых, специфика сценической деятельности такова, что настоящий артист, и в первую очередь добившийся определенной известности или популярности, очень дорожит своим реноме, боится уронить его, потерять престиж и славу. Они для него – своеобразный наркотик, уменьшение дозы которого (в силу минутного расслабления, самоуспокоения или неуважения к аудитории) ар-

тист моментально ощутит в общении с публикой, и эту нравственную «ломку», вызванную ослабленным вниманием, шумком или даже свистом зрительного зала, не компенсирует никакой материальный аванс распроданных за неделю билетов. Настоящие артисты начинают понимать это очень быстро, и их не надо никому контролировать, так как халтурить невыгодно ни материально, ни морально.

Конечно, за те несколько лет, на протяжении которых я имел возможность наблюдать и сравнивать отдачу и удачу разнообразных гастрольных бригад, работавших «по комсомолу», были и средние, и даже посредственные концерты. Это, однако, было следствием не высокомерного отношения к провинциальной публике, а большей или меньшей талантливости исполнителей, более или менее удачного репертуара и некоторых других факторов, не имеющих отношения к столичному снобизму.

В этой связи примечателен такой случай. Всё гастрольное турне по кировоградской области Л.Лещенко работал по три концерта в день. Все концерты с его участием шли с аншлагом. Очень многим не посчастливилось достать билеты (при тогдашних весьма умеренных или, как экономисты говорят, неравновесных ценах многое не покупалось, а доставалось – кто постарше, это помнят). Комсомольская организация «Красной звезды» обратилась с просьбой организовать дополнительный концерт для рабочей молодежи крупнейшего в области завода. Так случилось, что секретарь комитета комсомола завода высказал эту просьбу в присутствии администратора концертной бригады Г.Спектора. Гера, вальяжный, но очень цепкий делок, сразу же санкционировал дополнительный концерт, суливший ему дополнительное вознаграждение. При этом он попросил меня ничего пока не говорить об этом Лещенко. «Ты же знаешь, – пояснил он свою просьбу, – Лёва вечно комплексует, вечно ему мерещится, будто он не в голосе. Мы поставим его перед фактом, и он никуда не денется – споет, как миленький, и четвертый концерт». Я сначала поддался на уговоры администратора, но потом не выдержал и в конце того же дня проговорился Лёве. Тот сразу взмолился отменить, пока не поздно, четвертый концерт. «Боря, пойми, у меня довольно хрупкий голосовой аппарат. Я ж не Кобзон, у которого поистине луженая глотка. Тот может запросто и пять, и шесть концертов в день работать, да притом петь на каждом по 30-40 песен. Ты ж видишь, сколько я пою за концерт – девять, десять, ну от силы двенадцать вещей. А ты заметил, в какой я их тесситуре пою? Ведь у меня в дипломе записано, что я бас-баритон, а я, в угоду моде

и зрительским ожиданиям, лезу в верхний регистр. Я ж не тенор, так и сломаться недолго! В общем, пока не поздно, надо эту затею отменить!» После такой откровенной и эмоциональной тирады я почувствовал себя подлым предателем и губителем всенародного таланта. Я начал оправдываться и валить всю вину на Геру. Мои угрызения совести были смягчены тем, что решение в самом деле было принято именно им. Я добавил, что отменить злополучный концерт еще не поздно. Инцидент казался исчерпанным. Однако я не учел хватки и коварства опытного антрепренёра. Оказывается, он предвидел подобную реакцию певца и успел уже обнадеежить всю концертную бригаду насчет дополнительного концерта и, естественно, дополнительного заработка. На Лёву повели психологическую атаку, убеждая беднягу, что он в данный момент, как никогда прежде, хорошо звучит и ему вполне по плечу дополнительная голосовая нагрузка. В конце концов, Лёва сдался. В этот трудный для певца день все четыре концерта были отработаны без сокращения количества спетых в них песен (как предлагалось солисту его администратором и оркестрантами «Мелодии»).

Этот случай и подобные другие, с которыми я сталкивался по мере дальнейшего общения с заезжими знаменитостями, убедили меня в том, что контроль за качеством работы звезд со стороны комсомольских комитетов излишен.

На первый план, как я все больше убеждался, выдвигалась другая моя функция – организация быта и приятного времяпрепровождения гостей. Что касается Светловодского горкома комсомола, то мне в этом отношении делать практически было нечего. Горком возглавляли опытные комсомольские «зубры», с которыми в городе все считались и которым не стоило чрезмерных усилий организовать на достойном уровне и «встречу», и «проводы» артистов, и всякую прочую «культурную программу».

Чтобы отметить успешное окончание светловодской части гастролей, местный горком комсомола «раскрутил» крупнейшие предприятия города на щедрый банкет. Он начался сразу же после третьего вечернего концерта и перевалил далеко за полночь. Обильное застолье наверняка бы продолжалось до утра, не будь у артистов в этот наступивший новый день очередных трех концертов в Кировограде, т.е. за 120 км от Светловодска.

В областной центр выехали где-то в три ночи. Лещенко пил мало – как всегда, берег горло. В минуту очередного возлияния он учил меня, как лучше сохранить голосовые связки: опрокидывая рюмку водки или другого крепкого напитка, говорил он, надо обязательно запить ее целым стаканом сока или хотя бы воды.

«В молодости, когда пел в “самodelке”, я любил перед репетицией или концертом выпить бутылочку пива, отчего мой басок становился сочнее и мощнее, в репетиционной комнате порой даже стекла дребезжали», – вспоминал Лёва. Однако за весь довольно длительный период нашего общения я ни разу не видел, чтобы он пил пиво или вообще проявлял когда-нибудь инициативу относительно употребления спиртного. Пил он только «за компанию», сдаваясь на уговоры, но всегда с вышеупомянутыми мерами предосторожности. Те семь или восемь хмельных застолий с Лёвой, в которых и мне довелось принять участие, свидетельствовали о его умеренности и, как правило, внешнем принуждении слегка «принять на грудь», а главное – на горло. Он понимал, что если Баху он будет предпочитать Бахуса, то его песенка скоро будет спета. Впоследствии мне доводилось быть свидетелем того, как выпивают многие другие артисты, в частности певцы, но таких предосторожностей в плане сохранения голоса, как у Лещенко, я редко у кого встречал.

По окончании банкета Лещенко, будучи слегка подшофе, в машине начал кунять, беспокоясь при этом, как мало ему придется поспать перед новым концертным марафоном уже начавшегося дня. Мы сидели с ним на заднем сидении «Волги» (на переднем сидел Гера) и я предложил Лёве приклонить голову мне на колени и постараться уснуть. Лева принял приглашение без каких-либо церемоний и кокетства. Он тотчас уснул, а я два часа боялся

*Возле Кировоградской филармонии,
март 1977 года*

пошевелиться, чтобы не нарушить сна певца, который в этот день должен был предстать перед кировоградским слушателем свежим и хорошо звучащим.

Кировоградская часть этого весеннего гастрольного тура прошла так же успешно, как и светловодская. В немалой степени успех всего концерта обусловил профессиональное и яркое выступление ВИА «Лейся, песня!», работавшего в первом отделении. Сегодня мы знаем Михаила Шуфутинского в основном как композитора и солиста-исполнителя шансонов. Я бы хотел так же отметить и его талант руководителя вокально-инструментального ансамбля.

Возглавляя в то время ВИА «Лейся, песня!», ему удалось создать хорошо сбалансированный ансамбль как инструменталистов (все, например, отмечали отличную медную группу этого коллектива), так и вокалистов. Сам Шуфутинский сольно не пел, просто играл на клавишных и пел в общем ансамбле. Звездой этого ВИА был, безусловно, Владислав Андрианов, один из солистов, принимавших участие в нашумевшем тогда диске «По волне моей памяти». Владик записал одну из самых «забойных» песен этого тухмановского цикла – «Песенку студента». Этот хит в репертуаре ансамбля «Лейся, песня!» неизменно шел на «бис» в каждом концерте, доводя до экстаза молодежную аудиторию.

Звезда В.Андрианов просияла на артистическом небосклоне совсем недолго. Видать, его погубило пристрастие к спиртному. Я так предполагаю, потому что часто перед выходом на сцену он опрокидывал в буфете рюмочку-другую коньяку. Музыканты из «Мелодии» любили каламбурить, называя этот ВИА «Лейся, пейся!» Кстати, сами инструменталисты «Мелодии» были в отношении выпивки далеко не дураками и не ангелами. Скорее, наоборот. Например, тромбонист Константин Бахолдин так набрался после последнего концерта в Кировограде, что его не могли привести в чувство ранним утром следующего дня. Отчаявшись поставить Костю на ноги, товарищи оставили его в гостинице и спешно улетели в Москву. Очухавшись к полудню, бедолага был вынужден сепаратно и за свои кровные добираться в столицу.

*Руководитель ВИА
«Лейся, песня»
Михаил Шуфутинский
в парке им.Ленина.
Кировоград, 1977 год*

Нередко гастролеры приглашались в трудовые коллективы области на творческие встречи. Формально они проводились на безгонорарной основе. Но, как правило, без ценного подарка именитые гости с этих мероприятий не уходили. Например, в свой первый приезд Лещенко был приглашен на встречу с работниками универсального торгового объединения (УТО) «Кировоград». Вообще-то, этот свежестроенный торговый центр только готовился к открытию. Узнав о приглашении, Лёва поморщился, предвидя неизбежные в таких случаях просьбы что-нибудь спеть. Во-первых, работая по три концерта в день, он справедливо считал, что голосовой нагрузки у него и так предостаточно, а во-вторых, импровизированная, плохо приспособленная для сольного эстрадного пения площадка, отсутствие музыкального сопровождения, усилителей звука, специфического освещения и прочих средств для сотворения высококлассного эстрадного шоу – все это могло вызвать только разочарование слушателей и крушение сложившегося высокого имиджа популярного певца. Ни о чем подобном, естественно, Лещенко не говорил, но безусловно подразумевал, прося меня предупредить руководство УТО, что петь он ни под каким предлогом не будет.

Заручившись обещанием руководящих торговых работников о том, что они и их подчиненные не будут «насиловать» связки певца, я привел Лёву в еще пустующее помещение УТО. Побросав тряпки и метлы, работники прилавка быстро сбежались на второй этаж и встреча началась. И на этой, и на последующих встречах (и Лёвы, и многих других артистов) конечно же, преобладали вопросы, выуживающие пикантные подробности богемной жизни артистов. Тогда не было газет и журналов типа «Бульвара», советская официально-пресная пресса не баловала обывателя не то что жареными, но даже пареными фактами из жизни звезд. Последним это, в какой-то мере, было даже на руку. Отсутствие информации о семейно-бытовых подробностях биографии известного артиста или крупного политического деятеля создавало ореол таинственности, загадочности, творило определенный флер недоступности «небожителя», провоцировало возникновение всевозможных догадок и слухов, длинный шлейф которых сопровождал звезду, как хвост кометы. Некоторые сплетни были настолько распространены и устойчивы, что артисты даже заготавливали остроумные домашние «экспромты» для ответов на типичные вопросы, выясняемые простыми, как советское хозяйственное мыло, участниками творческих встреч. Лёве, например, работники УТО задали вопрос, который впоследствии я слышал практически на

всех подобных мероприятиях с его участием: «А правда ли, что Валентина Толкунова – ваша жена?» Выкатив припрятанный в кустах рояль, Лёва нарочито серьезно и доверительно сообщал: «Конечно, правда, она – моя жена, у нас есть сын, и зовут его... Полад Бюль-Бюль Оглы!» Как правило, аудитория тут же понимающе смеялась, а Лёва, благодаря этой удачной заготовке, набирал очки и привносил в мероприятие дополнительный «оживляж». Порой, правда, доводилось видеть отдельных «серьезных» участников таких встреч, которых шутка приводила в недоумение своей сомнительной правдоподобностью, так как «сын» – очень известный на ту пору композитор и певец (кстати, гастролировавший в Кировограде незадолго перед приездом Лещенко) – был примерно одного возраста с «отцом» и чуть старше «матери», да к тому же весьма отличной от «родителей» «кавказской национальности». Многие тогда с трудом верили слуху (оказавшемуся правдой), что молодой азербайджанский композитор и певец женился на давно перешагнувшей бальзаковский возраст народной артистке СССР Белле Руденко, но поверить в только что услышанное из первых «родительских» уст такое! Впрочем, розыгрыш скоро доходил и до «плохо догонявших», а Лёва таким образом элегантно уходил от дальнейших расспросов о том, кто же на самом деле является его женой, и есть ли у него вообще жена и дети.

В марте 1977 года Лещенко был еще официально женат на малоизвестной певице Алле Абдаловой, с которой он к тому времени записал на радио и ТВ несколько песен («Старый клен» и др.). Просто о супружестве этого дуэта широкая публика почти ничего не знала. Я тогда понял, что их совместная жизнь была не самой счастливой и что Лёве были неприятны разговоры о его семейных делах. Почувствовав это, я старался никогда близко не подходить к этой деликатной теме, и даже невольно сопереживал ему, когда отдельные цепкие участники творческих встреч доставали артиста нескромными расспросами.

Лёвина «весенняя гастроль» прошла, без преувеличения, «на ура» и в Светловодске, и в Кировограде. Неудивительным поэтому был довольно скорый – в июле того же 1977 года – второй концертный тур Лещенко со-товарищи по наиболее крупным городам кировоградщины. На сей раз ареал концертной деятельности был расширен за счет Александрии и Знаменки.

В первом отделении на этот раз работал ВИА «Надежда». Этот ансамбль по уровню исполнительского мастерства и узнаваемости репертуара был примерно одной популярности с ВИА «Лейся, песня!» Особых звезд в «Надежде» не было. Позже, правда, из

этого коллектива вышел (в прямом и переносном смысле) композитор и певец Владимир Кузьмин, согретый одно время лучами славы Аллы Пугачевой. Борисович и Борисовна пели тогда дуэтом, исполняя кузьминский хит «Две звезды». Однако летом 1977 года Кузьмин еще никакой звездой не был, его попросту еще никто не знал. Я специально поднял сохранившиеся у меня копии смет, маршрутов и прочих гастрольно-концертных документов. Одними из весьма информативных среди них были Рапортчики персонального учета произведений. Для пояснения – сделаю небольшое финансово-лирическое отступление (такие себе «романсы о финансах»).

Все организации и предприятия, осуществлявшие в СССР публичное исполнение концертных, цирковых, танцевальных и др. сборных программ при платном для зрителей входе либо с выплатой заработной платы исполнителям, были обязаны до первого публичного исполнения намеченной программы зарегистрировать эту программу у уполномоченного ВААП (Всесоюзное агентство по авторским правам). Уполномоченный ВААП по данному региону был обязан присутствовать на концерте и проверять соответствие действительно исполняемого репертуара тому, который указан в Рапортчике. Такой контроль и учет означал для авторов произведений, указанных в Рапортчике, что причитающаяся им доля в двухпроцентном отчислении от валового сбора, вырученного при продаже билетов, станет впоследствии их законным гонораром. Когда я расспрашивал артистов, сколько же могло «накапать» за год «авторских», то узнавал о громадных по тем временам годовых гонорарах наиболее популярных, а стало быть, часто исполняемых, авторов. Например, «авторские» А.Пахмутовой, Н.Добронравова, Е.Матрынова и других песенников в отдельные «урожайные» годы доходили до 100 тысяч рублей!

Так вот, возвращаясь к Кузьмину, в Рапортчике произведений, исполняемых в концертной программе ВИА «Надежда», я не обнаружил ни одной песни В.Кузьмина, а в смете расходов на один концерт этого коллектива у Кузьмина значилась одна из самых низких ставок, если не брать в расчет грузчика и костюмера. Впрочем, участникам расплодившихся и модных тогда ВИА, по сравнению с другими артистами, грех было роптать на низкие официальные заработки. Считалось, что участник ВИА – это универсал, человек-оркестр, т.е. он и инструменталист (гитарист, клавишник, ударник и т.п.), и вокалист. Поэтому в популярных, высоко тарифицированных ансамблях многие никому не известные участники ВИА получали за концерт 19 рублей 50 копеек, в то время как

Боре! Де вестри ан е рат,
3/11/77. Уга? табе вейерих
Лев Лещенко —

Лев Лещенко
на сцене ДК г.Александрии

многие гремевшие и делавшие аншлаговые сборы звезды эстрады имели в среднем за концерт 16 руб. 50 коп. Были, конечно, и исключения, но они делались не по таланту и популярности, а по блату, умению прогнаться или подобрать идейно выдержанный коммунистическо-патриотический репертуар, ну и, конечно, по умению делиться с чиновниками из концертных организаций. Взятки были особенно распространены при «выпуске» художественного коллектива на гастроли за границу. От И.Кобзона,

например, я узнал, что артист сопровождавшего его инструментального ансамбля будет до тех пор «невыездным», пока не даст в «Госконцерте» 300 рублей на лапу. «А кому же эти деньги дают?» — непроизвольно вырвалось у меня. На это, усмехаясь моей наивности и простодушию, мэтр шутливо-уклончиво отвечал: «Если б знали, кому, никто б не давал...»

Вернемся, однако, к Лещенко. Несмотря на большую зрительскую аудиторию, «охваченную» его концертами во время первого мартовского турне в Кировограде и Светловодске, билеты в этих городах снова были раскуплены задолго до начала гастролей, не говоря уже об аншлаговой «обреченности» концертов в Александрии и Знаменке, которые весной были обойдены вниманием организаторов турне.

Второе «пришествие» Лещенко на Кировоградщину буквально изобиловало всевозможными внеконцертными мероприятиями. Отличился, как всегда, Светловодский горком комсомола, организовавший грандиозную вылазку на природу. Пикник был устроен на берегу одного из живописных островов Кременчутского водохранилища. Прокатившись для начала на катере, некоторые артисты под руководством профессиональных светловодских рыбаков варили в больших казанах над костром уху, кулиш и прочие горячие блюда. Я с еще одним работником нашего отдела Борисом Жебровским (сейчас – замминистра образования и науки) помогали другим музыкантам чистить и резать холодные закуски, овощи, сервировать устланную громадным брезентом поляну. Остальные играли в футбол, фотографировались, загорали, купались и т.п. Лёва был «блуждающим форвардом». Он «отмечался» в стане каждой «группы по интересам». В футбол, правда, играть не стал, ограничился несколькими ударами по мячу. Когда я спросил, почему он не хочет поиграть в футбол по-настоящему, он ответил довольно, на мой взгляд, интересно: мол, пропотею – надо будет искупаться; если б это еще была морская вода, пусть даже прохладная, то искупаться можно было бы, но от речной воды, пусть и не совсем холодной, у певца, как правило, садился голос...

*Лёва варит кулиш.
Справа – автор, рядом - Б.Жебровский*

*На катере под Светловодском,
лето 1977 года*

Вообще у Лещенко были довольно спортивные юность и молодость. Я узнал от него, например, что в ранней молодости Лёва серьезно занимался баскетболом, играл даже за второй состав московского «Динамо». Однажды на тренировке он упал с гимнастических колец, повредил позвоночник, после чего долго лежал в больнице, все тело его длительное время пронизывали острые боли. После этого он из большого спорта ушел навсегда.

Пикник мне запомнился еще тем, что он совпал с днем рождения второго секретаря светловодского горкома комсомола Николая Погорелова. Лещенко, которого попросили торжественно вручить Коле подарок, уединился несколько в стороне и стал по собственной инициативе сочинять для именинника стихи. С наскока, как рассчитывал Лёва, стихи ему не давались, и он довольно долго мучился, дергаемый своими товарищами, истекавшими слюной от запахов и вида уже поджидавшей их снеди и выпивки.

Кировоградский горком комсомола на этот раз тоже не ударил лицом в грязь. Банкет был устроен на втором этаже в ресторане гостиницы «Киев». Однако изысканность напитков и ресторанных блюд не могли, конечно же, переплотнуть рекреационно-кулинарного действа на одном из живописнейших островов у берегов Светловодска.

Когда светловодская часть гастролей приближалась к концу и концертной бригаде предстояло переезжать в Александрию, я позвонил в Онуфриевку первому секретарю райкома комсомола Ивану Матюхе, чтобы выяснить возможность организации экскурсии Л.Лещенко на местный конезавод. «Нет проблем» – сра-

зу же ответил тот, пообещав встретить нашу машину в Павлыше, стоящем примерно на полдороги от Светловодска до Александрии, и эскортировать ее оттуда в свой райцентр.

Когда мы вышли из двух автомашин у ворот конезавода и стали ждать, чтобы появился директор и пригласил всех на экскурсию, к нам подошел какой-то местный начальник. Ответработник был преисполнен чувством хозяина подведомственного ему региона. То, что это был руководящий работник, примерно уровня заведующего отделом райкома партии, не вызывало никаких сомнений. В жаркий июльский день он был в темном застегнутом на все пуговицы костюме, при галстуке. Лёва, напротив, был в потертых джинсах и очень легкомысленной по тем временам джинсовой, не заправленной в штаны сорочке. В тот момент, когда местный начальник подошел к приехавшим в его вотчину незнакомцам, Лёва находился в нескольких шагах от основной группы. Он выяснял у водителя какой-то свой автолюбительский вопрос. Я был тоже одет не как комсомольский работник: те же джинсы и тенниска. Не удостоив меня ни вниманием, ни приветствием, начальник смерил снобистским взглядом крайне несерьезно одетого, не посоветски длинноволосого Лёву и обратился к своему комсомольскому секретарю с барско-развязной интонацией: «Іван, що це ти до нас за охламона привіз?» При этом вопрошавший не очень-то беспокоился, что «охламон», на которого он бесцеремонно смотрел, его услышит. Услышав это, Лёва заулыбался своей обаятельной улыбкой, предвидя скорое узнавание своей небезызвестной персоны и приятное удивление чванливого аборигена. Предвосхищая ту же реакцию своего начальника, Матюха тоже расплылся в хитроватой улыбке и, сдерживая душивший его смех, с патетической провинциальной конферансье произнес: «Знайомтесь – Лев Лещенко!» Перехватив и мою лукавую улыбку, «пиджак» разом взмок от такого нахального и панибратского «розыгрыша». Воспринять происходящее именно за розыгрыш в сельской глубинке, где слыхом не слыхивали о концертах Льва Лещенко в ряде городов области, было вполне естественным. Возможно также, что слишком небрежно-богемное одеяние певца не очень-то вязалось у районного чиновника с образом неизменного участника правительственных концертов и исполнителя песен партийно-патриотической тематики. Короче, не признал... Поэтому и выпалил в сердцах: «Знаєш, Ваня, пішов ти...» Тут мы все непочтительно грохнули, а начальник, ещё пуще обидевшись и еще раз выругавшись, поспешил, не прощаясь, восвояси, а мы еще долго смеялись, вспоминая этот забавный невыдуманный случай.

В самом начале своего летнего приезда Лещенко представил мне своего друга Евгения Болдина. Его жена, Людмила Болдина, была костюмером ансамбля «Мелодия». В этот раз вместо жены приехал ее муж. В смете ансамбля «Мелодия» он значился радистом с четырехрублевой ставкой за концерт. Вместе с тем Лёва представил мне Болдина как администратора «Союзконцерта». Судя по всему, Женя на самом деле был близким товарищем Левы, потому что тенью неотступно следовал за Лещенко. Последний, например, всегда просил брать с нами Женю при посещении различных кировоградских баз. О повышенном интересе практически всех столичных гастролеров к провинциальным торговым базам я уже писал. Осталось объяснить, почему автор так много места уделяет персоне какого-то администратора. Конечно, в то конкретное время у меня не было особых причин для того, чтобы присматриваться к другу известного певца. Все дело в том, что вскорости этот друг известного певца стал мужем известной певицы – Аллы Пугачевой. Сначала де-факто, причем буквально через год после описываемых событий, а потом де-юре – с 1985-го по 1993-й. Из всех браков Аллы Борисовны этот – с Евгением Борисовичем – был пока что самым продолжительным. Филиппу Киркорову, правда, удалось побить этот рекорд, но только в номинации официально зарегистрированных брачных уз (1994 – 2005). Последнее (по счету) замужество примадонны с Галкиным, конечно, может установить новое достижение по длительности совместной жизни с мужчиной сердца, но это уже будет совсем другая история, о которой, возможно, напишет кто-то другой.

Завершение второго гастрольного турне Лещенко по нашей области было слегка омрачено тем, что для ансамбля «Мелодия» не досталось билетов на московский авиарейс. Для Лёвы, конечно, местечко в самолете нашлось (Е.Болдин улетел несколькими днями раньше), а оркестрантов пришлось отправлять в Москву поездом, что в условиях летней жары и отечественных пассажирских вагонов удручило и музыкантов, и администраторов. Во взаимоотношения с ними я почувствовал холодок невысказанного недовольства. Прощаясь, я уже не надеялся увидеться с ними вновь, не говоря уже о восстановлении тех дружеских отношений, которые сложились с чудесными музыкантами. К счастью, я ошибался. Менее чем через год, когда я находился в командировке в Одессе, туда приехал на гастроли Лев Лещенко со своей «Мелодией». К моему приятному удивлению, артисты приняли меня в своих артистических уборных Дворца спорта очень радушно. Первым меня встретил Лео (Леонтий) Черняк. От него я узнал, что Лёва,

который вот-вот должен был появиться для работы во втором отделении, приехал в Одессу с одной молоденькой особой. В связи с этим Лео попросил меня не расспрашивать Лёву об «Алке» (т.е. Абдаловой, жене Лещенко). Упреждая мои возможные вопросы, он кратко пояснил: «Алка его постоянно доставала, ну сам понимаешь...» Я понял, что официально Лёва еще состоит в браке, но в данный момент очень увлечен молоденькой (лет 20-22) Ирой.

Вскоре приехали Лёва с Ирой. После обязательных московских приветственных объятий и поцелуев в щечку Лёва лаконично («Это – Ира») представил свою спутницу, объяснил ей, кто я. Переодеваясь, Лёва, в унисон своим оркестрантам, нахваливал Ире прием, оказанный ему со-товарищи на кировоградской земле, а затем, конечно же, пригласил меня послушать свой слегка обновленный репертуар.

В очередной раз судьба свела меня с Лещенко летом 1984 года. Я был аспирантом Киевского университета, а Лещенко приехал в Киев на гастроли. Я позвонил ему в номер гостиницы «Украина». Спустя шесть лет Лёва сразу же признал меня и пригласил к себе в номер. Я захватил с собой букет цветов, но подарить его пришлось не Лёве, а Ире. Той самой «одесской» Ире, ставшей к тому времени законной женой певца. Ира сварила кофе. За те неспешные несколько часов общения я впитал массу всевозможных новостей артистического бомонда. Я был буквально поражен тем, что Лещенко так щедро дарит свой досуг и дружеские откровения человеку, занимающему намного более низкую ступень в социальной иерархии, частному лицу, от которого для него уже ничего не зависит (в телефонном разговоре я сообщил Лёве, что из комсомола ушел и к организации концертов давно никакого отношения не имею). В этом плане Лещенко резко отличался от многих других звезд, которые в подобных ситуациях (порой на второй день после прощальных объятий и поцелуев) с трудом узнают вчерашних «лучших друзей», холодно и деловито разговаривают по телефону с плохо скрываемым желанием побыстрее «отшить» собеседника.

В начале декабря 1985 года Лёва вместе с Владимиром Винокуром работал в киевском Дворце спорта. Мне снова удалось с ним созвониться и Лёва без секундного промедления пригласил меня с женой и дочкой (в то время мы жили в Киеве) на один из своих концертов. Когда он встретил нас у служебного входа и повел в гримборную (которую он делил с В.Винокуром), жена, впервые видевшая певца «живьем», украдкой шепнула мне, что Лёва и впрямь намного красивее «телеэкранного Лещенко» и что при всей своей простоте держится с большим естественным досто-

*Лев Лещенко с моими дочкой
Аней и женой Таней в кулуарах
Киевского Дворца спорта,
декабрь 1985 года*

инством, как настоящий светский лев.

За восемь лет, прошедших с момента нашего знакомства, Лёва внешне практически не изменился, чего нельзя было сказать о другом моем давнем знакомце Владимире Винокуре, изрядно поседевшем и выглядевшем старше своего закадычного друга, хотя на са-

мом деле, Лева на шесть лет старше Винокура.

Мое последнее (на сегодняшний день) непосредственное общение с Левой состоялось летом 1989 года всё в том же киевском Дворце спорта, причем, как говорится, неожиданно-негаданно. Я пришел в надежде наладить творческий контакт с Геннадием Хазановым, работавшим в это время в Киеве. Но в этот день во Дворце спорта вместо концерта Хазанова проходило чествование Олега Блохина, прощавшегося с футболом в качестве игрока. Я хотел уже было уходить, но тут, к моему удивлению, я увидел идущего к служебному входу Льва Лещенко. С Хазановым (и еще с Кобзоном) в тот концертный вечер мне тоже удалось свидеться за кулисами Дворца, но мои разговоры с ними длились буквально по минуте. А вот с Лещенко случайная встреча вылилась почти в часовой душевный разговор. Это, кстати, пусть послужит еще одним (последним) штришком к портрету этого замечательного артиста и очень порядочного, доброго человека.

«Выпускник кулинарного» и его друзья

Геннадий Хазанов приезжал с концертами на Кировоградщину два лета кряду – в 1977-м и 1978 годах. В первый приезд, длившийся неделю, артист работал только в Светловодске. Во второй, тоже семидневный, – наоборот: из традиционной обоймы городов концертного тура по нашему краю Светловодск выпал. Зато посмотреть-послушать Шута и «сопровождавших его лиц»

(ансамбль «Лейся, песня!», поэта-песенника Давида Усманова, мастера разговорного жанра Альберта Писаренкова) посчастливилось жителям Знаменки, Александрии и Кировограда.

Накануне первых гастролей Хазанов заставил меня и других, причастных к организации его концертов, изрядно поволноваться. Артист должен был заехать в Светловодск в течение дня, предшествовавшего началу концертного марафона (по 4 выступления в день!). Не дождавшись ни гостя, ни каких-либо известий о нем, я с беспокойной душой ушел за полночь в свой номер светловодской турбазы «Славутич», а утром от администратора этого гостиничного комплекса узнал, что «они прибыли только в половине третьего ночи и в данный момент еще отсыпаются». В местоположении «они» я узрел одновременно и провинциальный пиетет к звезде, и вдруг реанимированную из прошлого форму, которую работники obsługi некогда употребляли, упоминая, по сегодняшней англоязычной терминологии, VIP (very important person), т.е. «очень важное лицо». Лицо у известного «разговорника» благодаря телевидению было, конечно, очень узнаваемо и уважаемо, но чтобы до такой степени! Всё, однако, оказалось намного прозаичнее, чем я нафантазировал.

Когда я вошел в номер, предназначенный для одного Хазанова, там оказалось двое постояльцев, благо, люкс представлял такую возможность без ущерба для комфорта обоих жильцов. Сразу выяснилось, что Геннадий Викторович приехал не один, а в паре со своим хорошим другом, автором многих «хазановских» миниатюр, московским писателем-сатириком Лионом Измайловым. Литератор, как впоследствии продемонстрировало его личное активное участие в концертах, оказался к тому же незаурядным исполнителем собственных монологов, и на тот момент уже избалованная многими столичными знаменитостями светловодская публика принимала авторское чтение писателем своих острых и очень смешных текстов не меньшими взрывами хохота и аплодисментов, чем самого Хазанова.

Кроме того, светловодские зрители сделали для себя еще одно приятное открытие. В первом отделении концерта работал ВИА «Краяни». В Кировограде и Знаменке этот музыкальный коллектив месяцем раньше уже успел засветиться, причем очень ярко, работая в одном концерте с комедийным дуэтом Романа Карцева и Виктора Ильченко. Позже я слышал весьма лестные отзывы И.Кобзона об этом самобытном, работавшем преимущественно «на фолке», полтавском вокально-инструментальном ансамбле. Однако вскоре виртуозных инструменталистов этого ансамбля

(один трубач Николай Лепский чего стоил!) по одному «растасили» столичные ВИА, в результате чего от известного коллектива осталось одно раскрученное название без прежнего исполнительского мастерства, а на одном только бренде, как известно, долго не продержишься.

Предлагаю читателям, однако, вернуться в гостиничный люкс. Впервые увидев воочию известного артиста, я был, без преувеличения, поражен. У меня на мгновение даже промелькнула мысль о наглой подмене Хазанова каким-то двойником-проходимцем. Конечно, не узнать примелькавшегося на телеэкранах обличья звезды было нельзя, да и голос, интонации стоявшего передо мной человека были «один к одному» хазановские. Меня, как и всех прочих, с кем я потом делился этим своим первым впечатлением о «выпускнике кулинарного техникума», поразил его рост. Все тогдашние телепередачи с участием этого артиста (а мне кажется, я на тот момент ни одной из них не пропустил, потому что каждое выступление Хазанова на Центральном телевидении было в те годы событием) не давали представления о его маленьком росте. Скорее, наоборот: большинство телеэкранных планов и ракурсов были таковыми, что Хазанов представлялся (по крайней мере, мне) довольно высоким молодым человеком. Сам я весьма небольшого роста, но, войдя в гостиничный номер в тогда еще не вышедших из моды туфлях на платформе и, соответственно, высоченных каблуках, воспринял стоящих передо мной в шлепанцах-чешках Хазанова и одного с ним роста Измайлова как пигмеев. Они оба были, как минимум, на полголовы ниже меня!

Перед самым началом первого концерта вдруг выяснилось, что Хазанов забыл в Москве ремень, отчего брюки концертного костюма на нем плохо держались, и артисту приходилось периодически их подтягивать. Непорядок, артист занервничал. Я тут же вынул из брюк свой пояс и предложил его Геннадию. В поясе не оказалось нужного отверстия, и его пришлось спешно ковырять раздобытым у работника сцены гвоздем. После последнего концерта, возвращая мне ремень, артист, не думая ни минуты, сделал на его внутренней стороне благодарственную надпись: «Боре от всего тела. Г.Хазанов. 15.08.77».

Я не случайно привел эту надпись. Замена «души» на «тело» привнесла в нее каламбурный, юмористический оттенок. В этой надписи, смею утверждать, весь Хазанов. Он – типично маргинальная личность (в данном контексте я употребляю это определение без малейшего отрицательного смысла), т.е. человек, постоянно пребывающий в состоянии некоторого пограничья разных

поведенческих моделей, балансирующий между шуткой, ёрничаньем, стёбом, с одной стороны, и серьезными, зрелыми, где-то даже философскими рассуждениями – с другой. Беседуя с ним, каждый должен был держать ухо востро, не расслабляться, иначе рисковал стать жертвой розыгрыша, подначки. Грань между серьезным и ироничным (порой саркастичным) почти стиралась, когда Хазанов общался с артистами, особенно с коллегами по сатирико-юмористическому цеху.

Мне повезло быть свидетелем такого обоюдоострого словесного пинг-понга с Лионом Измайловым, а год спустя – с другим напарником по вторым кировоградским гастролям, Альбертом Писаренковым. Оба эти друга Хазанова – личности очень яркие и

*С Геннадием Хазановым
в Кировоградском аэропорту.
Лето 1977 года*

незаурядные, что придавало их спонтанным (и одновременно – «с понтом») пикировкам особую остроту и искрометность. В ходе взаимных дружеских подначек нередко высекались чудные остроты и оригинальные каламбуры. Попробовав несколько раз сделать из меня «шуткоотвод», но, увидев, что я тоже «на язык клепаний» и могу достойно парировать их подкол-

ки, со мной начали говорить на равных, что весьма мне льстило и стимулировало продуцирование собственных острот-экспромтов (возможно, столь же удачных). К тому же я был заядлым анекдотчиком, знал, как оказалось, много неизвестных им анекдотов, что тоже способствовало установлению между нами определенного равноправия собеседников в совместных разговорах. Вспоминается один из них, состоявшийся за обедом, которым нас угощал директор светловодской турбазы «Славутич».

В середине 1970-х годов в рейтинге популярности советских анекдотов одно из видных мест занимали анекдоты о персонаже хазановских (на самом деле, измайловских в соавторстве с Ю.Воловичем) монологов – учащемся кулинарного техникума, а также о самом Хазанове. Директор турбазы (который внешне сам был очень похож на персонажей столь же популярных анекдотов о чукчах) считал себя не только знатоком «хазановских» анекдотов (как, впрочем, и всех прочих), но и непревзойденным их рас-

сказчиком. На самом же деле в моменты «травли» анекдотов он скорее походил на задравшего голову тетерева, самозабвенно токующего и не слышащего никого, кроме самого себя. Потчужа нас самыми бородастыми и примитивными анекдотами, он сам первым заходился долгим заливистым смехом, нисколько не заботясь об адекватной реакции слушателей и произведенном эффекте. Хазанов, поняв с самого начала, с каким типом рассказчика он столкнулся, разряжая неловкость ситуации, включился в игру, исподтишка лукаво переглядываясь с остальными сотрапезниками, ёрничая и подзадоривая не унимающегося и не улавливающего ни малейшего подвоха тамаду. Причем делал он это так артистически тонко и смешно, что мы с Измайловым буквально давились от смеха, рискуя при этом реально подавиться директорскими угощениями. Хозяин застолья воспринимал наш хохот за одобрение своего подбора анекдотов и личного мастерства сказителя. В результате все остались довольны. Как писалось в отчетах о трапезах на официальных встречах советских государственных деятелей с высокими иностранными гостями, «обед прошел в теплой, дружественной обстановке».

Еще мне запомнилась беседа, состоявшаяся во время прогулки по пустынной светловодской набережной. Искренне повосхищавшись тихой ясной погодой и чудесным видом Кременчугского водохранилища (прибрежные воды в тот день были на редкость чисты от водорослей, дохлой рыбы и сопутствующих «ароматов»), Хазанов с Измайловым повели один из редких серьезных разговоров о творческих планах, о состоянии тогдашней советской эстрады и роли в ней отдельных своих коллег. Лион Измайлов, например, стал рассказывать о своей задумке написать пародию на известный роман А.Дюма. В задуманной писателем повести под названием «Четыре мушкетера» речь должна была пойти о «героях» нашего времени, которые берут не ловкостью шпак, а «ловкостью рук», изворотливостью ловчил и доставал. На излете советской эпохи эта книга (в соавторстве с В.Чебуровым) наконец-то увидела свет (1989), но ей, в плане популярности, уже ничего не светило. В газетах и журналах двух последних перестроечных лет всё было острее, предметнее и интереснее. Я, конечно, приобрел эту книжку. Но повесть, если честно, меня разочаровала, т.к. существенно уступала прошлым и грядущим измайловским эстрадным миниатюрам. А сегодня, с учетом ушедшей натуры советских времен, ее вряд ли кто моложе 40-45 лет вообще поймет без коннотаций, количество и объем которых могли бы превзойти листаж самой повести.

При перебивании косточек собратьям по цеху чаще и больше всего доставалось Евгению Петросяну, преимущественно за пошлость и примитивизм. Я не вмешивался в «разборы полетов» от мэтров жанра, не порывался защищать или оправдывать Евгения Вагановича, но мне казалось, что всем этим грешили (а сегодня – и подавно) почти все авторы и артикуляторы их творческих работ – артисты-разговорники, уж очень он, этот жанр, лёгок, а когда юмор еще и переходит в сатиру, то избегать банальностей, скользких или лобовых пассажей чрезвычайно трудно. Это удавалось разве что Ираклию Андроникову. Он, конечно, не был смехотворцем, поэтому такое сравнение заметно прихрамывает, но его юмор был рафинированно тонким и интеллигентным (но кто знает, не заносило бы и его в пошлость при поползновениях в сторону сатирических рефлексий на злобу дня?). Забавно, но судьба-злодейка порой выкидывает весьма интересные фортели: в нынешнем репертуаре Е.Петросяна имеется немало реприз Лиона Измайлова...

В этой связи так же припоминается, как во время вторых кировоградских гастролей Хазанов работал на открытой площадке парка им.Ленина (ныне – Ковалевский), да еще в дневное время. Провалом, конечно, это выступление не было, но публика воспринимала его весьма прохладно. Зайдя за кулисы, взмокший и несколько раздосадованный жиденькими аплодисментами артист сразу же начал жаловаться Альберту Писаренкову: «Я уже им от-

*С Геннадием Хазановым у входа
в Кировоградскую гостиницу «Киев».
Лето 1978 года*

кровенную пошлятину несу, а они – никакие!..» Вот так-то: своя пошлятина, оказывается, дурно не пахнет, да и не всегда помогает разогреть зрителя.

Конечно, условия и антураж работы имеют большое значение для артистов различных жанров. Расфокусированность внимания зрителя, сидящего под палящим солнцем на жестких, кривоватых брусках лавки без спинки, висящие на заборе пацаны-безбилетники с порой непочтительно-непосредственными репликами, летающие и щебечущие над головами ласточки – всё это, безусловно, не способствует успеху у слушателей текстов, лукавый смысл которых еще надо «догнать». Писаренко солидарно посочувствовал другу, но, сменив его на сцене, начал как бы доказывать обратное: для больших мастеров тяжелых зрительных залов (и в смысле зрительской публики в том числе) не бывает. Каждый выход на сцену этого очень нефактурного, неказистого артиста был предсказуемо интересен своей, извините за тавтологический каламбур, непредсказуемостью. Всё дело в том, что этот изначально цирковой клоун и музыкальный эксцентрик с начала 1970-х годов практически монополизировал на советской эстраде редкий и уникальный по сложности профессионального исполнения жанр буриме. Он и до этого звездил как конферансье московской эстрады, не имея себе равных в свободном, как сегодня бы сказали, интерактивном ведении концертов. В 1974 г. Писаренков стал лауреатом Всероссийского конкурса артистов эстрады (интересно, что в этот же год Хазанов был лауреатом параллельного проводимого, но уже Всесоюзного конкурса артистов эстрады). Альберт Писаренков вместе с Евгением Петросяном (тем самым «пошляком») и Федором Чеханковым одно время вел невероятно популярную в те годы музыкальную программу Центрального телевидения «Артлото». Но своей творческой вершины Писаренков, на мой взгляд, достиг благодаря упомянутой литературной игре, буриме, суть которой состоит в сочинении стихов, преимущественно шуточных, на заданные рифмы, иногда ещё и на заданную тему. Альберт пошел дальше: на базе одних и тех же рифм он предлагал публике несколько версий стихов, пародируя манеру исполнения стихов разными популярными поэтами! Свидетельством «высшего пилотажа» концертных номеров этого буримешника мог служить тот факт, что при каждом (!) его выступлении в обеих кулисах собирались практически все участники концерта. И в первых рядах артистического закулисья непременно стоял Геннадий Хазанов. Выступления самого Хазанова из-за кулис мало кто слушал – скучновато: одно и то же из концерта в концерт – и тек-

сты, и приёмы их донесения до публики, минимум импровизации. А вот спонтанный креатив от непревзойденного мастера буриме Писаренкова заставлял всех артистов и работников сценической площадки покидать гримборные и буфеты, чтобы услышать всегда новенькое, смешное и, как правило, талантливое. Предполагаю, что какие-то болванки-заготовки на «жестком диске» в голове у буримешника были. Я даже попытался вывести у Мастера, так ли это, и если так, то каковы они. Он не опроверг мою догадку, но раскрывать мне свои профессиональные тайны, естественно, не стал (как, наверное, и Хазанову, иначе чего б тому было выбегать к кулисе – послушать каждое выступление коллеги). При этом Писаренков заверил, что доля и роль этих домашних заготовок невелика, что в буриме гораздо большее значение имеют

*«Музицирование» с Яаком Йолой
за кулисами Кировоградского театра
им. М.Л.Кропивницкого*

накопленный за всю предыдущую жизнь интеллектуальный багаж и определенные способности, связанные со скоростью версификаторских процессов в голове человека.

Будучи «компьютерным чайником», я, тем не менее, рискну назвать это сочетание не иначе как «оперативной памятью». Видать, она у Писаренкова такова, что может посоревноваться с самыми мощными устройствами, производящими операции по комбинаторике и манипулированию данными. В 1997 году компьютер Deep Blue в серии из шести матчей победил чемпиона мира Гарри Каспарова. Не знаю, как в шахматах, а в буриме, как мне кажется, компьютер победить человека не сможет, особенно если задавать параметры игры такими же сложными, как это делает Альберт Писаренков. У компьютера, как мне кажется, не хватит вкуса, чувства юмора и пародийного таланта, которыми обладают отдельные представители вида *Homo sapiens*. Особенно если эти представители являются Личностями, к которым, безусловно, относится и Альберт Писаренков.

При всех своих выдающихся талантах (вспомним еще раз о клоунаде и музыкальной эксцентрике), Альберт Рафаилович показал себя очень простым, доступным и порядочным человеком. Когда в начале 80-х он снова приехал в Кировоград в одной кон-

цертной бригаде с популярными тогда эстонскими артистами Яаком Йолой и группой «Апельсин», я все дни его гастролей (проходивших в театре им. Кропивницкого) проводил в обществе этого интереснейшего во всех отношениях человека.

Писаренков однозначно не был «нужником», т.е. субъектом, который поддерживает отношения только с теми, от кого ему что-то нужно. Зная, что я ушел из комсомола и стал простым вузовским ассистентом, он уделял мне почти все свое свободное время гастролера: совершал совместные прогулки по городу, съездил в гости к моим товарищам на дружеское застолье. Уже тогда он в открытую признавался, что собирается эмигрировать в США, что и сделал в 1987 году. Мой последний с ним разговор состоялся по телефону в конце 1985 года, когда я привозил своему оппоненту в Москву готовую к защите диссертацию. Он рассказывал, как в 1981 году провожал в эмиграцию М. Шуфутинского, как сам собирается «сваливать» и какие жизненные осложнения терпит в этой связи от Софьи Власовны (диссидентский эвфемизм, шифровавший словосочетание «советская власть»). Шуфутинский, как известно, вернулся, причем с триумфом, а о творческой судьбе Писаренкова в Америке мне достоверно ничего неизвестно. Доходили слухи, что он по-прежнему развлекает публику в каком-то нью-йоркском ресторане. Не знаю. Знаю лишь, что в духовно-культурном плане и он, и его исконная Родина, несомненно, многое потеряли в ре-

*Геннадий Хазанов
“хорохорится”.*

Кировоград, лето 1978 года

зультате известных объективных исторических процессов и не до конца верно просчитанных (даже с головой-компьютером) субъективных решений...

А что же Хазанов, главный герой этого очерка? Его жизнь в искусстве тоже сделала головокружительный кульбит, в результате которого Геннадий Викторович с эстрадной сцены перелетел на театральные подмостки. И опять баланс в соотношении объективного и субъективного в этом переломе творческой судьбы спорен и загадочен. Сам Хазанов на подобные расспросы отвечает упоминанием обоих факторов. Мол, социально-экономическая си-

туация в стране стала таковой, что «фига в кармане» перестала быть запретным плодом, что соревноваться с медиа-продукцией в остроте обличений и бичеваний для эстрады стало заведомо проигрышным делом, что это дезориентировало авторов, пишущих юмористические и сатирические тексты для артистов разговорного жанра, и спровоцировало всплеск пошлой псевдолитературной халтуры. Эти обстоятельства, якобы, обусловили также повышенный зрительский запрос на обнаженную попсовую похабщину, и что дальше играть в эти игры ему, мэтру с утонченным вкусом, не комильфо. Ну что ж, со многим тут можно согласиться. Но к этому можно было бы добавить, что Хазанов, как мне кажется, боится признаться нам, что к моменту принятия им судьбоносного решения появилась целая плеяда замечательных мастеров... хотел написать «разговорного жанра», но вовремя поправил себя – правильное: «разговорно-певческо-циркового жанра». С этими комплексно экипированными, а, главное, очень одаренными и синтетически разносторонними комиками стареющей легенде эстрадных реприз выдерживать конкуренцию становилось все труднее и труднее. Главное, что в этом он признался самому себе, тому Хазанову, который в лучшие свои годы привык быть общепризнанным первым номером при исполнении каждого своего номера, как на реальной эстрадной сцене филармонии/Дворца спорта/стадиона, так и в растиражированном формате практически одноканально-безальтернативного для населения огромной страны телевидения и радио. Хазанов, безусловно, лицедей очень крупного калибра, но и «на театре», и в кинематографе он вряд ли станет вровень с самыми лучшими актерами. Наркотик (огромной славы) кончился, началась ломка, и не заметить ее нельзя, в каких бы он жюри не сидел и какие бы новые звания и ордена не получал. У меня сегодняшний Хазанов, почему-то, ассоциируется с образом печального Пьеро. Этому, попавшему впросак любовнику изменила Муза, отдав предпочтение более удачливому и молодому избраннику – Арлекино (например, Максиму Галкину). Пьеро-Хазанов страдает, хорохорится, менторствует, но образ его от этого становится еще печаленее.

Такое вот невеселое окончание рассказа о человеке, который подарил нам столько веселого смеха...

САМОЦВЕТЫ

Поначалу я хотел это название закавычить и поведать только об одном очень популярном в 1970 – 1980-х годах вокально-инструментальном ансамбле «Самоцветы». И я бы наверняка «наскреб» воспоминаний и размышлений о нем на пусть небольшую, но все-таки суверенную главу в затеянном «мемуарном проекте». Но, перебирая в памяти участников этого ВИА образца середины 1977 года, последующие зигзаги и перипетии их творческих биографий, а также тех артистов, которые работали в одних с ними концертных «сборных солянках», в один и тот же период времени, на одних и тех же сценах, я решил под это яркое и ёмкое определение подверстать рассказы и мини-портреты целого ряда артистов из разных рядов и эшелонов советской эстрады. Ведь самоцветы бывают разными: прозрачно-бесцветными и цветными, менее ценными и такими, что шли на украшение регалий и одежд царей, королей и прочих особ голубых кровей. Так и артисты: одни на подпевках и подтанцовках, другие солисты, а некоторые и вообще супер- и мегазвезды.

*С солистом ВИА «Самоцветы»
Сергеем Беликовым*

Ну вот, например, тот же ВИА «Самоцветы». Кто только не прошел через коллектив, костюмы участников которого были усыпаны бижутерными самоцветами! Взять хотя бы таких знаковых инструменталистов, певцов и композиторов, как Юрий Маликов (создатель и многолетний руководитель), Александр Барыкин, Евгений Казанцев, Валерий Хабазин, Вячеслав Добрынин, Сергей Беликов, Алексей Глызин, Елена и Владимир (старший) Пресняковы, Аркадий Хоралов, Владимир Кузьмин, певец и пародист Владимир Винокур... Например, этого, последнего. Last but not least

*«Самоцветы» на стадионе пгт Новгородка, лето 1977 года.
За спиной С.Беликова – А.Хоралов, справа от В.Винокура – А. Глызин*

(последнего по счету, но не по важности), как сказал английский поэт Эдмунд Спенсер. С первого же просмотренного концерта Винокура в составе «Самоцветов» я понял: этот никому тогда не известный пародист далеко пойдет. И пошел. Но для этого сначала ушел. Из «Самоцветов» Винокур уходит в свободное плавание, и уже в следующем, 1978 году он со своим личным аккомпаниатором (на тот момент пианисткой Тахтаровой) снова «приплывает» в степную Кировоградщину. Еще не морским волком, но и не волчонком, а уже очень раскрученным (всего-то за год!) телеперсонажем. Он уже в состоянии делать аншлаговые сборы, даже на больших концертных площадках. И он это прекрасно понимает. Когда, работая в сборном концерте на кировоградском стадионе, он узнает, что артисту Юрию Григорьеву, работающему в жанре звукоимитации и пародии, за концерт начислена гораздо большая, чем ему сумма, начинает выяснять со мной отношения: как же, мол, так, публика идет на меня, а намного менее известному Григорьеву вы (обком комсомола) платите больше. Обидно, понимаешь! Вот на Западе... Да, знаю, слышал, но мы же не на Западе, а в Совдепии. Пришлось оправдываться, поясняя то, что он и сам прекрасно знал: Григорьев – заслуженный артист РСФСР (Вино-

кур же на тот момент без официальных регалий), у него в аттестате стоит большая разовая ставка. Морально я сам на стороне Винокура, прекрасно знаю правоту претензий и обид Владимира Натановича. В основном он (а не Григорьев, ВИА «Веселые ребята», работавшие в этом же концерте) обеспечивал львиную долю аншлаговых сборов, максимально возможную выручку. Для бухгалтера понятия «популярность», «раскрученность», «слава», «звезда» и прочие нематериальные вещи – пустой звук. Ты под эти виртуальные активы вынь да положи бумагу с подписью да печатью, а без такого документального подтверждения получай то, что указано в аттестате артиста или в смете гастролирующей бригады. Всё остальное – «разговоры в пользу бедных». После концерта, тут же на трибуне, в ложе для начальства, мы приливаем успешно отработанный «стадион». Винокур расслабляется, смягчается, конфликт гасится «огненной водой». Главным нашим примирителем, инициатором-организатором фуршета и модератором в той неслучайной «духовной» составляющей выпивки под названием «А поговорить?» выступает Евгений Суслов.

*Владимир Винокур
периода работы в ВИА «Самоцветы».
Новгородка, лето 1977 г.*

Евгений Яковлевич утешает Винокура тем, что за конферанс всего концерта ему заплатят еще меньше, а он тоже не последний по популярности человек в стране. Действительно, Евгений Яковлевич был не простым телевизионным диктором. Он был ведущим таких официальных и знаковых программ, как «Время» (вел ее с первых выпусков), «Голубой огонек», многих больших концертов, транслируемых из Колонного зала Дома Союзов, Кремлевского Дворца Съездов с участием самых крупных советских мастеров сцены. Он долгие годы был «голосом» военных парадов, майских шествий и ноябрьских демонстраций. Короче, живая легенда. И эта легенда, как я впоследствии понял, оживлялась особенно энергично, когда появлялся шанс или повод подзарядить себя чем-нибудь из кладовых Бахуса. И на Кировоградской таких

*На трибуне Кировоградского стадиона, 1978.
П.Слободкин делает «рожки» Е.Суслову, я – В.Винокуру.
Слева внизу – Ю.Григорьев*

шансов было побольше, потому как при каждом визите в нашу область возле Суслова тотчас объявлялся его армейский сослуживец. Фамилия его, по-моему, была Савченко и, если я не ошибаюсь, он был работником какого-то автотранспортного предприятия, вроде бы александрийского. Друзья на весь период гастролей не давали друг другу засохнуть, отчего ведущий концерты Суслов мог так «поскользнуться», что многие за кулисами сразу бы взмокли, а от некоторых ответработников могло не остаться и мокрого места (прочитав до конца заметку о Суслове, поймете, что я, ради красного каламбура, не очень-то и преувеличиваю). Помню, как перед самым началом концерта (то ли в Светловодске, то ли в Александрии) уже распевавшаяся Клавдия Ивановна Шульженко просила меня под каким-нибудь предлогом не выпускать на сцену уже распившегося Евгения Яковлевича. Легендарная певица, во-первых, не хотела портить отношений с человеком, который еще совсем недавно вел несколько ее «сольников» на лучших площадках Москвы. Во-вторых, она опасалась, что «слава» возможного скандала опосредованно коснется и ее как участницу этого сборного концерта. Мне еще более неловко было бы читать антиалкогольные нотации известному и существенно старшему меня человеку, не

говоря уже о препятствовании его работе. Кроме всего прочего, в трудовом договоре, заключенном с ним, не оговаривались подобные ситуации. Суслов все же «на автопилоте» отработал весь концерт, благо, тот проходил на стадионе, и сценические подмостки были сооружены на достаточно большом расстоянии от зрительских трибун, поэтому публика не учуяла и не узрела истинного состояния, в котором пребывал ведущий концерта. Вообще и в целом Евгений Яковлевич оставил о себе очень неплохое впечатление. Не зазнайка, не зануда. Скорее, наоборот: жизнелюб (в т.ч., говаривали, женолюб), компанейский весельчак, острослов. Как мастерски он рассказывал анекдоты, а каким талантливым и благодарным слушателем чужих анекдотов был сам! Он мог тонко подшутить над коллегами, но так же необычайно благосклонно и необидчиво принимал подколки в свой адрес. Обратной стороной его равнодушия к спиртному была невиданная и порой даже пугавшая меня откровенность и доверчивость. Однажды, навеселе, он в машине всю дорогу из Знаменки в Кировоград рассказывал мне анекдоты о Брежневе голосом (один к одному – артист!) Леонида Ильича. Если бы такое случилось в первый день нашего знакомства, я бы страшно испугался и воспринял бы это как «проверку на дорогах», спланированную «органами» против меня, комсомольского работника, как грубую провокацию. Ведь явную антисоветчину гнал не какой-нибудь подвыпивший актёршник из захудалого Мухосранска (любимое нарицательное название глухой провинции у столичных гастролеров-зазнаек), а один из глав-

*Евгений Суслов (справа)
на стадионе пгт Новгородка. Лето 1977 года*

*Валерий Ободзинский
на стадионе пгт Новгородка, 1977 год.
Слева – А.Елисаветский*

ных ретрансляторов официальной кремлевской пропаганды. «В Политбюро ЦК КПСС...» – такое доверялось вещать на советском ЦТ не каждому. В США главные ведущие телевизионных каналов носят имя «человек-якорь» (anchorman). Когда я в шутку обратился к Суслову: «Евгений Якоревич», он поначалу подумал, что у меня случилась дислексия (ну, типа вместо «броненосец Потёмкин» у меня вырвалось «бронетёмкин Поносец»). Но когда я объяснил ему подноготную каламбура, он воспринял его с улыбкой и интересом.

В свою очередь, я узнал от Евгения Яковлевича немало интересных фактов, о которых нельзя было доведаться ни в одном официальном источнике информации. Например, он мне рассказал, что главная советская информационная телепрограмма «Время», якобы выходявшая вживую в эфир в 21:00, на самом деле записывалась в 12 часов дня. Не для того ли, чтобы всесторонне проверенный, допущенный, но вдруг перед эфиром «дёрнувший» и отвязавшийся диктор Евгений Суслов не выкрикнул что-то изобличительно-непочтительное о главном партийном идеологе Михаиле Суслове или (о, ужас!) не брякнул какой-нибудь анекдот о Брежневе голосом самого же «Бровеносца в потёмках»?

Во время своего первого приезда на кировоградские гастроли Е.Суслов работал в одной бригаде с артистом, чьи сольные концерты он несколько раз вел на главных московских сценах – Валерием Ободзинским.

Ровно через десять лет, как впоследствии грустно шутил певец, он «завязал со сценой и начал завязывать галстуки», что расшифровывается следующим образом: в 1987 году сорокапятилетний артист ушел со сцены и стал работать сторожем на галстучной

фабрике, где потихоньку спивался и опускался. В начале 1990-х Валерий Владимирович пытается всплыть: записывает альбом песен Александра Вертинского и даже возобновляет концертно-певческую деятельность, но вскоре умирает, прожив всего лишь 55 лет. Но в июне-июле 1977 года он, естественно, такие повороты и краткость своего жизненного пути вряд ли мог предположить. Да, он уже был не тот кумир публики, особенно женской (благодаря мягкому, сладкому тенору и репертуару, в котором преобладала любовная лирика, не говоря уже про горячий темперамент, который просто «пёр» из него при исполнении каждой песни). Однако изрядная доля сборов и выручки в каждом концерте тура, несомненно, обеспечивалась этой, еще до конца не остывшей звездой 1960-х – начала 1970-х годов. Тогда по популярности Ободзинского мало кто превосходил, разве что «его превосходительство» Муслим Магомаев. Такие хиты, как «Эти глаза напротив», «Восточная песня», «Колдовство», «Вечная весна», «Мираж» в исполнении этого сладкоголосого певца неслись из проигрывателей и магнитофонов в миллионах квартир, на танцплощадках и пляжах, в кафе и ресторанах. В силу этого власти Ободзинского терпели, хорошо зарабатывали на тиражировании его грамзаписей и с непременно аншлаговых сборов от многочисленных концертов певца, но особо не привлекали и на правительственные концерты практически не приглашали – репертуаром не вышел. Всё это, как мне кажется, шло певцу на подпорку, формируя личность, которая показалась мне изрядно закомплексованной в плане недооцененности, обиженности и даже какой-то гонимости. В нем неприкрытая пижонская понтовитость сочеталась с заметной душевной уязвимостью и незащищенностью человека, ожидающего незаслуженной хулы, а то и предательского удара в спину. Он продолжал вести себя как капризный кумир, хотя почва для этого уже уходила из-под его ног. Кировоградская публика всё еще неплохо его принимает, но без прежнего, ранее привычного для артиста фанатизма. Понимая это и как бы оправдываясь передо мной, он, пока звучат первые такты вступления последней, самой забойной песни, заявляет: «А вот сейчас я их порву!» «Их» – это публику. Его последняя наркотическая надежда – «Старый гриф-стервятник». Это песня из американского кинофильма «Золото Маккенны». В СССР лента выходит в прокат в 1974 году. Фильм не только дублировали (как все закупаемые тогда иностранные киноленты), но и сделали свою собственную версию главной песни, снабдив ее новым авторским текстом Леонида Дербенёва. А исполнил ее Валерий Ободзинский. Песня получила собственную

жизнь. Кроме как вместе с фильмом, ее крутили отдельно, да так, что раскрутили до статуса советского суперхита середины 70-х годов. И вот на этой почве Ободзинский хотел подняться в глазах (и ушах) публики до величины своего прежнего богатырского творческого роста. При исполнении этой финальной песни Ободзинский выкладывался максимально, и публика благодарно откликалась на этот эмоциональный порыв артиста, нередко вызывая его на бис. Хит уже на излете, но песня еще полностью не отцвела, принимается по-прежнему с благосклонностью, а тут еще такие эмоции исполнителя, немного даже с перехлестом. Конечно, голос у Ободзинского еще есть. И голос, что ни говори, красивый и приятный, но мне тогда показалось, что на верхах у певца появилась какая-то плоскость и задавленность, как у артиста из «самodelки» (вспомнилось любимое словечко из лексикона Л.Лещенко). Мне даже почудилось, что в некоторых «подъездах» Ободзинский не дотягивал, не выходил на нужную ноту. Впрочем, я не музыкальный критик, просто «музыкой наваяло»...

Бывалый

Определенную поведенческую аналогию с Ободзинским я увидел у такого, казалось бы, далекого, почти полярного по всем внешним признакам человека, артиста кино – Евгения Моргунова. Ну что, подумает читатель, может быть общего между невысоким, щупловатым, слащавым тенором и необъятным мужланом по кличке «Бывалый», похожим на бывшего боксера-супертяжа, способного в клинче откусить сопернику ухо или, как минимум, на участника телепроекта «Зважені та щасливі»? Во-первых, те же фантомные душевные боли человека, потерявшего недавнюю пиковую популярность, и осознание того, что былую славу уже не вернуть, та же ломка, тот же комплекс обиженности и обойденности. Может, он начал зарождаться еще с того времени, когда его выдвигали на Сталинскую премию в числе прочих создателей «Молодой гвардии», идеологически культовой кинокартины конца сороковых годов. «Вычеркнули, гады, я ведь играл предателя Стаховича», – любил мазохистски расковыривать свою душевную рану актер при каждом возлиянии. А хорошенько выпить да закусить нашармачка он, диабетик, возможности не упускал. Не знаю, болел ли диабетом Ободзинский, но пристрастие к спиртному их точно роднило – это во-вторых. А в-третьих – такое же хвастливо-пижонское поведение, правда, у Моргунова оно ещё приправлялось наглечой и простецко-хамовитыми, порой

беспардонными шуточками и розыгрышами. О подобных людях в народе говорят: такой не только своего не упустит, но еще и чужое прихватит. Помнится, как Моргунов выхвалялся своей дружбой с Игорем Щёлоковым, сыном тогдашнего министра внутренних дел СССР. Игорька, как сына друга Л.И.Брежнева, конечно же, пристроили на хорошую трамплинную должность – заведующего отделом ЦК ВЛКСМ. Судя по рассказам Моргунова, яблоко от яблони не далеко откатилось. Сынуля, если верить рассказчику, даже в строгие советские времена «крутил такие колеса», что и нынешние мажоры бы обзавидовались. До масштабов дел впоследствии застрелившегося папы ему, конечно, было далековато, но для комсомольского функционера было более чем достаточно. На пятом году своей профессиональной работы в комсомоле мне казалось, что о Всесоюзном ленинском союзе молодежи я уже все знаю, но после рассказов Евгения Александровича понял, что в этом предположении я на свой счет очень обольщался. Про себя я цокал языком и качал головой, но вида не подавал, потому что артист рассказывал о левых, неправых и прочих сомнительных делишках Игорёшки без малейшей тени осуждения, укоризны или сожаления. Наоборот, он хвастался своей посвященностью, допущенностью, а то и определенным в них соучастием. А чего, мол, строить из себя святошу, ведь он рассказывает не какому-то про-

*Евгений Моргунов
на Светловодской сцене*

стаку из народа, а такому же, как Игорь Щёлоков, комсомольскому работнику, пусть и невысокого ранга. Своей доверительностью он как бы оказывал мне честь, которой не устаивал простых смертных. Я бы сильно покривил душой, если бы заявил, что от подобных откровений меня стошнило или, что еще смешнее, я начал думать о выходе из рядов ВЛКСМ и «переходе на работу по специальности». Увы, в те застойные времена веры в комсомольские и коммунистические идеалы уже стеснялись, даже показной, не говоря уже о настоящей, и особенно этим грешили номенклатурные работники. Да, на очередной пьянке в комитете комсомола или

на природе после первой же чарки водки они, толком не прожевав вареника и не утерев сметаны с подбородка, страстно затягивали «...единственный друг, дорогой комсомол...», но не в силу беззаветной преданности идее или организации, а только потому, что ударная комсомольская (нет, не стройка) доза очень быстро доводила до состояния «ой, сейчас запою!» Впрочем, обо всем этом подробно и, поверьте, правдиво поведал Ю.Поляков в «ЧП районного масштаба». Короче, «Я жил в такие времена!..», как пелось еще в одной идейной песне. А Евгений Моргунов еще больше в них жил, и большинство ролей, которые он сыграл, были как раз очень даже идейными. Но ни одна из них не оставила какого-нибудь следа в памяти потомков. А вот Бывалый из четырех культовых гайдаевских комедий («Самогонщики», «Пёс Барбос и необычный кросс», «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница, или новые приключения Шурика») да еще поэт Соев из «Покровских ворот» наверняка войдут в золотой фонд фильмографии Евгения Моргунова, останутся навсегда в истории лучших лент советского кинематографа.

В отличие от идейно правильных, но ходульных героев, в комедийных ролях он предстал перед зрителем не как дешевый поделочный самоцвет, а как по-настоящему драгоценный камень – в полную мощь своего актерского дарования: талантливо, ярко и, главное, правдиво. Может, потому, что сыграл самого себя?

Артисты-шахматисты

Вот кого было трудно заподозрить, что они играют самих себя, так это Романа Карцева и Виктора Ильченко. В афишах и анонсах их, как правило, в такой последовательности, а не по алфавиту, и представляли. Попробуйте, кстати, и сегодня «забить» в любой интернетовский поисковик эти два громких имени в обратном порядке – все равно Всемирная паутина выдаст (в т.ч. в значении «предательски раскроет») иерархию признания публикой талантливости партнеров по комедийному дуэту. Если прибегнуть к научной терминологии, то совместную жизнь в искусстве этих двух известных одесситов можно назвать мутуализмом, т.е. взаимовыгодным симбиозом. Все остальные виды симбиоза бывают или выгодными одному, но вредными другому (паразитизм), или полезными одному, но безразличными другому, или вредными одному, но безразличными другому. В этом творческом тандеме никто ни на ком не паразитировал, никто не мог быть вредным или безразличным по отношению к другому симбионту. Более

того, это было не просто взаимовыгодное отношение друг к другу двух мастеров одного большого дела. Такие взаимоотношения иначе как настоящей мужской дружбой не назовешь. Ранний уход из жизни Виктора Ильченко в некоторой степени негативно сказался на дальнейшей сольной творческой деятельности и популярности Романа Карцева. И всё же, по мнению большинства специалистов и простых зрителей, Карцев был помощнее из этих двух пристяжных в чудо-тройке, коренником в которой, безусловно, был автор их многочисленных реприз Михаил Жванецкий. Он, кстати, приезжал в Кировоград и по-актерски успешно соучаствовал в их концертах своими отдельными авторскими монологами, но, увы, еще до моего прихода на должность, связанную в обкоме комсомола с культурно-массовой работой. Когда я встретил в аэропорту Карцева и Ильченко, они по дороге в гостиницу начали еще в машине дотошно расспрашивать, слыхал ли я уже ту или иную их вещь. Они приводили несколько ключевых фраз из одной или другой своей (т.е. Жванецкого) миниатюры, и я всякий раз продолжал, порой, очень близко к оригинальному тексту. «Слушай, Витя, да они тут знают весь наш репертуар!» – скорее с огорчением, чем с тщеславным удовлетворением констатировал Карцев, обращаясь к напарнику. И только тогда я понял, что артисты, во избежание сценических повторов, выясняют, что же они читали у нас во время прошлого приезда. Я начал успокаивать гостей, поясняя, что во время их предыдущих гастролей я находился в Киеве на учебе, а у моего соседа по общежитию на двух магнитофонных бобинах было «полное собрание сочинений» Жванецкого в исполнении Карцева и Ильченко. Владелец магнитофона, Володя Колодяжный, крутил эти записи так часто, что я запомнил все диалоги почти дословно. Поэтому я успокоил артистов: вам, мол, не стоит обращать внимания на мою осведомленность. А еще я пообещал им оперативно найти и расспросить зрителей их предыдущих кировоградских концертов, что же действительно было в тогдашнем репертуаре одесситов. А репертуар у них с 1969 года был наработан немалый. После ухода от Аркадия Райкина, где они всего лишь подыгрывали мэтру сатирического жанра, и создания собственного Одесского театра миниатюр, Жванецкий довольно за короткий срок написал для популяризаторов своего творчества три полновесные программы: «Как пройти на Дерибасовскую», «Встретились и разбежались», «Искренне ваш». Редко и очень фрагментарно в многочисленных ролевых перевоплощениях Карцева и Ильченко можно было уловить настоящее Alter ego каждого из актеров.

Повторюсь: они играли не себя, а внешне, и, главное, внутренне чуждых им людей. Может быть, потому, что в шкуре «чужих» они вернее становились «своими в доску» для многих наших зрителей. Ильченко часто играл органично чуждых ему туповатых, лишенных чувства юмора персонажей, хотя в реальной жизни он был талантливым инженером и в 25 лет – начальником испытаний отдела новой техники Одесского пароходства.

Карцев, так тот вообще выступал под чужой фамилией. Этот псевдоним, как он философски рассуждал, позволял ему быть более органично воспринятым в образе и болвана, и алкоголика (как, например, в знаменитой сценке «Собрание на ликеро-водочном заводе»). Если тебя зовут Роман Аншелевич Кац (настоящие ФИО Карцева), то как убедительно не играй запойного пьяницу, простоватый обыватель может уподобиться утонченному режиссеру Станиславскому и заявить: «Не верю!» До науськивающих команд «Чужой!» в СССР доходило нечасто, но бывало, чего греха таить. Вот мастера искусств и таили под псевдонимами настоящие фамилии, имена и отчества. Кинорежиссер Михаил Ромм в 1965 году поставил знаковый документальный фильм «Обыкновенный фашизм». А если б ему позволили («Эт вряд ли...», как говаривал красноармеец Сухов), то мог бы снять и о нашенских реалиях не менее талантливый сиквел «Обыкновенная ксенофобия». Википедия, например, так трактует это понятие. «Ксенофобия — страх или ненависть к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному; восприятие чужого как непонятного, непостижимого, и поэтому опасного и враждебного. Воздвигнутая в ранг мировоззрения, может стать причиной вражды по принципу национального, религиозного или социального деления людей». Например, в Личных листках по учету кадров и разнообразных анкетах, кроме национальности, надо было обязательно указать свое

Малой, Сухой и Писатель

социальное происхождение. Так и подмывало, порой, для наших социалдарвинистов написать «Из обезьян». Но, зная, что после этого из меня «сделают мартышку», я благоразумно воздерживался. О сексуальной

ориентации в анкетах, естественно, не спрашивали. Какой же камикадзе добровольно подставится под уголовную статью! Многие конфессии у нас тоже были объявлены враждебно чужими. Иноверцев «исправляли» и изводили в лагерях и тюрьмах. Картины и скульптуры всяких там абстракционистов и прочих «пидорасов», как величал их руководитель страны Н.С.Хрущев, всего лишь стребали и трошили бульдозерами, а «чужие по духу» литературные произведения пускались под утилизационный нож. Благо, до настоящих «длинных ножей», которыми резали гугенотов, дело не доходило. Короче, у нас тогда «стояла тихая варфоломеевская ночь». Официально победивший и процветающий братский интернационализм выкидывал такие махровые цветочки, как анекдоты о неграх, чукчах, молдованах, армянах, хохлах, кацапах и прочих чужих расах и народностях. И среди этих самоцветов ксенофобии настоящей жемчужиной был, конечно, антисемитизм. Поэтому «инвалид пятой графы» (молодым – на заметку: в упомянутом выше кадровом Листке пятым пунктом была графа «национальность»), артист с неприличной для нашей страны фамилией Кац решил стать Карцевым. «Я без псевдонима, как Кобзон без парика» – грустно шутил Роман Аншелевич (в миру – Андреевич). У него на эту тему была масса анекдотов – и тех, в которых над евреями подтрунивают, порой очень едко, и тех, в которых изобличается и высмеивается советский государственный антисемитизм. Из последних запомнился по-актерски блестяще исполненный Карцевым такой анекдот. Лето, жара, все окна в уютном одесском дворике настезь; мужики за дворовым доминошным столиком «забивают козла». Вдруг один из них хватается другого за грудки и со всей страстью южного темперамента начинает громко кричать, повторяя один и тот же вопрос: «Это ты сказал «жид»?!! Это ты сказал «жид»?!!... На веранду второго этажа выходит жена крикуна и осаждает взбесившегося мужа: «Лёва, да успокойся ты! Это по радио!» Конечно, это гипербола. Ни по радио, ни в других советских средствах массовой информации не присутствовало подобных неуважительных прозвищ. Но в этой шутке, как говорится, была большая доля шутки, все остальное – правда. Иначе никто б не брал псевдонимов.

Свою книгу мемуаров, посвященную тройке Жванецкого (если воспользоваться хоккейной терминологией), Карцев назвал «Малой, Сухой и Писатель. Записки престарелого сорванца». Понятно, о ком, понятно, кто есть кто. Если бы мне предложили придумать для артистов этого дуэта (третьего, Писателя, лично я не знал) какие-нибудь прозвища, то я бы, без сомнения, прозвал

их шахматистами. И между концертами, и во время выступлений других артистов эта звёздная пара почти непрерывно играла в шахматы. Партию за партией. Подозреваю, что и в гостинице они много времени проводили за шахматной доской. Судя по моим наблюдениям за их бесконечными баталиями, они, несомненно, играли лучше меня. Даже для любителя я шахматист довольно посредственный, поэтому не могу адекватно оценить уровень их мастерства. Но в игре и подыгрывании другу другу на сцене они, смею утверждать, были большими мастерами. И при всем уважении к артистическим способностям Жванецкого, они, безусловно, играли его миниатюры намного профессиональнее, используя значительно больший арсенал средств и методов донесения до зрителя смешного и трагикомичного, лиричного и драматичного. Они могли держать и театральную паузу, и «жванецкий» (мой неологизм-определение, выраженный не прилагательным или причастием, а именем собственным – от украинского слова «жвавий») темпоритм, проявлявшийся в живости реакции, экспрессивной манере речи, энергичности жестикულიрования, скорости ментальной реакции и перемещения в пространстве, заданных в миниатюрах Мих Мих, их автора и друга. Карцев и Ильченко считали, что они исполняли не репризы, а настоящие мини-постановки, что это уже была не эстрада, а настоящий театр. Возможно, тем более что они оба действительно были актерами ряда театров миниатюр. Начинали в 1961 году в Ленинградском Театре миниатюр Аркадия Райкина. Через восемь лет Малой, Сухой и Писатель создают в Одессе свой Одесский театр миниатюр. В 1979 году переходят в Московский театр миниатюр, как раз в год переименования его в театр «Эрмитаж». Такие вот, хоть и «миниатюристы», но актеры театра. Я не искусствовед и поэтому не берусь судить, есть ли основания для такой терминологической нюансировки, при которой обоих героев этой части очерка можно было бы сохранить в файле памяти под именем «актёры», а не «артисты» (претензии на такую смысловую дифференциацию я улавливал в высказываниях Карцева). Главное, что об этих талантливых артистах (пардон, актерах) я сохранил добрую память. А вот фотографий с ними у меня не сохранилось. А жаль.

Пан Зюзя

У Зиновия Высоковского, следующего героя моих воспоминаний, оказалось немало общего с двумя предыдущими персонажами. Он также начинал свою творческую деятельность в театре

миниатюр. И тоже в 1961 году. Правда, театр был другой, московский, и к тому же Высоковский, в отличие от бывших участников самодеятельного студенческого театра «Парнас-2» при одесском институте инженеров морского флота Карцева и Ильченко, пришел на сцену уже, можно сказать, «патентованным» актером – с дипломом престижного Высшего театрального училища имени Б. В. Шукина. Однако Карцев потом, в 1972-м, заочно окончил актёрский факультет ГИТИСа. Вот Ильченко – тот формально так и остался артистом «самоделки», хотя ему и присвоили в 1990 году звание «Заслуженный артист РСФСР», которое, полагаю, перебьет диплом любого советского театрального вуза. Зато его роднило с Высоковским базовое высшее техническое образование: по первому диплому он тоже инженер. До «Щуки» Высоковский закончил Таганрогский радиотехнический институт и успел год поработать по специальности. Больше всего всех троих роднило то, что они служили в храме Талии. После театра миниатюр Высоковский работал в поднадзорном Талии Московском Театре сатиры. Известно, что Талия – муза комедии и легкой поэзии, поэтому неудивительно, что Высоковский изменял театру с легковесной эстрадой, на которой успешно комедиантствовал. Да так, что его эстрадная слава превзошла театральную. Это было характерным для большинства актеров этого прославленного коллектива. Многие в Театр сатиры ходили не столько благодаря его классическому комедийному репертуару, сколько из-за необычайной киношной, телевизионной и эстрадной раскрученности звездного состава труппы. Немало театралов адресно «ходили на Высоковского», так же, как и на других, не менее, а то и еще более популярных актеров, занятых в том или ином спектакле. Во время кировоградских гастролей Высоковский легко делал аншлаговые сборы именно благодаря своему большому теле-пиару, а не потому, что он был актером популярного московского театра, тем более не ведущим, второго плана. Благодаря участию в уже упомянутых концертах ко Дню милиции, «телефонным монологам интеллигента» из вытрезвителя со своей женой Люльком, эстрадным версиям монолога Аптекаря из спектакля Театра сатиры «Интервенция» Высоковский к концу 1970-х годов наработал заслуженную популярность как талантливый мастер разговорного жанра. Но главной его фишкой, безусловно, было участие в долгоиграющем сериальном телепроекте ЦТ «Кабачок «13 стульев» в роли «зайцевода», писателя-графомана пана Зюзи.

«Чужого» Аптекаря (автор – драматург Лев Славин) Высоковский каждый раз самостоятельно и основательно перерабатывал

*С Зиновием Высоковским
в кабинете директора
Кировоградской филармонии, 1978*

под тематическую специфику того или иного концерта, а тексты для пана Зюзи сочинял исключительно сам. По сути он был не только актером, но и талантливым писателем-юмористом (и сатириком, в рамках дозволенного цензурой). Правда, я несколько раз ловил его на использовании известных литгизетовских фраз и замечток из стенгазеты «Рога и копыта», позаимство-

ванных без ссылок на авторов. Хотя в Рапортчике от него не требовалось указывать, кто написал ту или иную звучащую со сцены «хохму» (за исключением создателя Люлька – В.Тихвинского), но чужие «инкрустации» в преимущественно оригинальных текстах Высоковского, безусловно, воспринимались публикой как его авторские. И такое мягкое пиратство сходило ему с рук. Но в целом он был очень креативен и реактивен в плане спонтанного остроумного реагирования на различные ситуации или чужие реплики. Как-то мы решили пригубить с ним по рюмочке, узнав, что родились в один день (но с разницей в 17 лет), после чего я предложил ему позвонить заведующей общим отделом обкома комсомола Лилии Чубко, которую многие коллеги, благодаря Высоковскому, звали Люльком. Надо было слышать, как он, войдя в образ, с ней разговаривал и уговаривал встретиться и познакомиться поближе! Он фонтанировал остротами и каламбурами высшей пробы. На удивление Зюзи, Люлек взаимностью ему не ответила, но вниманием звезды, полагаю, была польщена.

Высоковский был не только непревзойденным рассказчиком анекдотов, но и их сочинителем. Зиновий Моисеевич этим очень гордился и любил поделиться-похвастаться лучшими своими анекдотами. А лучшими, что закономерно, были анекдоты по его первой специальности (инженера по автоматике и космической телемеханике), по первой и последней его национальности. Например: «Все системы корабля работают нормально...ботают нормально...ботают нормально...» Запущенного в космос еврея Центр управления полетами спрашивает: «Как Ваше самочувствие?»

*Высоковский
разговаривает
по телефону со «своей»
женой Люльком*

В ответ: «Чувствую себя нормально... Впервые в жизни...»

Проводив артиста, я не надеялся больше с ним увидеться или хотя бы, как теперь говорят, услышаться. Однако такой случай мне все же представился. Перед самым окончанием аспирантуры и выходом на защиту я приехал в Москву – отдать на ознакомление диссертацию оппоненту и заодно ударно поработать несколько дней в «Ленинке», чтобы ознакомиться с самыми свежими публикациями по теме собственного исследования. В последний вечер, когда библиотека меня уже порядком притомила, мне повезло купить с рук билет на самый аншлаговый и звездный по

составу исполнителей спектакль Театра сатиры – «Ревизор», в котором Зиновий Высоковский играл почмейстера. Когда спектакль закончился, я пошел не на выход, а за кулисы. Работница сцены, услышав, что мне надо повидаться с Зиновием Высоковским, без дополнительных расспросов и ожидаемых мной препятствий спокойно и буднично провела меня в небольшой коридор-фойе служебного входа. «Подождете здесь, возле артистической раздевалки, пока он разгrimiруется, переоденется», – сказала женщина и добавила: Вон его, кстати, жена с дочкой поджидают». Стал ждать и я, время от времени украдкой разглядывая ближайших родственников артиста. Вскоре коридор стал заполняться актерами. Некоторые, как, например, Александр Ширвиндт, уже в верхней одежде, которую, очевидно, в гардероб не сдавал, бодренько, не задерживаясь, спешили к выходу (или – служебному входу, если угодно). Другие брали свои пальто и плащи в гардеробе, неспешно одеваясь и обсуждая между собой разные свои дела. Вот к поджидавшему его у гардеробного барьера молодому человеку вышел Андрей Миронов, взял у него пачку фотографий со своим, как я понял по репликам в адрес фотографа, изображением и стал их разглядывать. А я, в свою очередь, стал разглядывать уже «разревизоренного» Миронова, стоявшего ко мне лицом всего в полутора-двух метрах, отмечая, как неожиданно (для меня) сильно оно «побито оспой». Это я так сам для себя определил, не зная, всегда ли лицо актера было похоже на избитую метеорит-

ным дождем поверхность Луны, которую прятали под умелым толстым гримом, или «оспины» появились относительно недавно в силу неведомых мне причин. Потом мое внимание переключилось на подошедшего к жене и дочке Высоковского Анатолия Папанова. Между ними завязалась беседа. Урывками до меня доносились реплики Папанова. Это были непонятно чем спровоцированные (наверное, какими-то вопросами его собеседниц) воспоминания о том, какими мизерными были его заработки на заре артистической карьеры. Я слушал и удивлялся: зная друг друга много лет, они, почему-то, завели подобный разговор только сейчас, и почему Папанов, как большинство других занятых в спектакле, не поспешил на выход?

Наконец-то в проходе появился Высоковский. Он уже заметил трио беседующих родных и близких людей, но я перехватил его раньше, на подходе. Несмотря на опасения «затруднённой идентификации перехватчика» после семилетней «разлуки», Зиновий Моисеевич (которого, как я услышал, коллеги звали Зяма) легко и сразу меня узнал. Более того, судя по его конкретным вопросам, у актера была отличная для человека за пятьдесят память. «Как там Толя?» – таким был первый его вопрос. «Какой Толя?» – спросил я в свою очередь. «Ну этот, светловодский?» До меня сразу дошло, что спрашивает он об Анатолии Диброве, бывшем первом секретаре Светловодского горкома комсомола. Толя был упомянут не случайно. Никто так, как руководимый им городской комитет комсомола, не был в состоянии хотя бы приблизиться к уровню приема многочисленных концертных бригад. Благодаря природным особенностям почти города на море (пусть искусственному), но особенно – организаторским способностям Дибровы, его авторитету у местного партийного начальства и руководителей предприятий и организаций, для гастролирующих артистов Светловодск обеспечивал такие рекреационно-увеселительные мероприятия, что этот, по сути, курорт оставался незабываемым в памяти практически всех его звездных гостей. Впрочем, я уже об этом упоминал.

После обмена дежурными любезностями артист также попросил непременно передать привет Лёне. И снова пришлось напрячься и сходу разгадывать новую шараду. Увидев на моем лице замешательство, он пояснил: «Ну, Лёне, из обкома партии». И тут до меня дошло, что речь шла о втором секретаре Кировоградского обкома КПУ, который «сделал» Высоковскому дубленку. Причем не иностранную (ну там болгарскую или даже югославскую), а очень иностранную (бельгийскую), причем того самого бежевого цвета, о которой артист рассказывал со сцены в одной из своих эстрад-

ных реприз! У Высоковского была одна смешная фирменная фраза: «Я путём лица могу добыть любой дефицит». На кировоградских гастролях эту веру Зиновия Моисеевича в собственные доставальческие способности укрепил Леонид Федорович Кибец. Ему-то я и должен был передать привет. Просьбу я, естественно, пообещал выполнить, хотя про себя улыбнулся простодушию человека, далекого от вопросов субординации в номенклатурном мире советского партхозактива. Зам.зав.отделом пропаганды и культурно-массовой работы обкома комсомола практически никогда не «выходил» на второго секретаря обкома партии. Я мог на него выйти (в прямом смысле слова), когда тот, сытый и умиротворенный вкусным обедом, выходил из обкомовской столовой, а мы, голодные, как волки, «комсомолята» туда только бежали. Работникам кировоградских обкома и горкома комсомола в столовой «Белого дома» (ныне горисполкома) была отведена вторая смена. Как правило, не всё из указанного в меню уже можно было застать, поэтому мы иногда шутили, переиначивая молодежно-патриотический лозунг: «Всё, что отцы не доели, мы доедим!». Иногда старшие партийные товарищи задерживались за столиками в зале или возле буфетной стойки. Тогда мы с ними могли в столовой пересекаться. Но в случае с Кибцем такого произойти не могло. Он обедал в отдельном зале для членов и кандидатов в члены бюро обкома партии (покруче, чем в оруэлловском «1984»: самая внутренняя партия внутри внутренней партии). Поэтому в самой столовой мы с Леонидом Федоровичем встретиться для передачи-приема приветов не могли по определению. Но самым главным было то, что к этому моменту я уже ушел из комсомольских органов, да к тому же уже жил в Киеве, куда и вернулся для подготовки к защите диссертации. Буквально через несколько дней после прилета в Киев я проходил мимо гостиницы «Киев» (что возле нынешней Верховной Рады, которая в советские времена по-русски называлась исключительно Верховным Советом, чтобы не возникало никаких аллюзий и ассоциаций с идеологически враждебной Центральной Радой). И тут, о совпадение: у гостиницы я замечаю праздно и одиноко стоящего второго секретаря кировоградского ОК КПУ Кибца. Улыбнувшись и набравшись то ли храбрости, то ли нахальства, я подошел к высокому партийному боссу и, представившись, передал ему привет от Высоковского. Леонид Федорович, немного удивившись, поблагодарил и, в свою очередь, попросил меня передать его привет Зиновию Моисеевичу. Внутренне я уже не ухмылялся, а громко смеялся: да, конечно, непременно, сегодня же, ну в крайнем случае, завтра. А завтра была защита...

Несносный гений

До приезда к нам Александра Градского я да и многие другие, с кем я заводил о нем разговор, знали об этом певце и композиторе очень мало. Если бы не нашумевший 2-серийный музыкальный фильм «Романс о влюбленных», он бы еще очень долго оставался в безызвестности, особенно в советской провинции. В Москве-то он и основанные им группы «Славяне», «Скоморохи» и «Скифы» со второй половины шестидесятых начали греметь в прямом и переносном смысле слова. В прямом – потому что играли многократно усиленный аппаратурой биг-бит, причем, громкость была не главным достоинством этих коллективов. Будь Градский автором и исполнителем народных или патриотических песен, его при столь незаурядных способностях и трудоспособности давно бы выпиарили до полноценной советской эстрадной суперзвезды. Впрочем, для узких кругов знатоков, включая иностранных специалистов, он, безусловно, достиг этой кондиции. За один только вышеупомянутый фильм, вышедший на экраны в 1974 году, солидный еженедельный американский журнал «Billboard», посвящённый музыкальной индустрии, присудил 25-летнему Александру Градскому титул «Звезда года», с формулировкой, от которой столь молодому человеку могло сорвать крышу: «За выдающийся вклад в мировую музыку»! Но музыкальным «пророком» в своем отечестве он, по определению, не мог быть признан: идеологическим лицом не вышел. Несмотря на то, что сочиняемые и блестяще исполняемые им песни, баллады и прочие композиции звучали на русском языке, их музыкально-стилевой и смысловой контент, можно было бы, переиначив Пушкина, передать одной фразой: «Здесь западный дух, здесь Западом пахнет». Но, чтобы «цвести и пахнуть», творческому человеку необходимо и адекватное официальное признание его достижений на родине. Да, его изредка выпускали на всесоюзный телеэкран с отдельными просоветскими песнями, да и то благодаря авторитету и пробивным возможностям Александры Пахмутовой и Николая Добронравова, чьи песни он так неподражаемо исполнял. Градский, как никто другой, знал истинную себе цену. Но власть постоянно его недооценивала и прижимала. Именно этим диссонансом я объяснял себе характер и поведение артиста. При каждом удобном случае он был готов вернуть что-нибудь очень для себя лестное. И это было понятным: хотя явных «гонений на гения» не было, но о его многочисленных и, без преувеличения, больших художественных достоинствах советские средства массовой информации помалки-

вали, щедро расхваливая и вознося на высокие пьедесталы многих других представителей мира искусства, которые явно не дотягивали до уровня Александра Градского. Помнится, как я с заведующим моего отдела Николаем Гарбой пришли к нему в номер кировоградской гостиницы «Киев» на «ознакомительные посиделки». Градский держался по-барски вальяжно. Все его монологи были выдержаны в духе «Я и такой-то». Конечно же, «такими-то» были самые знаменитые фигуры тогдашнего бомонда из различных областей и сфер искусства и культуры. Я абсолютно уверен, что Александр Борисович нисколько не фантазировал и не преувеличивал. Другие прославленные деятели культуры, с которыми мне доводилось общаться, несомненно могли похвастать не меньшим, а чаще даже большим кругом своих уникальных и завидных знакомств. И они нередко невзначай и походя упоминали о своих звездных друзьях, о необычных ситуациях, являющихся привилегией жизни бомонда и богемы, о которых простой смертный и не мечтал, просто потому, что ни о чем таком советские медиа не сообщали. И когда мне о подобном сообщали другие звездные собеседники, я не замечал у них желания посредством посвящения провинциального обывателя в «тайны мадридского двора» самоутвердиться в собственной значимости и избранности. Это было, на мой взгляд, не пресыщение славой (такое бывает очень редко), а, скорее, уверенность художника в ее признании государством и обществом. Градскому же тогда такого признания очень не хватало. Он своими самовосхвалениями как бы компенсировал этот дефицит, по-своему боролся с такой обидной для него несправедливостью. Этим же обстоятельством я объяснял то, что, говоря о многих своих коллегах по музыкальному цеху, он не только был резок в суждениях, но порой хлесток, мог запросто наотмашь ударить по авторитету многих лелеемых и неприкасаемых. Но его непримиримая критика, на мой взгляд, не всегда была справедливой и обоснованной. Возможно, определенная желчность Градского была не врожденной, а «благоприобретенной», тем более что «доброжелателей» у него тогда хватало. Заносчивость Градского нередко выплескивалась на простых людей, причем беспричинно и, как говорится, на пустом месте. Перед одним из концертов в Знаменке мы вышли с ним подышать свежим воздухом на небольшой, приподнятой площадке, окаймляющей Дворец культуры с тыльной стороны. Внизу собралась небольшая толпа молодых людей. Они, ничего не говоря, не выкрикивая никаких просьб или реплик, просто, подняв головы, глазели на столь важную и редкую для этого города птицу. Наш творческо-

коммерческий консорциум (обком комсомола-облфилармония) не часто баловал Знаменку звездными концертами, традиционно накатанный маршрут гастролеров сводился к площадкам Светловодска, Александрии и Кировограда. Да и по количеству проводимых концертов Знаменка отставала от перечисленных фаворитов гастрольной фиесты конца семидесятых-начала восьмидесятых годов. Поэтому многие в Знаменке не могли попасть на концерты звезд, ну разве что потусоваться возле Дворца культуры в надежде если не купить билет с рук, то хотя бы «живьем» увидеть проходящую мимо заезжую знаменитость.

В том случае, о котором я сейчас вспоминаю, пацанам подфартило с близкого расстояния понаблюдать за кумиром в неформальной обстановке. И тут Градский, глядя сверху вниз на молодежь, преимущественно юношей, вдруг достаточно громко произносит покоробившую меня (а уж пацанов – и подавно) фразу: «Боря, что надо этим онанистам?» Ничего не ответив, я просто дипломатично снизал плечами, что можно было истолковать двояко: и как молчаливый ответ единомышленника, и как жест осудительного недоумения – на выбор вопрошающего.

Вообще я со временем научился разделять и сепаратно оценивать две главные ипостаси людей искусства – творческую и общечеловеческую. У всех нас разный темперамент, разное воспитание, разное образование, разные биографии; кто-то из хорошей детской, кто-то из плохой. Но, когда дело доходит до оценки таланта, обо всем этом следует забыть, чтобы ничто не повлияло на объективность окончательного вердикта. Да, по чисто человеческим качествам Александр Градский уступал многим своим звездным коллегам, но по творческим – стоял вровень, а часто и превосходил их. На излете своего третьего десятка Градский мог правомерно похвастаться множественными качественными работками в области композиции (в т.ч. композиторской фильмографией), поэзии, многочисленными записями популярнейших хитов семидесятых. Градский – виртуоз-мультиинструменталист, супер-вокалист. У него был (и с определенной скидкой на сегодняшний возраст – остался) редкий по красоте и силе лирический тенор с трехоктавным диапазоном, с уникальным верхним регистром, с которым можно смело идти на штурм партий даже из репертуара тенора-альтино. Градский с особой гордостью рассказывал мне, как, будучи на стажировке в Большом театре, он после исполнения Песни певца за сценой в опере «Рафаэль» был удостоен восторженной похвалы из уст самОй Ирины Архиповой (которую он ставил выше Елены Образцовой). При этом прима-

донна Большого особенно отмечала технику исполнения Градским верхов в этой партии, сравнивала их с некоторыми верхними нотами у Лемешева и Козловского, которым, по ее мнению, не так хорошо, как практиканту, удавались на верху динамические нюансы. Ирина Константиновна, если верить рассказчику, убеждала Градского после окончания факультета сольного пения Гнесинки непременно прийти на работу в Большой. Этого, однако, не произошло, что было объяснено мне следующим образом: «Мне, Боря, хватило нескольких недель, чтобы понять вонючую, клоачную суть закулисы Большого театра».

Подобной информацией Градский начал делиться со мной после нескольких моих реплик, по которым он сделал вывод, что я что-то «волоку» в музыке, вокале (на самом деле, он несколько преувеличивал мои знания в этой области). Особенно доверительными наши разговоры стали после выяснения того, что мы с ним родились в ноябре 1949 года (он – на 25 дней старше меня), что оба в детстве пели в самодеятельности, что в одни и те же годы (с 1958 по 1965) учились в музыкальной школе, и оба – по классу скрипки. Но больше всего его поразил тот факт, что мой отец встречался с его тестем, Александром Вертинским, а он – нет. Отец рассказывал мне, как на территории Румынии его, старшину-танкиста, запевалу, командир полка взял с собой для доставки приглашенного в распоряжение части артиста Вертинского. Александр Николаевич после возвращения на родину в 1943 году ездил по фронтам с концертами для воинов Красной Армии. Мой отец, кроме рукопожатия, пары взаимных приветствий и молчаливо-торжественного эскортирования певца на американском ленд-лизинговом «Виллисе», ничем большим похвастаться не мог. Но и этого факта было достаточно, чтобы больше сблизить меня с Градским, на тот момент мужем Анастасии Вертинской, младшей из двух дочерей великого артиста. Кстати, факт супружества этой звездной пары вызывал больше всего вопросов и пересудов. Как ни странно, но для некоторых этот брак послужил стимулом для прихода на концерт, чтобы поближе приглядеться и оценить супруга той юной и ослепительной красавицы, какой многие помнили Анастасию Вертинскую в ролях Ассоль, Гуттиэре, Офелии, Лизы Болконской из кинофильмов «Алые паруса» и «Человек-амфибия», «Гамлет», «Война и мир»... Но все же большинство зрителей о совместной жизни Вертинской и Градского даже не догадывались. А те, что «слыхали звон», пробовали убедиться в достоверности народной молвы. Но Градский, когда его об этом спрашивали, умело уходил от прямых и однозначных ответов, отшучиваясь и давая понять,

*С.А.Градским и А.Ивановым возле летнего театра
в Кировоградском парке им. Ленина*

что ему не нравится вторжение в его личную жизнь. Поэтому я тоже обходил эту тонкую тему. То, что они жили вместе, я знал наверняка, но был ли их брак официальным или гражданским – не знаю до сих пор.

К концу гастролей мы с Александром как-то незаметно перешли на «ты», он оставил мне свой домашний номер телефона. Может, это был акт обычного политеса, возможно, он надеялся, что я позвоню ему с новым столь же финансово выгодным приглашением приехать в нашу область на еще один подобный гастрольный тур – не знаю. Как бы там ни было, но случай позвонить Градскому представился мне уже через несколько месяцев.

В ноябре того же 1978 года меня командировали в Москву. Центральный комитет комсомола периодически приглашал различные категории комсомольских функционеров на месячные курсы повышения квалификации. После лекций, читаемых по месту проживания, в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, многие курсанты, занимавшие аналогичную моей должность в областях и республиках СССР, старались взять по максимуму от культурно-художественного потенциала Москвы. Почти все после обеда разъезжались по галереям, выставкам, театрам (я, в частности, «пасся» в Ленкоме, на спектакли которого ходил бесплатно, пользуясь приобретенным знакомством с Николаем Басиным, администратором театра, который накануне привозил в Кировоград Леонова и Сметанникова). Кроме того, отдел культуры

ЦК ВЛКСМ периодически устраивал для нас плановые мероприятия, в т.ч. встречи с ведущими мастерами различных творческих союзов. Одним из них была встреча с рядом самых титулованных и популярных композиторов. Они по очереди рассказывали о своих творческих достижениях и планах, а приглашенные каждым из них лучшие советские вокалисты (реже – инструменталисты) исполняли отдельные, наиболее известные произведения главных сочинителей золотого музыкального фонда страны. Формат встречи предусматривал также наши вопросы и их ответы по разным проблемам в области музыкальной культуры. Кто-то из слушателей спросил об отношении мэтров к творчеству Александра Градского. Вопрос почему-то адресовали Фельцману. Пока тот собирался с мыслями и набирал в легкие воздух, инициативу перехватил Тихон Хренников. Оскар Борисович, похоже, был этому только рад, потому что молодым бойцам идеологического фронта на этот немного скользкий вопрос надо было отвечать «правильно», что по тем временам означало «не совсем то, что на самом деле думаешь». Тихону Николаевичу было проще. Во-первых, для него заданный вопрос был очень предметным, так как именно он за три года до этого взял Александра Градского учеником по своему классу композиции в Московской консерватории. А во-вторых, Хренников обрушился на своего, как мы поняли, уже бывшего ученика с резкой критикой. Главная претензия педагога-классика (кстати, учившегося и у нашего земляка Генриха Нейгауза) к нерадивому ученику сводилась к тому, что Градский, мол, ударился в формалистские творческие поиски, манкировал занятиями, отвлекаясь на многочисленные гастрольные поездки и т.п.

Когда в этой грозной филиппике забронзовелого композитора и чиновника от музыки возникла подходящая пауза, своего главного начальника по Союзу композиторов смело перебила Александра Пахмутова. По своей одаренности и популярности она не уступала Хренникову, но по титулам и званиям, увы, на тот момент была по сравнению с ним, выражаясь словами Чехова из «Каштанки», как «плотник супротив столяра». Она еще не была ни Народной артисткой СССР, ни Героем Социалистического Труда, ни лауреатом Ленинской и трех Сталинских премий. В то время как все эти регалии уже давно были в активе руководящего композитора. Пахмутова стала всячески защищать и оправдывать Градского. Козырным тузом ее заявления было сообщение о том, что Александр Борисович как раз в данное время усиленно работает над рок-оперой «Стадион». Она знала, что приставка «рок» может заставить поморщиться даже менее ортодоксаль-

ных людей, поэтому, как бы для Хренникова и других охранителей устоев, добавила, что музыка пишется на либретто, в котором освещаются события в Чили 1973 года и убийство Виктора Хары приспешниками антинародного режима диктатора Пиночета. Здесь бы ей и остановиться, но Пахмутова продолжала свою адвокатскую речь, заявив, что Градский никакой не лодырь, а совсем даже наоборот – самый настоящий трудоголик, и столь же настоящий композитор, хотя формально и не член союза. Последний аргумент прозвучал уже почти как вызов. Короче, вызревала ситуация в духе Повести о том, как поссорились Александра Николаевна и Тихон Николаевич. У Гоголя жившие рядом Иван Иванович с Иваном Никифоровичем поссорились из-за ружья, а у двух рядом сидевших за столом президиума композиторов поводом для ссоры мог стать третий, «несертифицированный» властью композитор. Как ружье на стене в первом акте, на сцене повисла тишина. Ружье, правда, впоследствии не выстрелило, но провинциальные (в основной своей массе) комсомольские функционеры были немало заинтригованы и эпатированы, наблюдая за пикировкой небожителей советского музыкального Олимпа. В тот же вечер я позвонил Градскому и пересказал ему всё, что прозвучало в его адрес на нашей встрече с композиторским бомондом. Выслушав мои «свидетельские показания», Градский, перейдя на непечатную лексику, сказал всё, что он думает о «старом хрене Хренникове». Зная еще по Кировограду немотивированно резкую риторику Градского, я ничуть не удивился его словесному бумерангу в адрес сановного обидчика. Но меня озадачило то, что он ни единым словом не отреагировал на поступок «храброй портняжки» Пахмутовой, грудью вставшей на защиту своего «непутёвого» тезки и собрата по сочинительскому ремеслу. Наверное, для Градского заступничество Александры Николаевны не было чем-то новым и неожиданным. К тому же Пахмутова была в определенном долгу перед Градским-вокалистом, популяризовавшим ее с мужем (поэтом Николаем Добронравовым) композиторскую продукцию на самом высоком исполнительском уровне.

После того телефонного диалога я больше Градского лично не видел и не слышал (радио и телевидение не в счет), но за его творчеством следил, радовался каждому его успеху. Достойное официальное признание пришло к нему поздно. Но лучше поздно, чем никогда.

НАРОДНЫЕ СССР

В этом разделе речь пойдет об артистах, получивших в разное время самое высокое звание «Народный артист СССР». Заслужить его в Советском Союзе было ох как непросто, и давали его, надо признать, в большинстве случаев за действительно выдающиеся заслуги в «окультуривании» такой новой общности людей, как «советский народ». За то время, когда я (совместно с работниками областной филармонии) занимался организацией гастролей артистов, только двое из гостивших у нас звезд уже имели в своем активе это столь почетное и вожделенное тогда звание. Певица Клавдия Ивановна Шульженко носила его с 1971 года, а артист театра и кино Евгений Леонов – с 1978-го. Четверо других стали Народными артистами СССР незадолго до того, как об аббревиатуре, венчавшей это звание, начали говорить в прошедшем времени.

Над суетой

Клавдия Шульженко удостоила нашу область концертным туrom, когда ей уже было за семьдесят. Возраст не всегда является критерием большей или меньшей популярности людей из мира искусства. Но для певцов возраст имеет большое значение. Большинство из них, особенно те, которые не хотят подмочить наработанный авторитет народных кумиров, относительно рано уходят на пенсию. Для людей искусства это, извините за каламбур, настоящее искусство – вовремя сойти со сцены. Что касается Клавдии Ивановны, то называть ее чистым вокалистом, при её, еще раз простите за каламбур, чистом интонировании было бы незаслуженно узким подходом к оценке столь многогранного дарования. Пожалуй, она, особенно в зрелые годы своей сценической деятельности, была больше драматической актрисой, чем певицей. Более того, с годами голос многое теряет и в плане мощности, и по целому ряду других его характеристик (всякие там «барашки», «блеяние», тремоляция в голосе, его качание как проявления более или менее частой вибрации и т.п.). Этими своими субъективными размышлениями я, «после третьей», даже поделился с администратором Клавдии Ивановны. Это было сказано вообще, безотносительно к Шульженко, но он (не помню имени) воспринял мои слова как некий намек или даже выпад против своей подопечной. По возрасту он был не намного младше певицы, и, может, это, кроме спиртного, тоже повлияло на эмоциональный накал его спича. В какого пассионарного адвоката певческих возможностей Шульженко стал превращаться на наших глазах этот

седой лысоватый администратор! «Вы не слушали, как она распевается, как репетирует без микрофона! А я ее слышу ежедневно! Да она даст форы большинству сегодняшних малолетних микрофонных шептунов и хрипунов!»

*Клавдия Шульженко
во время концерта
на Кировоградском
стадионе*

Действительно, мне не посчастливилось послушать ни ее распевки, ни репетиционного пения, но микрофонная версия ее живого исполнения была вполне на уровне. И значительная часть публики приходила на проводимые в области концерты (преимущественно в стадионном формате) исключительно ради того, чтобы послушать своего многолетнего кумира, и было этим зрителям/слушателям, естественно, тоже немало лет. Да что там рядовая публика, когда немолодой (а мне тогда казавшийся довольно старым) заместитель директора Кировоградской областной филармонии А.И.Елисаветский, который на своем веку поработал с огромным количеством знаменитостей разных калибров и жанров, в придачу к нашему

обкомовскому букету, купил за свои деньги еще один большущий, личный, с которыми мы на кировоградском вокзале встречали Клавдию Ивановну. Этот Еле-Еле-Советский (украинский вариант – Ледве-Радянський, прозвище, которое не совсем безосновательно дали Елисаветскому коллеги) филармонический волк еле сдерживал свое волнение, спеша к поезду, и тем более во время встречи на перроне великой артистки, которую можно было считать одним из символов культурной жизни советской эпохи. Выслушав от представителей обеих принимающих организаций (обкома комсомола и облфилармонии) высокопарные слова о счастье, привалившем жителям Кировоградщины благодаря ее приезду, Клавдия Ивановна как-то непринужденно и буднично понизила градус официоза и пафосности, начав расспрашивать о местных базарных ценах на овощи-фрукты-ягоды, что, как ни странно, показалось мне признаком врожденной интеллигентности, которой так не хватает в сегодняшнем шоу-бизнесе, раскручивающем фишку под названием «гламур». Олесь Подеревянский суть этого феномена охарактеризовал как представление быдла о прекрас-

ном (а я бы – как представление мещанина о дворянстве). Своей антигламурностью бывшая гимназистка Шульженко очень меня к себе расположила. Через эту призму я потом рассматривал всю ее сценическую и внеконцертную деятельность.

В отличие от «едущих на ярмарку» молодых, еще «голодных» артистов, она выглядела «большой остывающей звездой», испускавшей ровный холодный свет, который, тем не менее, всё еще грел немалое количество поклоняющихся ей фанатов. Ей не нужны уже были дефициты баз и магазинных подсобок. Она была выше той бытовой суеты, которая одолевала еще «ненаевшихся» коллег. И, мне кажется, не потому, что у нее уже всё было, а, наверное, оттого, что с ней уже всё было. Её взгляд был не отрешенно-холодным и уставшим, а, скорее, мудро-умиротворенным. Взгляд любящей бабушки, присматривающей за резвящимися внуками. До личной встречи с артисткой я безуспешно пытался постичь феномен почитания Шульженко (в т.ч. со стороны моей матери). Я не стал ее верным почитателем и после кировоградских гастролей артистки. Однако я стал понимать и уважать ее поклонников, экстраполируя эти чувства на отношение ко многим прочим «фанам» артистов ее стилевого ряда и времени – Леонида Утесова, Людмилу Русланову, Вадима Козина, Петра Лещенко, Александра Вертинского. При случае, я уже по-другому смотрел и слушал этих выдающихся исполнителей советского средневековья (имеется в виду всего лишь срединный период советской эпохи, без каких-либо намеков на мрачные и тяжелые нравы), начал по-новому открывать их для себя и даже получать определенное эстетическое наслаждение. И за это я остался Клавдии Ивановне премного благодарен, хотя и общался я с ней не много, по сравнению с другими артистами.

Не пара

Следующих два фигуранта этого раздела воспоминаний приехали к нам на гастроли в составе одной бригады, поэтому я счел целесообразным сделать один спаренный портретный очерк на двоих. Артист театра и кино Евгений Леонов добавил к своему артистическому имени престижную приставку «н.а.СССР» незадолго до приезда на кировоградские гастроли, другой, певец Леонид Сметанников, был удостоен такого титула спустя 9 лет, за 4 года до развала СССР. Сметанников в описываемом 1978 году был еще только з.а.РСФСР, но его документы на присвоение «Народного артиста РСФСР» практически завершали свой долгий путь по высоким инстанциях, и он, судя по его сценическому и бытовому по-

1940
 1941
 1942
 1943
 1944
 1945
 1946
 1947
 1948
 1949
 1950
 1951
 1952
 1953
 1954
 1955
 1956
 1957
 1958
 1959
 1960
 1961
 1962
 1963
 1964
 1965
 1966
 1967
 1968
 1969
 1970
 1971
 1972
 1973
 1974
 1975
 1976
 1977
 1978
 1979
 1980
 1981
 1982
 1983
 1984
 1985
 1986
 1987
 1988
 1989
 1990
 1991
 1992
 1993
 1994
 1995
 1996
 1997
 1998
 1999
 2000
 2001
 2002
 2003
 2004
 2005
 2006
 2007
 2008
 2009
 2010
 2011
 2012
 2013
 2014
 2015
 2016
 2017
 2018
 2019
 2020
 2021
 2022
 2023
 2024
 2025
 2026
 2027
 2028
 2029
 2030
 2031
 2032
 2033
 2034
 2035
 2036
 2037
 2038
 2039
 2040
 2041
 2042
 2043
 2044
 2045
 2046
 2047
 2048
 2049
 2050
 2051
 2052
 2053
 2054
 2055
 2056
 2057
 2058
 2059
 2060
 2061
 2062
 2063
 2064
 2065
 2066
 2067
 2068
 2069
 2070
 2071
 2072
 2073
 2074
 2075
 2076
 2077
 2078
 2079
 2080
 2081
 2082
 2083
 2084
 2085
 2086
 2087
 2088
 2089
 2090
 2091
 2092
 2093
 2094
 2095
 2096
 2097
 2098
 2099
 2100
 2101
 2102
 2103
 2104
 2105
 2106
 2107
 2108
 2109
 2110
 2111
 2112
 2113
 2114
 2115
 2116
 2117
 2118
 2119
 2120
 2121
 2122
 2123
 2124
 2125
 2126
 2127
 2128
 2129
 2130
 2131
 2132
 2133
 2134
 2135
 2136
 2137
 2138
 2139
 2140
 2141
 2142
 2143
 2144
 2145
 2146
 2147
 2148
 2149
 2150
 2151
 2152
 2153
 2154
 2155
 2156
 2157
 2158
 2159
 2160
 2161
 2162
 2163
 2164
 2165
 2166
 2167
 2168
 2169
 2170
 2171
 2172
 2173
 2174
 2175
 2176
 2177
 2178
 2179
 2180
 2181
 2182
 2183
 2184
 2185
 2186
 2187
 2188
 2189
 2190
 2191
 2192
 2193
 2194
 2195
 2196
 2197
 2198
 2199
 2200
 2201
 2202
 2203
 2204
 2205
 2206
 2207
 2208
 2209
 2210
 2211
 2212
 2213
 2214
 2215
 2216
 2217
 2218
 2219
 2220
 2221
 2222
 2223
 2224
 2225
 2226
 2227
 2228
 2229
 2230
 2231
 2232
 2233
 2234
 2235
 2236
 2237
 2238
 2239
 2240
 2241
 2242
 2243
 2244
 2245
 2246
 2247
 2248
 2249
 2250
 2251
 2252
 2253
 2254
 2255
 2256
 2257
 2258
 2259
 2260
 2261
 2262
 2263
 2264
 2265
 2266
 2267
 2268
 2269
 2270
 2271
 2272
 2273
 2274
 2275
 2276
 2277
 2278
 2279
 2280
 2281
 2282
 2283
 2284
 2285
 2286
 2287
 2288
 2289
 2290
 2291
 2292
 2293
 2294
 2295
 2296
 2297
 2298
 2299
 2300
 2301
 2302
 2303
 2304
 2305
 2306
 2307
 2308
 2309
 2310
 2311
 2312
 2313
 2314
 2315
 2316
 2317
 2318
 2319
 2320
 2321
 2322
 2323
 2324
 2325
 2326
 2327
 2328
 2329
 2330
 2331
 2332
 2333
 2334
 2335
 2336
 2337
 2338
 2339
 2340
 2341
 2342
 2343
 2344
 2345
 2346
 2347
 2348
 2349
 2350
 2351
 2352
 2353
 2354
 2355
 2356
 2357
 2358
 2359
 2360
 2361
 2362
 2363
 2364
 2365
 2366
 2367
 2368
 2369
 2370
 2371
 2372
 2373
 2374
 2375
 2376
 2377
 2378
 2379
 2380
 2381
 2382
 2383
 2384
 2385
 2386
 2387
 2388
 2389
 2390
 2391
 2392
 2393
 2394

вания. Подобное сочетание встречается редко. Мне повезло присутствовать на нескольких его распевах. Слушать этого певца вживую, да порой еще в непосредственной близости и без усилителей звука – это, смею вас заверить, истинное удовольствие, переходящее в наслаждение!

Сметанников работал в Саратовском театре оперы и балета, но, еще будучи студентом тамошней консерватории, начал активную концертную деятельность, исполняя, помимо оперных арий, популярные романсы, народные и эстрадные песни. В 1970-х годах такой микс потрафлял вкусам всех категорий слушателей, и кировоградская публика не была исключением. В разножанровом репертуаре певца были проверенные, давно полюбившиеся народу хиты, но главным козырем артиста, безусловно, был голос. Леонид Анатольевич к нему бережно относился, но не щадил. И в этом утверждении абсолютно нет никакого противоречия. С одной стороны, он всячески ограждал свой голосовой аппарат от разных пагубных воздействий (в смысле вредно-приятных привычек), но, с другой стороны, ежедневно нагружал его пением по полной программе. Однажды он признался мне, что стоит ему не попеть несколько дней – и потом надо несколько недель опять разогревать горло, связки до оптимальных кондиций. Поэтому его профессиональное отношение к работе (каждодневные полноценные распевки перед концертами) оставило у меня самое хорошее впечатление о певце. Увы, аналогичного мнения о Леониде Сметанникове как о человеке у меня не сложилось. Может быть, потому, что я наблюдал и оценивал его на фоне другого человека – Евгения Леонова. Как писал классик о другом Евгении, «Они сошлись. Волна и камень, Стихи и проза, лед и пламень». У Пушкина Владимир Ленский – антипод Онегина, призванный оттенить качества главного героя. Кто из двух именитых артистов кировоградских концертов был главным героем (хотя бы на сцене) и кто кого оттенял – вопрос спорный. До дуэли и смертоубийства, как в «Евгении Онегине», дело и близко не дошло, но отношение Евгения Леонова к Леониду Сметанникову за несколько первых дней гастрольного тура существенно поменялось. Мне показалось, что эти два артиста сошлись в одной концертной бригаде в первый (а возможно, и в последний) раз. Почему? Да потому что в первый же «поход в закрома» недавно открывшегося для покупателей кировоградского УТО Евгений Павлович отправился в отличном расположении духа и в таком же прекрасном отношении к своему напарнику по приобретению промтоварного дефицита. Я привел артистов в начальственный кабинет торгового объединения, где

нас радушно встретила секретарь парткома Нила Скляниченко. Она всегда шла нам навстречу. Понятное дело: жена Николая Кирилловича, недавно перешедшего на партийную работу первого секретаря кировоградского обкома комсомола. Когда после вступительных «китайских церемоний» она спросила, что из товаров интересует звездных гостей, Леонов как-то робко и стеснительно пожал плечами, мол, вы уж нас извините, что беспокоим по пустякам, уж чего изволите предложить, то и купим. Сметанников же, закинув ногу за ногу, сразу вошел в образ вечно недовольного и надменного барина, снизошедшего до личного взимания оброка со своих крепостных. И дело совсем не в том, что список затребованных им товаров был в несколько раз длиннее перечня песен в его богатом репертуаре. Просто большая часть пунктов этого списка тянула на номинацию «супердефицит», типа дублёнка, заморские джинсы или кожаная куртка (причем не какая-нибудь монгол-шуудан, а хотя бы югославская). Но более всего свидетелей этой мизансцены конфузило то, с каким апломбом и с какими нескромными модуляциями в прекрасно поставленном голосе эти потребительские претензии были выставлены. Палыч (как величал его Сметанников) сразу же покрылся пятнами и заёрзал на стуле. Великий артер дал слабину: он явно не смог скрыть охвативших его эмоций стыда и неловкости. После этой вылазки Леонов наотрез отказывался ездить по базам и другим дефицитозлачным местам, тем более в одной компании со Сметанниковым. Однажды, проходя с ним мимо книжного магазина на углу улиц Т.Шевченко и К.Маркса, я предложил ему зайти «поторговать лицом» (ему я, конечно, сформулировал это уважительней и культурней), авось предложат что-нибудь интересное. «Да ну их, наверняка скажут: Леонтьев, пошел ты подальше!» Он специально исковеркал свою фамилию, чтобы подчеркнуть, что представители высокого искусства вряд ли могут состязаться в популярности и доставальческих возможностях с эстрадными попсовыми исполнителями.

И все же один раз Леонов купился на такое заманчивое приглашение, как посещение облкниготорга. Перед искусом пополнить свою домашнюю библиотеку дефицитными тогда книгами он не устоял, даже зная, что будущая покупка будет с нагрузкой – бесплатной творческой встречей с работниками облкниготорга. Те, пользуясь своим привилегированным положением «чахнувших над книжным златом» рыцарей, уже не раз приглашали к себе знаменитых гастролеров, которым позволяли порыться на полках многочисленных стеллажей и отобрать для приобретения

небольшую библиотечку, которой можно было похвастаться даже в домах московского артистического бомонда. «Но, Боря, – взмолился Евгений Павлович, – нельзя ли этот марш-бросок совершить без Лёни?» Номера обоих артистов в гостинице «Киев» находились рядом, и мы, как дети, боящиеся, что родители застукают их за недозволенным поеданием варенья, начали разрабатывать настоящую операцию по незаметному исчезновению из гостиницы и посадке в обкомовскую «Волгу» в квартале от отеля (чтобы Сметанников не заметил нас из своего окна). Приобретенные актером книги планировалось потом временно хранить в моем рабочем кабинете. Операция удалась на славу. Бартер тоже: артист купил много интеллигентных книг (помнится, как он, в частности, радовался купленному томику пьес французского драматурга Ж.Б.Расина), а хозяева книжного дефицита выслушали бесплатную исповедь звезды театра и кино. Именно исповедь, а не заученный и в очередной раз воспроизведенный эстрадный номер.

Нечто подобное, но уже в односторонне благотворительном порядке, состоялось и в театре им. М.Л.Кропивницкого. Второй год подряд я вел там кружок комсомольского политпросвета для молодых актеров (представители творческой интеллигенции считались у нас молодыми до 35 лет). Я без особого труда уговорил Леонова пообщаться с моими подопечными. На встречу со знаменитым актером легендарного захаровского Ленкома, естественно, пришел весь состав труппы. В придачу к доверительной беседе с кировоградскими коллегами Леонов при скромном актерском содействии сопровождавшего его в поездке директора московского театра имени Ленинского комсомола Рафаила Экимяна сыграл небольшую сценку.

На обеих встречах меня поразило необычайное самоедское отношение актера ко всему, за что он брался. После двух этих творческих встреч он каждый раз меня спрашивал: «Ну как я рассказывал, нормально?» И в обоих случаях это было не дежурное выпрашивание еще одного комплимента для поддержания тонуса привыкшего к данному виду наркотика человека. В вопросе, в глазах актера чувствовалась какая-то неуверенность в себе, опасение, что я могу сказать что-то неодобрительное, критическое. Мне в такие моменты начинало казаться, что он меня разыгрывает, благо актерского таланта для этого у него было больше, чем достаточно. Но я до сих пор пребываю в уверенности, что наигрыша и розыгрыша в разоружающих своей непосредственностью вопросах Евгения Павловича вовсе не было. Это был (увы, уже приходится писать в прошедшем времени) удивительно искренний, прямой

(иногда чересчур – о чем несколько позже) и нелукавый человек. Я, например, очень хорошо запомнил такой случай, который может служить одним из свидетельств подобного вывода. Сразу после творческой встречи с актерами кировоградского театра мы, не заезжая в гостиницу, выехали на очередной концерт, который должен был состояться в Новоукраинском районе Дворце культуры. Вся остальная концертная бригада уже уехала туда. Мы оказались в роли догоняющих. Секретарь комсомольской организации театра принес мне уже в отъезжающую машину кипу заполненных членами моего кружка анкет. Накануне утром пространные вопросники были розданы лектором Центрального комитета комсомола Украины, который проводил анкетирование молодых актеров кировоградского театра корифеев и которому я должен был вернуть плоды их творческих познаний и раздумий. Узнав об этой акции, Леонов спросил, может ли он почитать анкеты своих коллег по творческому цеху. Почему нет – пожалуйста. Взяв стопку анкет, актер, сидевший рядом с водителем, углубился в чтение. Время от времени он начинал слегка покачивать головой, явно неодобрительно. Когда Экимян поинтересовался, в чем дело, Евгений Павлович мягко отмахнулся: «Эх, Рафка, лучше тебе не читать, а то тоже расстроишься». Но Рафаил Гарегинович не отставал, он был заинтригован. Леонов сдался: «Да уровень коллег, понимаешь, не всегда на высоте. Ну вот, например, на вопрос «С кем из известных режиссеров Вы бы хотели работать?» уже второй отвечает «с Толстоноговым»... Грустно, однако». В этот момент я представил на месте Леонова какого-нибудь другого московского актера, играющего роли масштаба «Кушать подано!» Наверняка бы снобистски заржал при таком простодушном перекручивании фамилии Георгия Товстоногова, да еще бы отпустил пару уничижительных, а то и оскорбительных для провинциальных актеров реплик. Не хочется проецировать данную ситуацию на Леонида Сметанникова. Его в тот момент с нами не было, и как бы он повел себя на месте Леонова – вопрос все-таки из разряда гипотетических, а не риторических. Но мне, почему-то, кажется, что менее интеллигентно (да простит меня Фемида за нарушение презумпции невиновности).

С обоими артистами я распрощался очень тепло, сфотографировался на память, с моей стороны – долгую (может, не всегда достаточно благодарную). Эта веселая фотография, на которой я стою между двумя героями очерка, – одна из лучших в моем архиве, и, пожалуй, самая любимая. Уж очень лестные для меня надписи сделали эти народные артисты. А кто же перед нею, лестью,

устоит. Слаб – привожу обе, уж простите за нескромность.

«Дорогому другу Борису на память о встрече с пожеланием больших удач и больших свершений в жизни! С ув. Леонид Сметанников. 1978».

«Милый, обаятельный наш товарищ Борис. Станете крупным руководителем – не забывайте про Вини-Пуха, прошедшего вместе с Вами кусочек жизни. С уважением и благодарностью Е.Леонов».

Но окончательный финал моих взаимоотношений с Евгением Павловичем оказался для меня весьма неожиданным. Я до сих пор вспоминаю об этом с горечью и сожалением. Уже будучи аспирантом КГУ, я приехал в Москву для работы в библиотеках. Остановился у своего давнего друга, бывшего кировоградца Александра Котка. Он долгое время работал в ЦК ВЛКСМ, потом в АПН, а накануне моего приезда начал работать в журнале «Советское кино». Саша начал свою журналистскую работу с весьма обнадеживающими для себя перспективами. Ему нравилось общение с известными актерами. Он, например, в первый же день сообщил, что на кровати, которую он предоставил мне для ночлега, еще только вчера спал Александр Абдулов, который за рюмкой чая допоздна засиделся у интервьюера. Друг, между прочим, посетовал, что у него срывается редакторское задание: сделать репортаж с одним из главных актеров фильма «Время и семья Конвей», в котором одновременно снялись со своими сыновьями Евгений Леонов и Олег Табаков. Последний, как оказалось, за несколько дней до этого разговора отказался дать Саше интервью, чем обескуражил и опечалил начинающего хроникера советской кинотусовки.

Я сразу же вызвался помочь другу организовать встречу с Евгением Леоновым. В свое время, узнав поближе этого человека, я был на все сто процентов уверен, что он в моем ходатайстве не откажет. И, возможно, всё было бы именно так, как я предполагал, если бы я повел разговор с актером тактичнее и дипломатичнее. Что касается этого последнего качества, то я и сегодня не могу похвастаться наличием у меня изысканных манер и приемов дипломатической риторики, а во времена молодости, и даже ранней зрелости, дипломат из меня вообще был никакой. Кроме того, меня подвел искренне радушный голос Евгения Павловича, которому я тут же позвонил. После вступительных любезностей и кратенького дежурного разговора «за жизнь», я с места в карьер начал излагать основную цель моего телефонного звонка: мол, мой друг, корреспондент «Советского кино» получил от редактора задание – взять интервью с одним из звездных представителей двух

семейных дуэтов «отец-сын», а Олег Павлович почему-то ему в этом отказал. Уж выручайте, дорогой Евгений Павлович! На другом конце провода на минуту повисла пауза. Я принял ее за обдумывание артистом удобного для него времени и места встречи с корреспондентом. Но потом я вдруг услышал огорошившую меня реплику: «Что, за неимением гербовой пишут и на простой? Я в запасе и на подстраховке, даже у Табакова, быть не собираюсь. Так дела не делаются...» Я смущенно-скомканно поизвинился и попрощался. И понял, что навсегда. Леонов бы, конечно, со временем поостыл и простил мою бестактность. Но я сам себе ее не простил. Мне до сих пор стыдно за нанесенную великому артисту обиду и за собственную недипломатическую «лажу».

Золотая звезда державы

В октябре 1977 года буковинская крымчанка София Ротару приехала в наши края уже народной артисткой, правда, еще только СССР. Тоже круто, если учесть, что это высшее для союзной республики звание она получила в 29 лет! Да и народную СССР ей тоже дали необычайно рано – всего-то в 40 лет, что для такого почетного звания тогда было очень большим достижением. Более того, до Ротару это звание не давали ни одной современной поп-певице. Она была первой, торившей дорогу к самому высокому званию всем прочим коллегам по жанру и манере исполнения. Встречая в аэропорту прилетевший со столичных концертов коллектив, я не на шутку встревожился, заметив, что София Михайловна была «вся в соплях» от сильного насморка. Она пояснила, что неожиданная ранняя снежная московская слякоть застала ее ансамбль по-летнему экипированным, а она оказалась слабым звеном. Я подумал, что ее муж, руководитель ансамбля «Червона рута» Анатолий Евдокименко, оказался еще более слабым звеном, т.е. вообще слег в московскую больницу. Но звездная жена успокоила меня, сообщив, что Толя сейчас на сессии в Киевском институте культуры, где получает второе высшее образование режиссера-постановщика, и что он не сегодня-завтра прилетит в Кировоград и выйдет на сцену. Забегая наперед, скажу, что Анатолий Кириллович прилетел из Киева только на четвертый день. За все отсутствовавшие концерты ему не было сделано никаких начислений, что его очень удивило. Мне запомнился наш разговор тет-а-тет в коридоре кировоградской филармонии. Скрестив руки на груди, руководитель-трубач начал надувать щеки. Всем своим видом и тоном речи он пытался показать, кто есть «ху».

Он не качал права, не требовал незаработанных денег. Просто надеялся, что провинциальный обком комсомола учтет, что он не простой лабух, а как-никак муж самОй Ротару. Муж звезды, даже в статусе руководителя сопровождавшего ее инструментального ансамбля, даже будучи талантливым музыкантом, а впоследствии – режиссером-постановщиком всех концертных программ супруги, – это почти всегда закомплексованно амбициозный человек. Именно таким показался мне Анатолий Евдокименко, у которого плохо получалось мужественно держаться в тени знаменитой супруги. После нашего разговора я заметил небольшую возню: Евдокименко начал шушукаться с Михаилом Бубисом, администратором бригады, тот – с Ротару. Надо отдать должное Софии Михайловне: она не унизилась до безосновательных хлопотаний за мужа. Более того, этот эпизод, как мне показалось, не отразился на ее отношении ко мне. Откровенно говоря, у певицы самОй в гастрольном шкафу был скелетик, о котором я мог узнать. И я узнал. Мой тезка, радист филармонии Борис, под страшным секретом поведал мне, что Ротару попросила его пускать фонограмму, что он и делал на каждом ее кировоградском концерте. К сведению молодежи: в те времена «фанера» все-таки была исключением из правил. У Софии Михайловны, следует признать, причина была уважительной: она была простужена, ее глубокий грудной контральто из бархатистого превратился в хрипло-сиплый. Ложь во благо кировоградской публики можно было если не поощрить, то хотя бы простить. Несколькими годами позже Кобзон в разговоре о вокальных данных различных известных советских певцов рассказывал, что Соне в Канаде делали операцию на голосовых связках - удаляли узелки - и что ей, во избежание рецидивов, надо было бы временно поберечь себя и, конечно, поработать с педагогом. Фонограммы на кировоградских концертах позволили певице сохранить голос до победы над простудой, что через несколько дней позволило ей петь вживую на других концертных площадках области. И делала она это с блеском. Публика пыталась бисировать каждую песню, но Ротару, постоянно щадя свой хрупкий голосовой аппарат, умело укрощала зрительские эмоции и уверенно шла к финалу концерта. После каждого ее выступления у служебного входа концертных площадок, где она выступала, собирались толпы поклонников. Она работала в одном концерте с очень популярным в Украине в 1950-е – 1960-е годы киноактером и мастером эстрадной репризы, народным артистом УССР Андреем Сохой. В 1977 году карьера 65-летнего юмориста близилась к закату, но многие его хорошо помнили и тепло принимали играемые

(а не только читаемые) им с эстрадных подмостков юморески. Мне запомнилось, как мы с ним вдвоем в машине у служебного входа поджидали отработавшую концерт Сою. Если мне не изменяет память, это было в Знаменке. Наблюдая, как поклонники восторженно встречают вышедшую из Дворца культуры певицу, Андрей Корнеевич пару раз кряду воскликнул: «Господи, как ее любят, как ее любят!» Такие восклицания дорогого стоят: они прозвучали из уст человека, знавшего успех, даже, можно сказать, славу. Кстати, сама Ротару слушала из-за кулис каждое выступление Андрея Совы. Она очень меня удивила, когда первый раз спросила у меня, что сказал Андрей Корнеевич, почему засмеялась публики? Я сначала подумал, что она плохо расслышала, потому что из-за кулис порой трудно полноценно воспринимать уходящий в зал звук. Но потом, когда она стала частенько переспрашивать меня, что смешного в той или иной миниатюре, что значит то или другое слово, особенно идиоматическое выражение, до меня дошло, что эта рожденная в молдавском селе на Буковине певица очень плохо знает украинский язык, хотя публике догадаться об этом было трудно, так как песни на украинском языке она пела без какого-то особо заметного акцента. Однако по-русски она говорила хорошо, поэтому в Крыму, куда она переехала за два года до кировоградских гастролей, она себя чувствовала очень комфортно. И прежде всего потому, что нашла общий язык с директором Крымской филармонии, переманивший к себе певицу из Черновцов. Этот буковинский, казалось бы, родной, город неожиданно стал для нее неуютным. Не совсем устраивала творческая атмосфера в областной филармонии, ставшая следствием общей идеологической кутерьмы, закрученной вокруг самых родных и близких ей людей. Черновицкий обком партии начал, как сейчас говорят, щемить ее родственников. Сегодняшним молодым людям могут показаться абсурдными причины начавшихся против ее отца и брата гонений. Михаил Фёдорович Ротарь (именно эта фамилия была указана в паспорте певицы и трудовом договоре с обкомом комсомола), получивший на войне ранение и первый, кто по возвращении с фронта вступил в КПСС в родном селе, был исключен из партии и уволен с работы. За что? Да за то, что систематически, не таясь, праздновал Старый Новый год. Брат, естественно, – тоже, за что был исключен из комсомола, а это автоматически повлекло за собой его изгнание из университета.

«Исходу» из Черновицкой филармонии на крымскую землю Софии Ротару вместе с ансамблем «Червона рута» под управлением Анатолия Евдокименко поспособствовал не столько директор

филармонии благодатного курортного края, сколько первый секретарь Крымского обкома партии Николай Кириченко. «Эх, не уберегли вы у себя Николая Карповича, золотого человека!» – не несколько раз замечала в наших разговорах певица. Дело в том, что Кириченко в 1960-х годах работал в нашей области, дослужившись до первого секретаря Кировоградского обкома партии. Моя мать, Екатерина Дементьевна Рудык, работавшая на протяжении пяти послевоенных лет первым секретарем Кировоградского горкома комсомола, а потом – на партийной работе, очень часто и очень тепло отзывалась о Николае Карповиче, помня его и как своего высокого комсомольского начальника (второго секретаря ЦК ЛКСМУ), и как советско-партийного руководителя нашей области. Мне тоже довелось узнать поближе этого поистине чудесного человека. Весной 1976 года, перед окончанием Высшей партийной школы, я вместе с несколькими другими однокурсниками попал на месячную практику в Крымский обком ЛКСМУ, находившийся в одном помещении с обкомом партии. Николай Карпович встретился с нами, практикантами, долго беседовал. Потом мы нередко пересекались с ним в коридорах крымской власти, возле здания обкома. Он, как бывший комсомольский вождь, в беседе с нами, в частности, сетовал на то, что значки теперь носят только комсомольские работники. Кстати, он всегда первым уважительно здоровался с каждым, у кого на груди замечал комсомольский значок. Но, естественно, не за это Ротару так нежно говорила о Николае Карповиче. Кириченко сразу же «сделал» ей чудесную (по тем временам и понятиям) квартиру-«двушку» в самом центре Ялты, в новой многоэтажке на набережной. Кроме того, демократичный и порядочный Кириченко никогда бы не опустился до сведения идеологических счетов с дочкой коммуниста, якобы подрывающего устои Системы. Именно этого и опасалась певица со стороны буковинских правоверных блюстителей принципов и норм советского образа жизни. Ей и всему ансамблю «Червоная рута» могли «перекрыть кислород» и существенно подрезать крылышки артистам, которые к середине семидесятых совершили высокий творческий взлёт.

Тогдашний советский обыватель, естественно, ничего не знал обо всех обстоятельствах переезда звезды в Крым, поэтому начали рождаться и распространяться всевозможные слухи и домыслы относительно не только звонкой, но и «болезненно» тонкой Ротару. Одни утверждали, что Соня переехала в Ялту из-за астмы, другие, которых было большинство, уверяли, что она поехала лечить морским воздухом туберкулез легких. Моя мать, например, скло-

нялась к последней, «чахоточной» версии. Накануне приезда певицы она даже попросила меня держаться от этой «тростиночки» на безопасном расстоянии. Я, конечно, материнских предписаний не выполнял, но в первые дни, прислушиваясь к покашливанию простуженной артистки, немного нервничал. Позже мне было смешно и стыдно за такую легкую подозрительность, особенно после того, как в одном из разговоров она сама вышла на эту тему. Слухи о ее «туберкулезе» не только доходили до ее ушей. Доходило до того, что чересчур простые зрители, бывало, вместо цветов, а то и вместе с цветами выносили ей на сцену пакеты с домашними яйцами, сметаной, свежим молоком. Это и умиляло, и немного расстраивало народную любимицу. Она, конечно, понимала, что слухи и их нежелательные последствия – это издержки ее профессии, особенно для тех, кто в ней преуспевает. Вначале она болезненно на них реагировала, но потом научилась философски-снисходительно относиться к подобным проявлениям заботы и любви простых людей. Она сама была из простых людей, не стеснялась этого, порой даже нарочито, как мне показалось, подчеркивала эту деталь своей биографии. Под конец гастролей по Кировограду стали распространяться рассказы о том, что в нашем городе Ротару догола обчистили грабители. На этот раз слух был частично верным. Какой-то такой же худой, как Ротару, воришка, пока та открывала под фонограмму рот на сцене, открыл форточку и залез в филармоническую грим-уборную певицы. Он покусился на святое – фирменные джинсы и кожаную курточку Сони. Она была в шоке. Опять-таки, для молодежи стоит пояснить, что слово «шок» в данном контексте – вовсе не стилистический прием автора, которым он злоупотребил для хлесткой гиперболы. Кроме того, для лучшего понимания происшедшего хочется сделать еще одно маленькое отступление на тему «Джинсы в СССР» (вместо «джинсы» можно подставить «кожа», «хрусталь» и еще немалый ряд статусных дефицитных товаров тех времен). Как-то раз Хазанов рассказал мне анекдот (я его знал, но не признавался: хотел услышать хохму в фирменном исполнении мастера). Грузин просит у дантиста поставить ему недостающий зуб, подчеркивая при этом, что цена не имеет значения. Врач начинает предлагать золото, платину, бриллианты, но пациент все их отклоняет, каждый раз повторяя всё с большим раздражением: «Ты что, не слышишь – деньги не имеют значения!» Обескураженный дантист наконец спрашивает: «Так из какого же материала вы хотите себе зубной протез?!» «Слушай, кацо, поставь мне джинсовый зуб!» (Конец анекдота, молодым уже можно смеяться). А теперь, для

пущей ясности, уже не анекдот, а реальный эпизод из тех событий, которые я взялся описывать (в смысле, не облагораживать, но и не облагораживать, а просто адекватно отображать в силу памяти и способностей). В июне-июле 1977 года у нас гостила большая концертная бригада москвичей и ленинградцев. Продумывая гастрольный маршрут, мы решили хоть разок облагодетельствовать такой райцентр, как Новгородка. Местный стадион в целом позволял проведение на нем концерта, который должен был дать полные сборы и перекрыть затраты. Стадион – площадка специфическая, диктующая соответствующие формы и методы сценической презентации шоу-продукта. Решено было привлечь к участию в крупномасштабном перформансе кировоградский заслуженный ансамбль танца «Ятрань». Он был на пике своих творческих возможностей. Особой популярности этот коллектив достиг благодаря своему недавнему длительному и успешному гастрольному турне по городам США и Великобритании. Ятранский автобус въехал на поле стадиона позже всех других участников концерта. Зрителей еще не было. Ленинградский симфо-джаз проводил последнюю репетицию с Валерием Ободзинским, укрывшим майкой порядком облысевшую голову от палящего солнца, мы с Елисаветским продолжали начатый в машине разговор с Евгением Сусловым, оголившиеся по пояс и закатавшие брюки молодые ребята из «Самоцветов» играли возле помоста в мини-футбол... И тут из подъехавшего автобуса стали выходить ятранцы. Они почти все поголовно были в настоящих американских джинсах (неамериканские, пусть даже западные, считались тогда не вполне фирменными). Ятранцы знали, с кем они будут работать в одном концерте. Можно было предположить, что при всей своей высокой самооценке они всё же артисты самостоятельные, «широко известные в узких кругах», и потому будут с интересом глазеть на известных всему Советскому Союзу профессионалов. Но вышло почти с точностью до наоборот. Конечно, знаменитости неприкрыто, пардон, пялились не на незнакомые лица, а на знакомые им лейблы самых престижных джинсовых брендов. Сначала ко мне подошел Лёша Глызин, потом Серёжа Беликов. Они по очереди, хоть и в разных редакциях, задавали мне один и тот же вопрос, сродни чапаевскому из одноименного культового фильма: «Кто такой, почему не знаю?!» Вопросы известных артистов фокусировались на одном: откуда у всех этих самостоятельных провинциалов такая редкая фирменная «униформа»? Последними ко мне подошли Елена и Владимир Пресняковы, которые за минуту до этого откровенно разглядывали

вышедших из автобуса ятранцев, а я в это время с улыбкой разглядывал самих зевак. «Послушай, Боря...» «Это ВЫ хотели меня послушать, – перебил я супругов, – и даже знаю о чем. Вас интересует, где все эти молодые люди достали такие классные джинсы, правда?» Петровичи сначала опешили, а потом рассмеялись. Они еще больше развеселились, когда я им рассказал, как ко мне уже подходили их коллеги и спрашивали о том же самом непонятном для именитых артистов феномене. К тому же я сам был в весьма экстравагантных джинсах Wrangler, которые за полтора месяца до этого купил на Мальте. Вероятно, гастролеры решили, что они попали в край непуганого дефицита и что я запросто смогу поспособствовать им в приобретении на какой-нибудь областной/районной/межрайонной базе хотя бы по паре престижных заморских штанов. После еще одного моего пояснительного «дубля» гостям осталось лишь завидовать таким «далековоездным» танцорам самодеятельного коллектива. Вообще-то по базам и магазинным подсобкам мы возили самых-самых. Звездочки и звездочки из кордебалета и подпевки могли довольствоваться каким-нибудь банкетом или пикником на обочине дороги, по которой звезд возили к алмазным трубкам дефицита. Только звездам первой величины торговое начальство могло соизволить выделить кое-какие «товары повышенного спроса» за тщеславное удовольствие вплотную пообщаться со звездным просителем. В областном и районных центрах хватало начальства и собственных родственников, чтобы торговые боссы не разбрасывались тем, чего всем так не хватало. В этой связи показательным можно считать случай, произошедший на одной из кировоградских оптовых баз со Львом Лещенко. По дороге на базу Лёва среди желанных приобретений упомянул ондатровую шапку. Уже на территории базы, на пути к директорскому кабинету я встретил одну из знакомых работниц базы (меня уже хорошо здесь знали: чай, не первого гостя привез). Я поинтересовался, есть ли в наличии ондатровые шапки. «Есть, только что поступила целая партия – просите», – ободрила нас обоих женщина, разглядывая вблизи красавца Лёву. Когда Есин, директор базы, после небольшой «светской беседы» спросил гостя «Что вас интересует?», Лёва, не подозревая ждавшей его унижительной развязки, простодушно заявил: «Мне бы ондатровую шапку». Хозяин-барин, немного задумавшись и извинившись, произнес: «Давненько уже не завозили...» И я, и Лёва готовы были от стыда провалиться сквозь землю. Ничего подобного не могло произойти с Ротару, потому что, насколько я помню, на базы она не просилась. Можно было предположить, что сдержан-

ность и несуетливость певицы на сцене была характерна ей и в быту, но мне так, судя по совокупности наблюдений за артисткой, не показалось. Из более вероятных версий у меня была такая: меценатствующий партийный руководитель Крыма Николай Кириченко покровительствовал Ротару (а также Богатикову и другим ведущим артистам филармонии) в обеспечении дефицитами на уровне высшей партхозноменклатуры области. Может быть, она «паслась» еще и в Молдавии, признававшей её своей? Она не только закончила там Кишиневский институт искусств, но, главное, была молдаванкой, многими хитами, исполняемыми на родном языке, прославляла и молдавскую землю (например, в песне «Кодры»), и ее столицу не только в СССР, но и далеко за его пределами, становясь лауреатом и победителем ряда международных певческих конкурсов.

Так, в 1973 году на конкурсе «Золотой Орфей» в Болгарии Ротару с песней молдавского композитора Евгения Доги «Мой город» завоевала первую премию. Эта песня стала своеобразным гимном Кишинёва. Не случайным поэтому было присвоение ей в 1983 году звания Народной артистки Молдавской ССР. Более того, она получила Орден

*София Ротару после концерта
за кулисами Кировоградской филармонии,
1977 год*

Республики – высшую государственную награду Молдавии. По уровню значимости, предоставляемым привилегиям и выплате льгот орден примерно соответствовал бывшему званию союзного Героя Социалистического Труда. Этих регалий она была удостоена позже, но уже на момент, о котором я повествую, историческая (в этническом отношении) родина Софии Ротару всячески привлекала и почитала своего кумира. В Молдавию и простые-то украинцы частенько ездили за определенными продуктами и промтоварами, которых в открытой торговле в Украине было не достать. А уж для родной Сони там наверняка открывались двери самых закрытых и привилегированных лабазов. Но это всё – всего лишь мои предположения, появившиеся после того, как она нам с Ан-

дреем Совой во время одного из переездов по области рассказывала о том, как частенько к ней за дефицитами приезжали младшие сестры Аурика и Лидия. Она такой щедрой рукой одаряла их лучшим тряпично-обувным импортом и продуктовыми деликатесами, что те в шутку называли старшую сестру «Соня Золотая Ручка». Я вспомнил об этом, когда в 2000 году София Ротару была удостоена титула «Золотой голос Украины», и подумал, что лучшего каламбура, чем «Соня Золотой Голос» и не придумаешь. Но титул «Золотой голос Украины» так заелозили и стольким вокалистам официально и неофициально присвоили, что произошла его неизбежная девальвация. Поэтому, когда я в 2002 году услышал о присвоении Ротару звания «Герой Украины» с вручением ей ордена «Золотая Звезда», на ум сразу же пришел другой, более удачный титул, в котором сплелись и высшей пробы звездный артистический статус, и официальная государственная оценка реального вклада певицы в украинскую культуру – «Соня Золотая Звезда». Позже выяснилось, что наши медиа напутали: Соне присвоили звание «Герой Украины», но вручили Орден Государства. Дело в том, что героям Украины «Золотая звезда» вручается за совершение выдающегося героического поступка, а за выдающиеся трудовые достижения – Орден Государства (укр. Орден Держави). Хотя в последние годы многим весьма спорным и намного менее достойным (по сравнению с Ротару) кавалерам наивысшей награды Украины вручали «Золотую звезду» именно за трудовые достижения, а не за героические поступки. Поэтому я со спокойной душой для личного пользования оставил в силе прежний каламбур для Сони, настоящей золотой звезды не только отечественной эстрады, но и украинской державы в целом.

Сладкая парочка

Из всех народных артистов, с которыми мне довелось общаться, самым народным, безусловно, является Иосиф Кобзон. Он – народный артист Дагестанской АССР (1974), народный артист РСФСР (1980), народный артист СССР (1987), народный артист Украины (1991), народный артист Республики Калмыкия (2007), народный артист Республики Северная Осетия-Алания (2008). Конечно, наивысшим из этих званий является «Народный артист СССР». Кобзон настолько им дорожит, что после исчезновения с карт мира страны, присвоившей ему это звание, он все равно требует величать его исключительно с этой артистической приставкой. Красно-речивым и символичным в этой связи можно считать публикацию им в 2012 году своей книги «Кобзон Советского Союза».

Кто-то может подумать, что Кобзон – клинический «совок», которого в детстве или молодости сильно заклинило на всё советское. Мои наблюдения, однако, опровергают такой упрощенно-однобокий подход к оценке этой многогранной и противоречивой личности. Да, в его репертуаре было очень много произведений в духе социалистического патриотизма, советских и комсомольских песен, прославляющих партию, комсомол, трудовые и воинские подвиги народа-строителя коммунизма. Да что там песни о партии, мало ли кто их пел – Кобзон с 1973-го по 1991 г. был членом КПСС (в точности совпало с моим пребыванием в партии), что тогда являлось редким исключением для артистов эстрады, особенно звездных.

Но это, на мой взгляд, было не более чем обыкновенным и массовым в те времена приспособленчеством. Он хорошо знал, куда надо вступать, чтобы больше и выгоднее выступать, что надо и не надо петь, что и как можно и нужно говорить с трибуны и со сцены. Но в неформальной обстановке, особенно в кругу друзей и знакомых, он позволял себе мягкую антисоветскую фронду. По его многочисленным ситуативным рассказам, репликам, шуткам, анекдотам можно было сделать вывод о том, что к возможностям и перспективам советской системы он относился более чем трезво. Конечно, диссидентом и антисоветчиком он не был, но не было в нем и бездумного верноподданничества, и настоящей убежденности в правоте марксистской идеи и практики ее реализации в СССР, других странах коммунистического блока, куда его, на зависть многим другим творческим работникам, нередко пускали на международные певческие конкурсы и гастролы. Но его выпускали и дальше, даже в самое логово капитализма – США. Кстати, поездив с концертами по миру, в том числе по развитым капитанам, он, видя в основном их глянцевый фасад, никогда не говорил о Западе с придыханием и восторгом. Может, понимал, что впечатления гастролера, как правило, не отличаются глубиной и точностью понимания чужих социально-экономических реалий. И все-таки его аналитические выводы, как я понял, в целом были не в пользу развитого социализма. Но, когда реальный социализм в стране советов приказал долго жить, Кобзон стал по нему немного ностальгировать. И, если разобраться, у него для этого было немало причин.

У Маркса была концепция абсолютного и относительного обнищания. Уже в годы перестройки ее начали критиковать наши видные обществоведы, заявляя, что относительное обнищание – это пустая схоластическая конструкция. Мол, если пролетарий

стал получать, к примеру, на 10% больше, а капиталист за это же время – хотя бы на 1 процент больше (т.е. – на 11%), то, значит, наемный рабочий обнищал? Ерунда: относительно обнищать, став при этом богаче, – это ошибочный вывод основоположника марксизма. Я же в этой полемике на стороне Маркса. В постсоветское время Кобзон, несомненно, стал намного богаче, чем был в советские времена. Всезнающий Шая (так близкие звали зам. директора филармонии А.И.Елисаветского) говорил мне, что ему удалось «прокачать на косвенных» Кобзона и вычислить, что сбережения певца за все годы его бурной творческой жизни на середину 1970-х годов составляли, как минимум, полмиллиона рублей!!! Тем, кто «родом из СССР», не стоит пояснять, насколько астрономической была эта сумма. Александр Ильич рассказывал мне о выведенной тайне, как о чем-то запредельном, не укладывающемся в голову, как, например, о феномене бесконечности Вселенной. Сегодня, заглянув в Интернет, можно свободно узнать, что только за один 2011 год Кобзон с женой обогатились на 44,2 миллиона рублей. Нынешний российский рубль, конечно, уже не тот, советский, но это все равно больше. Про остальное добро и говорить не приходится. Привожу цитату из Википедии: «Кобзону вместе с супругой принадлежат 5 земельных участков общей площадью 19,6 тысячи квадратных метров, 3 жилых дома, 5 квартир, 3 автомобиля Mercedes-Benz и Rolls-Royce Phantom». Можно было бы ограничиться кратким и ходовым нынче заморским заимствованием: No Comment, но я все же откомментирую. Из моих бесед с Кобзоном я узнал несколько фактов, которые могут послужить в качестве референтных значений. На 1978 год у Иосифа Давыдовича, кроме определенной суммы денег (не знаю какой), было несколько предметов и поводов для гордости и хвастовства. Во-первых, у него была двухуровневая квартира. Он сказал, что к своей квартире («двушке» или «трешке» – не уточнял) он присоединил еще одну этажом выше. Наверно, это было в кооперативном доме, где квартиры покупались-продавались. Во-вторых, у него была дача с телефоном, указанным на визитке. Наличие телефона на даче в придачу к квартирному свидетельствовало о том, что владелец – немалая «шишка». В третьих, у Кобзона была личная черная «Волга». Не по чину. Для деятелей искусства автомобиль «Волга» полагался, начиная со звания народный артист союзной республики. А Кобзон тогда был только заслуженным артистом РСФСР.

Как певцу удавалось обходить чиновничьи положения и нормы? Да очень просто – ублажая чиновников. Альберт Писаренков,

хороший друг Кобзона, рассказывал мне про один из способов, которые певец практиковал, чтобы порадовать родному человечку в ЦК, горкоме, райкоме, Моссовете, Москонцерте, Госконцерте и т.д. Приглашают, например, Кобзона на гастроль куда-нибудь «на севера» или еще какой суровый или отдаленный край, куда больше, чем в другие комфортные для жизни регионы, распределяется импортных дубленок. Это, как правило, были левые концерты, потому что на плановые выступления популярных артистов направляли в основном в крупные города с залами повышенной вместительности (например, дворцами спорта), где гастролеры делали полные сборы и обеспечивали большие поступления прибыли в госбюджет. Так вот, приглашающей стороне Кобзон обещал найти отмазку от поездки на плановые гастроли в большие города и приехать в жаждавшую послушать его глубинку, но при этом выставлял всего лишь одно, но жесткое условие: вместо оплаты деньгами вы мне даете одну дубленку за каждый спетый сольник. Это также могли быть внеплановые дополнительные концерты в леспром- и зверосовхозах, куда можно было закатить после указанных в гастрольном маршруте выступлений в областном центре, благо, здоровья и голоса на такие вылазки у певца было с многократным запасом. Далеко не все конторы могли потянуть такой «ясак», но случаев таких натуроплат было достаточно для того, чтобы в столицу Кобзон возвращался с ворохом супердефицитных импортных дубленок. Вторая часть Марлезонского балета заключалась в обходе вышеупомянутых высоких инстанций и бесплатной раздаче слонов (в смысле дубленок) нужным людям. То есть ларчик открывался просто, особенно если он был полон дефицита.

Если читатель подумает, что я хочу показать Кобзона как корыстолюбца-«нужника», ненасытного паука, хитро опутывающего коррупционной паутиной высоких начальников, то он ошибается. Большого благотворителя-мецената, более бескорыстного друга, спешащего на помощь попавшим в стесненное или бедственное положение товарищей, вам не назовет ни один из его коллег, да и всех хорошо знающих этого артиста людей. Дивидендами с честно заработанных и бесплатно розданных начальству дубленок он чрезвычайно щедро делился с очень многими. Я, например, был свидетелем того, как он в Александрии оплатил дорогой ресторанный обед за весь свой коллектив (за меня и Сенчину в том числе). В отличие от меня, вся остальная братия даже не возражала – уже привыкли. Музыканты сопровождавшего его ансамбля «Время» (поднял смету концерта – 10 инструменталистов

плюс конференсье В.М.Гилевич) держались Кобзона, как вошь кожуха, потому что на левых концертах с них ничего не взималось и не перераспределялось в пользу того, кто эти гастроли (с гораздо большей оплатой и недозволенно превышенным количеством концертов) обеспечил своим звездным именем. Кобзон мог себе позволить подобную благородную щедрость, потому что его официальная ставка за один сольный концерт при не самом высоком звании была самой высокой в СССР – 166 рублей! Кировоградский обком комсомола платил вдвое больше. А работал у нас Кобзон по 4 концерта в день. Для сравнения: у Пугачевой в смете стояло 16 руб.50 коп., а в нашей комсомольской ведомости она расписывалась за 33 руб., полагавшихся ей за один концерт (помножьте еще на два выступления в день). Но реально на внеплановых концертах Пугачева, так же, как и Хазанов, получала на руки от привозившего ее администратора-устроителя гастролей по 300 рублей за концерт.

Откуда дровишки? Из перераспределительного котла, вестимо. Вся творческо-техническая обслуга звезды тоже получала от нашего бухгалтера двойную оплату за каждый концерт. Я уже ранее отмечал, что в те времена сложилась парадоксально-анекдотическая ситуация, столь характерная для советской системы оплаты труда. Напомню: заурядный «лабух», бывший одновременно и инструменталистом, и бэк-вокалистом для основного солиста, получал больше звезды. Например, каждый участник ВИА «Ритм» получал за концерт 19,50 руб., т.е. на 3 рубля больше своей солистки-вокалистки Пугачевой. Но музыканты прекрасно знали, что на каждом из 8-ми дозволенных официальных концертов в месяц они только эту сумму и получают, а за 8 дней кировоградского спурта они отработают 16 левых концертов, и за каждый получают от обкома комсомола вдвое больше – по 39 рублей. Но еще лучше они понимали, что без Пугачевой их никто никуда не пригласит и двойную ставку не заплатит. Поэтому звезде полагалось отстегивать. За них это делал администратор, которому они и отдавали конверты с деньгами сразу после росписи в ведомости Любы Тетериной, бухгалтера Кировоградского горкома комсомола. В гостинице администратор гастролирующего коллектива высыпал на стол содержимое конвертов и перераспределял деньги, согласно действительной цене каждого артиста, сложившейся на негласном советском рынке шоу-бизнеса. Но все-таки этот рынок не мог адекватно определить, «кто сколько стоит». Кобзон на левых концертах и без перераспределения получал больше, чем Пугачева с перераспределением. А ведь в последней трети 1970-х

она по популярности превосходила всех, в том числе и Кобзона. Но Кобзон к тому времени уже успел собрать букетик артистических званий. Кроме уже упомянутого («Народный артист Дагестанской АССР»), в его активе были звания «Заслуженный артист Чечено-Ингушской АССР» (1964) и «Заслуженный артист РСФСР» (1973). Плюс в графе «Условия оплаты» стояло 120%. Итого в гастрольной смете «Росконцерта» за 1978 год напротив вокалиста Кобзона в колонке под названием «Зарплата за 1 концерт» стояла сумма в 166 рублей. Пугачева же на момент кировоградских гастролей была всего лишь победителем международного конкурса «Золотой Орфей» в Болгарии. Но это не в счет, тем более что Кобзон и по этому показателю был впереди, становясь за десяток лет до этого лауреатом международных конкурсов в Сопоте, Варшаве, Берлине и Будапеште. В плановой системе оплаты труда артистические звания всегда побивают всякие рыночные рейтинги популярности. Подарками чиновникам, как мне говорили, Пугачева не разбрасывалась, да и идейных песен вовсе не пела. Чего же тогда удивляться, что в аналогичной итоговой графе у нее значилась в 10 раз (!) меньшая сумма. Относительно зарплаты Кобзона.

Вот мы и вернулись к нашей теории относительности. По сути, Кобзон был не только сказочно богат относительно простых сограждан, но и ощутимо материально состоятельней коллег из первой шеренги отечественной сценической элиты. Не менее популярный в те времена Лев Лещенко не без гордости рассказывал мне, как за внеплановый приезд на несколько концертов в Тольятти ВАЗ «сделал» (продал) ему экспортную «шестерку». Но относительно «Волги» шестая модель «Жигулей» «не катила», прежде всего по параметру «престижность». О двухуровневых квартирах и таких, как у Кобзона, дачах большинство артистов могло только мечтать. О его выездном статусе – тоже. Гастроли, на которых он получал не мизерные суточные, как сопровождавшие его музыканты, а очень приличные для советского артиста гонорары в инвалюте, проходили в США, Панаме, Перу, Эквадоре, Боливии, Уругвае, Коста-Рике, Аргентине, Португалии, Швеции, Германии, Греции, Финляндии, ряде африканских стран. Многие нынешние молодые украинцы тоже немало поехали по свету, но им не понять, что означали указанные гастрольные маршруты для советского артиста. Для многих коллег Кобзона съездить в подобные турне с такими же условиями оплаты труда было все равно, что слетать на Марс.

Без Кобзона практически не обходился ни один правительственный и приравненный к нему концерт. На телеэкранах он

мелькал почаще других. Без Кобзона не было ни одного финала передачи «Песня года» в 1971-2004 годах. Иосиф Давыдович, как, впрочем, и остальные ведущие советские артисты, внутри страны были практически полностью ограждены от конкуренции заграничных, прежде всего, западных, звезд различной величины. Поэтому любовь и почитание советской публики были сфокусированы и монетизированы исключительно на отечественных исполнителях. В условиях такого культурного протекционизма лучи славы грели наших лучших представителей творческой элиты еще жарче.

В Книгу рекордов Гиннеса Кобзон попал как рекордсмен по присвоенным артисту званиям и наградам. Ему при жизни (!) поставили памятник в Донецке: редчайший случай, особенно для артиста. БОльшая часть этих почестей приходится на советский период. Возникает закономерный вопрос: по заслугам ли? И да, и нет. С одной стороны, талант Кобзона велик. На тот момент, о котором я в основном пишу, его голос набрал оптимальных кондиций. Когда я слушаю записи, сделанные на заре его певческой карьеры, то его голос кажется мне заурядным, незрелым и даже неинтересным. Но к середине семидесятых в нем появляются такие чарующие грудные призывки, такие редкие по красоте обертоны, с такой специфической, сразу узнаваемой тембровой окраской и техникой бельканто, что певца хочется слушать бесконечно. Да и петь он мог буквально бесконечно. Известный поэт-пародист Александр Иванов написал и прочел в телепрограмме «Вокруг смеха» сразу ставшую крылатой эпиграмму-двустихье: «Как не остановить бегущего бизона, так не остановить поющего Кобзона». Со своей суперпрофессиональной постановкой голоса он без, казалось, малейшего напряжения пел по 4 концерта в день, причем количество песен в каждом из них превосходило то, которое мог спеть какой-либо иной вокалист, побывавший у нас на гастролях. Если бы концертам артистов, так же, как женским колготкам, присваивали номера плотности, то кобзоновские сольники все шли бы с маркировкой 200 дэн (от английского density – плотность) и выше.

Свой 70-летний юбилей Иосиф Кобзон отметил на сцене Кремля концертом, который длился с семи вечера до полтретьего ночи (чистых семь часов без учета 30-минутного антракта). А на своё 65-летие он пел в Кремле 11 часов: с семи вечера до шести утра! На какой бы площадке ни пел Кобзон, он никогда не дослушивал не то что до конца – даже до середины оваций, заряжая одну песню за другой, доводя в конце концерта публику до восторга. И для

этого ему не надо было никакого внешнего эмоционального пережизнения (прыганья-беганья, провокационных хлопаний, приглашающих публику завестись до экстаза). Строгий и благородный минимализм в жестикуляции и мимике со скрытой бурлящей лавой внутренней экспрессии, которая незримо извергалась на сидящих в зале, эстетически зажигая и детонируя их изнутри. На каждую категорию слушателей у него была своя приманка – «хоть тебе» современная песенная классика, «хоть» – лирические и шуточные песни 1930-х годов, ну и оперные арии, романсы, народные песни. Короче, на любой вкус, благо феноменальная память певца позволяет помнить и безошибочно воспроизводить каждую из более чем трех тысяч произведений его обширнейшего репертуара. Отдельную статью можно было бы написать о его неуёмной жизненной энергии, трудолюбии и взыскательном отношении к качеству собственной работы. Несколько раз при переездах из одного города в другой он в машине, глядя в ноты и сам себе дирижируя, разучивал новые песни. А однажды, после одного из концертов в Александрии, он, пока проветривали зал перед следующей аншлаговой партией зрителей, репетировал, повернувшись к ансамблю и перекрывая без микрофона «медь» оркестра, добиваясь от своих музыкантов корректировки аккомпанемента (что-то услышал не то во время только что закончившегося выступления).

С одной стороны, Кобзону надо было бы не любить коммунистический режим за то, что при нем он не мог получать столько, сколько зарабатывал бы в развитой капиталистической стране. Вокальные способности экономисты относят к такому ресурсу, как «труд». Уникальный, профессионально поставленный голос в условиях рыночной экономики в абсолютном выражении всегда получает намного большее вознаграждение, чем в плановой социально-экономической модели. Чуть ли не все гостившие у нас певцы рано или поздно, так или иначе в своих разговорах выходили на сравнения огромных гонораров западных исполнителей примерно такого же калибра со своими более чем скромными заработками, особенно официальными. Кобзон со своими недостижимыми для большинства советских коллег 166-ю рублями за концерт выглядел нищим по сравнению с западными певцами своего уровня. В контексте постсоветского скандала вокруг Кобзона как «крестного отца преступного мира» его начали называть «российским Фрэнком Синатрой». Последнего тоже обвиняли в связях с мафией ну и, естественно, проводили параллели между их головами и манерой исполнения. Американский Синатра и Кобзон советского периода получали за один концерт несравнимо разные

деньги, не только по названию валюты, но и по величине гонораров в сопоставимом курсовом выражении и покупательной способности денег. Но, помимо певцов, предлагающих ресурс «труд», в рыночных странах есть и обладатели трех других ресурсов (факторов производства) – земли, капитала и предпринимательских способностей. Первые два из них в коммунистических странах находятся в собственности государства, которое и получает причитающиеся владельцу рентные и процентные платежи. Предпринимательским способностям в таких странах тоже не дают реализовывать свой потенциал, разве что в искореженных подпольных формах. Поэтому по доходам певцу Кобзону в СССР не могли составить конкуренции собственники всех трех «несоветских» ресурсов. Социалистический распределительный принцип «От каждого – по способностям, каждому – по труду» (а не «по труду, земле, капиталу и предпринимательским способностям») делал артистов с уникальным талантом (плюс с такими же выдающимися способностями приспосабливаться к особенностям Системы) исключительными людьми – и по материальному богатству, и по ощущению своей избранности. Выходило, с другой стороны, что советский строй возносил наиболее выдающихся деятелей искусства, в число которых входил Кобзон, на недостижимую для абсолютного большинства соплеменников высоту достатка и самооценки. Когда на постсоветском пространстве начали переходить к рыночной экономике, появилось много богатых и очень богатых людей из числа владельцев трех экономических факторов, не связанных с ресурсом «труд». Относительно этих «нетрудовиков», доходы, имущество и статусность советских звездных артистов поблекли и до определенной степени девальвировались. В тех странах, где рыночные отношения давно укоренились, никакой Фрэнк Синатра, Майкл Джексон и прочие суперстары (как и самые выдающиеся, даже нобелевские, «трудовики»: ученые, писатели, композиторы и т.п.) по доходам и сбережениям никогда не становились и не станут вровень с такими бизнесменами, как Билл Гейтс, Уоррен Баффет и другими фигурантами первой тысячи рейтингового списка журнала Forbes. Если бы в СССР выпускался аналогичный финансово-экономический журнал, то в первой топ-сотне, наоборот, были бы композиторы, артисты, писатели, ученые и прочие репрезентанты ресурса «труд». Хорошо это или плохо – тема для отдельного многотомного труда, сродни «Капиталу» К.Маркса. Смеем предположить, что в начале постсоветского перехода к рынку, когда ни Кобзон, ни его сын (ныне владелец риелторской и пивоваренной компаний), ни другие его

родственники еще не развернули предпринимательской деятельности, певцу показалось, что подобное положение дел - это плохо. Чем не причина тоски по утраченной советской родине? Кроме того, появилось немало безголосых «фонограммщиков», которые, мечась по концертам и корпоративам, стали «зашибать бабки» не меньшие, чем настоящий голосистый труженик Кобзон. Он продолжал получать «по труду», нувориши от искусства – «по фанере». Как тут не сравнивать с СССР, где всякие имитаторы относительно Кобзона были пигмеями, знали свое место и не лезли со своим кувшинным рылом в калашный ряд?

Еще одним поводом кобзоновской ностальгии по СССР может быть тогдашняя советская цензура. Парадокс состоит в том, что, судя по тогдашним его высказываниям, цензура ему не нравилась. Из его уст мне довелось выслушать немало нецензурных (и в плане политическом, и в смысле обцененной лексики) заявлений и выражений, дискредитирующих навязчивые и фальшивые советские идеологемы. Но та же цензура делала из известных советских артистов настоящих кумиров и небожителей. В артисте, как в женщине, должна быть тайна, пусть он даже мужчина. Самое интересное, что в этом вопросе интересы артистов совпадали с интересом тех, кто способствовал сотворению ореола таинственности, сакральности небожителей Олимпа, на котором царили музы. Почему? Да потому что досужие «писаки» по аналогии могли бы дойти до перемывания косточек обитателей политического Олимпа... Мне кажется, Кобзон после демонтажа советской цензуры больше проиграл, чем выиграл. Например, в кировоградской гостинице «Киев» он своим авторитетом продавил совместное проживание в одном номере с Людмилой Сенчиной, которая была замужем за з.а.РСФСР, но другим – Вячеславом Тимошиным. Обычно, когда соскучившиеся по женскому обществу гастролеры незаконно проводили к себе на ночь «девочек», они изощрялись делать это незаметно. Например, несколько из них плотным полуколыцлом обступали дежурную по этажу и засыпали ее всякими просьбами и вопросами, а в это время за их спинами товарищи по «кобеляжу» проводили в номера стайку ночных бабочек. У артистов для подобных акций давно было придумано название «Операция Константин Заслонов» (по имени героя-подпольщика, прославленного в одноименном фильме). Но Кобзону с его звездным статусом уже претила такая унижительная конспирация, и он в провинции открыто шел на штурм советских норм проживания в гостиницах (о нормах морали писать-судить не берусь). Конечно, администратор гостиницы сначала заарта-

чилась, позвонила Елисаветскому: не положено, мол. Несколько озадаченный Шая попросил передать трубку Кобзону, который твердо и ультимативно отрезал: «Александр Ильич, у нас творческое содружество». Когда гостиничная начальница вернула себе трубку, Елисаветский, то ли просительно, то ли извинительно, но, тем не менее, с напором заявил: «Ну, пусть себе дружат!» С заместителем директора филармонии, перманентно поселявшимся в нередко пустующие люксы «Киева» множество артистов, гостиница конфликтовать не хотела, поэтому проблема, хоть и с ворчанием, была решена, дружба победила.

Вскоре о совместном проживании в гостиничном номере Кобзона и Сенчиной узнало немало кировоградцев, но Неля и Слава, супруги сладкой парочки, вряд ли. Будь в те времена неподцензурная, прежде всего желтая пресса, тогда бы – наверняка, а с ними – еще пару сотен миллионов потребителей медиа-продукции. Впрочем, Нинель Михайловна и так обо всем догадывалась. Гена Майский, привозивший в нашу область наибольшее количество звездных концертных бригад, рассказывал мне, как жена Кобзона выговаривала ему за то, что он подозрительно часто сводил ее мужа в одних гастрольных турах с «этой с..й Сенчиной». Не знаю, как она и прочая родня Иосифа Давыдовича стала реагировать на посыпавшиеся на него в постсоветское время обвинения в связях с русской мафией, но, думаю, здоровья и оптимизма ни певцу, ни его семье скандальные новости не добавили. Может, редко кто узнал бы о том, что уже на протяжении 18 лет певцу отказывают в американской и некоторых других визах, да только вездесущая пресса давно все пронюхала и смакует пикантные подробности во всех СНГовских медиа. Конечно, положительных материалов, работающих на то, чтобы выдающегося певца обессмертить, было больше. Но, как говорится, ложка дегтя портит бочку меда. Поэтому, полагаю, все катящие на него бочку «щелкоперы», «бумагомайки», «либералы проклятые» и прочее «чертово семя» ему, как и бессмертному гоголевскому персонажу, не очень-то по душе. Он, как Городничий, не может себе позволить публично заявить: «Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех да черту в подкладку! в шапку туды ему!» Как бывший боксер, Кобзон держит удар и сохраняет лицо.

Но, по нашей теории относительности, советская подцензурная пресса, подозреваю, для него предпочтительней нынешней, раздевающей догола, публично стирающей грязное исподнее и перемывающей косточки тем, кто еще совсем недавно был исключительно в белых одеждах и относился к белой кости, по крайней

мере, в представлениях большинства простых людей, чьей признательностью и любовью Кобзон так дорожил. А он, как мне показалось, был очень безразличен к тому, что о нем думают широкие массы поклонников. Он, например, наладил постоянную своевременную пересылку ему в места проведения бесконечных гастролей поступающей на московские адреса (редакции, концертные организации и т.п.) письменной корреспонденции. Он несколько раз при мне выносил из гостиниц пачки писем, чтобы читать их в машине. Одна из таких читок между Светловодском и Александрией надолго запомнилась мне, как, возможно, и сидевшей рядом с ним Сенчиной. Гастроли в Светловодске закончились, и мы, переночевав в «Славутиче», должны были к полудню приехать в Александрию на продолжение концертного марафона по Кировоградской области. В качестве прощального мероприятия был заезд в рыболовецкую бригаду на уху. Рыбный суп удался рыбакам на славу. Не знаю, какая это была – тройная или четверная уха, но ничего вкуснее и наваристее я потом нигде не едал. Кобзон и Сенчина тоже искренне нахваливали похлебку. Сев в машину, Кобзон достал пачку писем и стал по очереди их читать. Естественно, про себя. И тут на одном из них, столь объемном, что оно едва вошло в стандартный конверт, он начал слегка похмыкивать. Прочитав, наконец, пространное эпистолярное послание, певец предложил нам послушать его содержимое. Писала какая-то жительница Новосибирска, но по многим пассажам и выражениям легко угадывалось ее украинское происхождение (или этническое, или территориальное). Кобзон, в качестве интродукции, рассказал нам, что ему частенько приходят письма от не совсем адекватных людей. Это как раз был тот самый случай. В начале письма женщина поздравляла Кобзона с праздником 8 Марта. Вы наш «жіночий співак» – утверждала поклонница, аргументируя это тем, что он поет немало песен о матерях, женщинах вообще, что все женщины его обожают и т.п. Главное, почему он решил озвучить письмо, была очень редкая для советских времен и потому крайне удивительная для артиста осведомленность жительницы далекого Новосибирска о творческих и производственно-бытовых подробностях жизни певца. Шло подробное и хронологически выдержанное перечисление фактов членства артиста в КПСС, разных комитетах и комиссиях, поздравление с окончанием коммунистом Кобзоном Университета марксизма-ленинизма при московском горкоме партии... Уже было смешно. Я во весь рот улыбался, а Сенчина начала похихикивать. Мы не подозревали, что самое потешное – впереди. Вдруг после констатации оче-

*Людмила Сенчина
на сцене Кировоградской
филармонии*

редного события в биографии артиста, шло выдержанное в одной рифме «поэтическое» вкрапление: «Чок, чок, чок,/Прискакал бурундучок,/Схватил Йосю за бочок!» Не знаю, как Йосю, но наши бока стали хватать колики от первого приступа смеха. Дальше адресант, как ни в чем не бывало, продолжала с удивительной достоверностью излагать новые детали и перипетии жизни «жіночого співака», но в качестве «оживляжа» вновь снабжала письмо новой поэтической вставкой: «Очка, очка, очка,/Прискакала белочка...» Завершение этого весьма сомнительного по ударениям, рифме и размеру рефрена утонуло в новом взрыве смеха. Сергей, водитель Светловодского горкома комсомола, высокий, здоровый мужик, от смеха еле удерживал старенькую «Волгу» «ГАЗ-21» на слякотном снегу. Ему надо было гнать во весь опор. До начала первого александрийского концерта оставалось очень мало времени. Он уже дважды останавливался: Кобзона после очень жирной ухи слегка подташнивало, и артист выходил на небольшие прогулки по обочине, чтобы подышать свежим воздухом. Третьей «поэтической» инкрустации педантичного и очень информативного текста я не запомнил. Помню только, что заливавшаяся хохотом Сенчина взмолилась: «Иосиф, прошу тебя, сейчас же прекрати – у меня глаза потекут!» На ней был концертный мэйк-ап, и перекрашиваться времени и условий уже не было.

Мы таки чуточку опоздали, концерт начался с небольшой задержкой. Сенчина, выручая приболевшего друга, взяла на себя немного БОльшую сценическую нагрузку. За один концерт она, конечно, не смогла вернуть «должок», накопившийся за время всех предыдущих совместных выступлений, когда Кобзон щедро пел за двоих, выпуская Сенчину не более, чем на 5-6 песен, хотя певица получала зарплату за полный сольный концерт. Но, отдавая должное ведущей солистке Ленинградского Концертного Оркестра под управлением Анатолия Бадхена (на тот момент она из Ленинградского театра оперетты уже ушла), работала Людмила Петровна великолепно. Её фирменная песня-визитка тех времен «Золушка» неизменно взрывала зал бурными овациями. О хрустальных башмачках она, «хоть поверьте, хоть проверьте», пела хрустальным

Возле с потемкиным счастьем
26.03.1978, *Григорий Рабин*
Н. Семин

Возле служебного входа в Кировоградскую филармонию

голосом. Подобно Золушке, она была на сцене удивительно естественна и непосредственна. А как чисто и проникновенно исполняла она акапельные вещи! Пела она в концерте, надо признаться, мало произведений, зато жанрово они были очень разнообразны. И исполняла она их с одинаковым блеском и редкой выразительностью чувств, по-женски очень нежно и тепло.

Следует также отметить, что на тот момент популярность Сенчиной была ничуть не меньшей, чем у Кобзона. Дело в том, что певица вместе с Федором Чеханковым в 1970-х вела очень популярную телепередачу «Артлото», успела сняться, и довольно успешно, в ряде кинокартин («Шельменко-денщик», «Волшебная сила искусства» и др.). Перед самым началом кировоградских гастролей на экраны вышел советский широкоформатный художественный фильм «Вооружен и очень опасен». Кроме острого сюжета и песен Высоцкого, очень кассовым и рекордным по прокату фильм делали неожиданно смелые для того времени постельные сцены с участием Людмилы Сенчиной. После этого фильма, где в очень откровенных для пуританских советских кинокартин кадрах засветилась обнаженная грудь артистки, ее можно было смело зачислять в разряд самых сексапильных женщин отечественного кинематографа. Глядя на глубокое декольте ее концертного платья, зрелый и опытный Елисаветский несколько раз с придыханием говорил мне: «Какое тело, нет, ты посмотри, какое у нее тело!» Позже я прочел у Семена Альмана фразу, посвященную

Людмиле Сенчиной: «В красивом теле красивый звук». Может, некоторая часть мужской половины публики приходила на концерты именно за тем, чтобы посмотреть на секс-символ советского кино (как в том анекдоте: «Нэ нада пэть, ты только хады туды-сюды»), но покидали они зал, уверен, с мнением о том, что Сенчина прежде всего – незаурядное вокальное дарование, а ее актерские способности – всего лишь дорогая оправа редкого певческого таланта.

Кстати, Кобзон время от времени по-дружески подтрунивал над ее кинематографической известностью. Иногда – не совсем куртуазно. Когда перед началом кировоградской части гастролей в коридоре служебного входа филармонии появился фотокор Василий Гриб, я предложил звездной паре выйти из помещения и сфотографироваться при дневном освещении. Сенчина заартачилась, ссылаясь на то, что еще не успела сделать концертный макияж. Кобзон, не церемонясь, стал, как бы дурачась, тащить ее за руку к выходу с шутливым, но мне показавшимся обидным, попутным: «Ты, кинозвездочка, не кокетничай, когда тебя люди просят!» Впрочем, о чувствах всегда мягкой и улыбчивой Сенчиной в тот момент (то ли от ненакрашенности, то ли от амикошонской шутки друга) пусть сам читатель судит по выражению лица певицы на предложенном фото из иллюстративного ряда.

Запомнился еще один аналогичный эпизод. Во время уже упомянутого обеда в Александрийском ресторане я спросил Кобзона, откуда он родом. Вопрос был неслучаен, потому что по Кировограду давно гуляли слухи о том, что певец – наш земляк, родился, мол, на Кировоградщине. Артист пояснил, что он родился и первые годы жизни провел в г. Часов Яр Донецкой области. Просто в Гайворонском районе живут его родственники. И в самом деле, потом на один из его кировоградских концертов приехала вся гайворонская ветвь родословного древа артиста. Дирекции филармонии, по просьбе певца, пришлось доставить в ближний к сцене проход зрительного зала целый дополнительный ряд стульев. Закончив рассказ о городе своего детства, Кобзон вдруг, лукаво поглядывая на Сенчину, шутливо произнес: «А вот она – селочка! Родилась в селе...» – название села сразу вспомнить не удалось, поэтому он попросил Сенчину подсказать – «В каком селе?» Подруга улыбнулась и стала крутить кистью у виска, приглашая Кобзона воспользоваться своеобразной подсказкой для глухонемых. Феноменальная память артиста в этот раз его подводила. «Сейчас скажу, только в паспорт загляну» – пообещал мне Иосиф Давыдович. Он прервал еду и потянулся за сумочкой Сенчиной. Но та

вскочила с сумочкой из-за стола. Отбежать ей не удалось. Кобзон моментально настиг ее и отнял сумочку. Когда оба возвратились к столу, он достал из нее паспорт и прочел: «Ну вот, село Кудрявцы, Братский район Николаевской области». Все это дурачество было всего лишь забавной игрой, развлечением, без малейших покушений на реальное снобистское противопоставление уроженцев города и села.

Мягкая, уступчивая Сенчина никогда серьезно не реагировала на псевдо-солдафонские шуточки и гламурную матерщинку Кобзона. Вообще у артистки было мало оснований обижаться на Кобзона. Щедрый Иосиф задаривал Люсю всем тем, что ее тогда очень интересовало и радовало. Наполовину (по матери) цыганка, она ничего у Кобзона не «цыганила», он сам был отлично осведомлен о ее потребительских вкусах и запросах и сам был инициатором их удовлетворения по доступному максимуму. С нашей комсомольской помощью он возил ее по базам и ювелирным магазинам, скупая в больших количествах дефицитные вещи, и в первую очередь, французскую косметику и бриллианты. После их визитов оставался длинный шлейф обсуждений, что и на какую огромную сумму было приобретено Кобзоном для Сенчиной. В год приезда к нам на гастроли (1978) Сенчина сравнялась с Кобзоном в звании «Заслуженный артист РСФСР», но до развала Союза она в этом отношении большего не достигла. Она, правда, стала «Народной», но уже не СССР, а России (2002), поэтому включение Сенчиной в данный раздел – небольшая натяжка, думаю, простительная, с учетом совместного концертного (и не только) тура с Кобзоном. В последнее время певица ведет совсем небогатый образ жизни. К сожалению, ее почти не видно и не слышно, несмотря на то, что она, на удивление, хорошо сохранила свой чистый и нежный голос.

Благодаря Иосифу Кобзону я познакомился с весьма интересным человеком – Лидией Киреевой. Зачем певец во второй свой приезд в Кировоград в начале 1980-х взял с собой в гастрольную поездку тещу своего друга, поэта Роберта Рождественского, я не выяснял. Когда-то она работала в театре, поэтому и на пенсии оставалась заядлой театралкой. Я, как мог, старался не ударить лицом в грязь при обсуждении близких ей тем. По-моему, мы с Лидией Яковлевной оказались интересными друг другу собеседниками. После ее возвращения в Москву мы возобновили наше общение, но уже в эпистолярном формате. В своих письмах она рассказывала о различных событиях культурной жизни и своем в них участии. Несмотря на свои 82 года, она была чрезвычайно

мобильной женщиной. То она писала о поездке с дочкой и зятем в Париж и запомнившимся ей шоу в знаменитом кабаре «Мулен Руж», то о вояже в лучший, с ее точки зрения, Свердловский театр оперетты на 400-й спектакль «Тетка Чарлея» и 150-й спектакль «Старые дома». В одно из своих посланий я вложил подборку собственных стихов и попросил отдать ее на рецензию Роберту Ивановичу. Вместо рецензии она в качестве компенсации выслала мне две книжки стихов зятя и извинения за чрезмерную загруженность зятя. Зато предложила мне краткий отзыв жены поэта Аллы Борисовны Киреевой (который был вложен в конверт). Лидия Яковлевна писала: «Моя дочка – критик поэзии, член Союза писателей. Вы можете ей верить». Еще бы, не верить самой Алле Киреевой, чьи критические разборы я время от времени читал в постоянно выписываемой «Литературной газете»! А теперь сам отзыв Аллы Борисовны: «Рукопись я прочитала, ну, что сказать? Он – человек не без версификаторских способностей, но чувствуется отсутствие школы. Он правильно мыслит, легко рифмует, но стихи не говорят о его собственной личности ничего. А ведь интереснее всего – личность поэта. Я думаю, что Робу показывать нет смысла, сама знаешь, сколько у него работы и сколько рукописей ждут. Автору посоветуй отшлифовать сказку о Балде, пусть пошлет в «Крокодил»... Дальше у Аллы Киреевой шли конкретные рекомендации по отдельным моим стихотворениям, куда, какие и в каком порядке направлять – авось опубликуют. Забегая вперед, скажу: никто ничего из той подборки не опубликовал. И правильно сделали. Перечитывая сегодня те поэтические опусы, я со стыдом думаю: неужели эту белиберду написал я? Спасибо, Иосиф Давыдович, что Вы свели меня с людьми, которые не кривили душой! Спасибо, Алла Борисовна, за то, что Вы открыли мне глаза на собственную личность в поэзии, уберегая тем самым от легкой покатиистой дорожки вниз к высотам поэтической графомании!

Примадонна

На десерт предлагаю читателям воспоминания о другой, куда более известной Алле Борисовне – Пугачевой. Она вскочила в последний вагон – стала последней, кому было присвоено, по нынешним меркам, винтажное звание «Народный артист СССР». И было это 20 декабря 1991 года, когда первый вагон поезда под названием «Советский Союз» уже втягивался локомотивом истории в бесконечный, без проблесков света в конце, туннель забвения. Концерты Пугачевой прошли у нас в конце октября – нача-

ле ноября 1977 года. Исключительно в Кировограде. Она не хотела разрывать недельные гастролы на утомительные переезды, смену гостиниц и прочие неудобства кочевой артистической жизни. Еще в предварительном телефонном разговоре она предупредила, что больше двух концертов в день она ни за что работать не будет. То, что среди всех артистов советской эстрады Пугачева в то время была «номер один», – знали все. Поэтому мы прекрасно понимали, что далеко не всем страждущим ее послушать посчастливится попасть в Кировоградскую филармонию и что уговаривать артистку удостоить своим пением еще какой-нибудь город области особых шансов и смысла не было. Узнав об эксклюзивно кировоградской дислокации гастролей, Анатолий Диброва, другие работники Светловодского горкома комсомола шибко на меня обиделись. Пришлось оправдываться и утешать пионеров комсомольского арт-предпринимательства нашей области: мол, в следующий раз – непременно, в первую очередь... Увы, следующего раза не получилось. Толя, прими мои запоздалые извинения!

Начало кировоградских гастролей певицы совпало с главным комсомольским праздником – Днем рождения ВЛКСМ. Кроме комсомольских работников, на второй, вечерний концерт Пугачевой явился весь бомонд кировоградского областного партхозактива. Руководство обкома комсомола решило на этот раз получить от своей концертно-коммерческой деятельности не только материальную выгоду, но и моральные дивиденды на вложенный арт-капитал. Первый секретарь Алексей Скичко выделил мне свою служебную машину, чтобы я «слетал» в его кабинет за букетом гвоздик, а секретаря обкома комсомола по пропаганде Валерия Мальцева попросил выйти перед началом концерта на сцену и сказать звездной гостье несколько соответствующих случаю теплых слов, а заодно сделать рекламу областному комитету комсомола. Валерий Викторович начал с того, что Кировоград по приглашению комсомола уже успело посетить с концертами немалое количество очень популярных артистов, но никого из них мы не ждали с таким нетерпением, как вас, уважаемая и всеми любимая Алла Борисовна. Вы, мол, на День рождения комсомола устроили всем, не только комсомольцам, настоящий праздник, и т.д. За дословное изложение приветствия своего отраслевого секретаря я, «за давностью срока», не ручаюсь, а вот ответное благодарственное слово певицы мне запомнилось хорошо. Особенно врезался в память такой пассаж: «Мне уже исполнилось 28 лет – я из комсомольского возраста вышла, но я обещаю – как там у Пахмутовой с Добронравовым, «Не расстанусь с Комсомолом, буду веч-

*Алла Пугачева на сцене
Кировоградской филармонии.
Осень 1977 года*

но с молодым!» Как в воду глядела... Сначала был Киркоров, потом Галкин. Если так пойдет и дальше, то следующим ее спутником жизни может стать уже не молодой человек, а юный. Впрочем, шутки в сторону. Примерно в этом духе (по поводу неуместной шутливости) мне потом выговаривал Алексей Скичко, предположивший, что это я вложил в уста Пугачевой идеологически скользкий парафраз. Один лишний союз «с» – и плакатная цитата из культовой комсомольской песни превратилась в стёбный каламбур, вызвавший непочтительный по отношению к ВЛКСМ смешок в зале. Я оправ-

дывался в духе «Я не я, и фраза не моя». Пугачевой хватало своего чувства юмора, но еще больше – бесшабашной отваги, которая иногда ей вредила, но, по большому счету, помогала делать из нее самую любимую народом певицу. Конечно, главным ингредиентом ее популярности был несравненный голос. Он напоминал выдержанное коллекционное вино удачного урожайного 1949-го (год рождения певицы), достигшее своей элитной винтажности со своими неповторимыми оттенками аромата и вкуса. Как и в случае с Кобзоном, ранняя Пугачева времен ее первых записей для программы «С добрым утром!» Всесоюзного радио (песня «Робот»), сотрудничества с радиостанцией «Юность» в конце 1960-х (песни «Как бы мне влюбиться» и «Не спорь со мной»), первых выступлений на телевидении в детской программе «Будильник» меня не особо впечатляла. Даже в 1977 году она еще не вышла на пик своих голосовых данных и актерского мастерства, которого, на мой взгляд, она достигла в начале восьмидесятых, хотя фактически взошла на эстрадный трон несколькими годами раньше.

В первые постсоветские годы ее начали называть Примадонной российской эстрады. Я считаю, что это народное звание вполне можно было присвоить ей еще на взлете артистической карьеры. Во-первых, уже в середине 1970-х она была первой по популярности на отечественной эстраде. Во-вторых, согласно давней устоявшейся традиции, с этим неформальным титулом ассоциируется капризное, непредсказуемое поведение первенствующей

щей в чём-либо артистки. Отсюда и соответствующее идиоматическое выражение – «каприз примадонны». О непредсказуемости Пугачевой я слышал от многих гастролеров, но приведу пример, основанный на том, что она сама мне поведала. Однажды ее пригласили выступить на торжествах по случаю выпуска слушателей Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Петь, как оказалось, пришлось прямо в банкетном зале. На второй или третьей песне, когда после второй или третьей рюмки офицеры и генералы продолжали шумно закусывать и постукивать столовыми приборами, Пугачева вдруг прервала пение, выдержала небольшую театральную паузу и, не сдерживая эмоций, сказала в микрофон притихшему залу: «Эй вы, солдафоны, я привыкла петь для тех, кто слушает, а не для тех, кто кушает!» После этого скандала ее долго никто никуда не приглашал, а начальство из Росконцерта еще долго щемило ее по совету вышестоящих партийных органов. Подобную непредсказуемость и «оторванность» можно считать еще одной составляющей ее популярности. Она часто забывала о тормозах. Все остальные помнили, боязливо оглядывались на начальство, прислушивались к внутреннему цензору, прикидывали, что и как может отразиться на дальнейшей сценической карьере, а она – нет. Этот феномен «пугачевского бунта» при мне обсуждали Геннадий Хазанов с Лионом Измайловым, когда мы прогуливались по светловодской набережной. Они высказали примерно такую мысль. Не только артисты, но и все советские люди были в своей основной массе запуганными конформистами, которых Система прихватила массой крючков (очередями на квартиру, членством в идейных общественно-политических организациях, без которого не сделать карьеру и т.д. и т.п.). Им тоже порой хотелось взбрыкнуть и встрепенуться, да только крючки могли еще глубже и больнее впиться в грешное тело. И тут вдруг появляется человек, хрупкая женщина, которая от всех и за всех публично бросает вызов Системе – и репертуаром, отражающим реальные устремления и чаяния простых людей, а не иллюзорные идеалы, и нежеланием постоянно бояться, прогибаться и ходить на полусогнутых. Никто на эстраде на это решиться не может, а она – запросто. «Вот этим шилом Алка всех и достает!» Закавычил, потому что эта образная и резюмирующая фраза Хазанова четко врезалась в мою память. Когда зрители шли на ее концерты или спешили прильнуть к экранам телевизоров, всегда был элемент саспенса, ожидания, что Пугачиха выкинет какой-нибудь фривольный фортель или, как минимум, споет что-нибудь необычное, может, даже крамольное. Как, например,

на заводе «Пишмаш». Я туда вместе с ней съездить не смог (что-то срочное было на работе), но Елисаветский рассказывал мне, что она, увидев восторженный прием заводчан, «ляпнула»: «Ну, вы меня встречаете, как Лёню Брежнева!»

Когда я работал в Кировоградской СШ №14, к нам на партсобрание пришел заведующий отделом пропаганды горкома партии А.И. Ницой. Мне, молодому учителю, кандидату в члены КПСС, поручили выступить. Темы выступления не помню, зато хорошо запомнил, как после собрания Анатолий Иванович выговаривал мне за то, что я в своем выступлении употребил словосочетание «наш лидер Брежнев». «Лидером, – пояснял он мне, можно величать руководителя какой-нибудь несоциалистической страны. Брежнева же надо называть не иначе как «Генеральный Секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев». После официальных титулов можно еще добавить «дорогой», но во внутрипартийной среде такой личностный эпитет можно и не употреблять. Это я опять вспомнил для тех, кто о советских временах знает только понаслышке. Народная молва приписывала Пугачевой и многое то, что она и не замышляла делать. Например, песню «Эй, вы, там, наверху!» многие пытались трактовать как «фигу в кармане», как вызов высоким партийным бонзам, хотя на самом деле никаких диссидент-

ских аллюзий текст хита периода начала Перестройки не содержал.

Если кто-то думает, что молодая Пугачева – типичная представительница беспорядочного, богемного образа жизни или того больше – отмороженная выскочка, то он ошибается. Во-первых, мне запомнился ее рассказ о том, как она, студентка музыкального училища, пребывая на практике в общеобразовательной школе, заставила школьников приходить на уроки пения в чистых накрахмаленных воротничках и манжетах, а мальчиков – в свежестыриганных рубашках, как

*Алла Пугачева в кулисе
Кировоградской филармонии перед вы-
ходом на сцену.
Осень 1977 года*

она строго за этим следила, какой идеальный порядок навела при преподавании предмета, во время которого класс обычно ходил на головах. Она гордилась тем, что после окончания практики под окнами ее квартиры бывшие подопечные собирались и скандировали: «Алла Борисовна, вернитесь, пожалуйста, в школу! Мы Вас любим!». Подобный строгий порядок, как мне показалось, она навела и в сопровождавшей ее группе «Ритм», работавшей от харьковской филармонии. Когда она выходила к оркестрантам, расставившим на сцене аппаратуру и готовым к началу концерта, они перед первым концертом встречали ее приветствиями типа «Добрый день, Алла Борисовна!» Все, кроме устроителей ее концертов Михаила Соболя и Геннадия Майского (сейчас таких людей называют продюсерами), обращались к ней по имени-отчеству. Со мной, ее одногодком, она тоже до конца держала дистанцию «на вы». Только однажды она сорвалась, но это было обусловлено спонтанной нестандартной ситуацией. Во время исполнения песни «Всё могут короли» к певице на сцену выскочил изрядно выпивший щедущий мужичонка и начал возле нее пританцовывать. Большинство зрителей приняло его за подсадную утку (ну Алка и изгаляется!): еще бы, карикатурней ничего не придумаешь – в плаще, помятой шляпе, тем более что Пугачева во время музыкального проигрыша положила мужичку руки на плечи и, не моргнув бровью, сияя радостной улыбкой, стала кружиться с ним по сцене, постепенно продвигаясь к кулисе. «Держи его!» – отведя в сторону микрофон, успела зло крикнуть Пугачева и вручила мне пьянчужку. Она столь же динамично и артистично, уже с сияющей улыбкой, вернулась обратно на сцену для продолжения песни, а я стал удерживать дергавшегося в такт музыке и требовавшего «продолжения банкета» невесть откуда и как прорвавшегося на сцену поддавшего чудика в верхней одежде. После концерта Пугачева устроила работникам филармонии настоящий разнос. В, казалось бы, разухабистой бабе проснулся строгий фельдфебель. Она «построила» всех – от заместителя директора до рабочего сцены, пока не успокоилась извинениями и обещаниями, что впредь в филармонии такое на ее концертах никогда не повторится.

И все-таки время от времени вольные, богемные элементы поведения Пугачевой нет-нет, да и проявлялись в некоторых бытовых ситуациях. Однажды я стал очевидцем довольно комической сценки с участием Пугачевой и ее администратора Майского. Если бы кому-то постороннему сказали, что этот «пацан», который своей непредставительной subtilной внешностью как нель-

зя точно отражал данную ему артистами кличку Гвоздик, – устроитель концертов очень многих советских звезд эстрады, то он бы принял такое заявление как очень неудачный розыгрыш. Как этот бывший осветитель Одесской киностудии пробился к высотам подпольного продюсерства – для меня так и осталось загадкой. Один раз он вообще до такой степени удивил меня своей рассеянностью, что я не знал, что и думать об этой «акуле» квазирыночного советского предпринимательства. После одного из наших совместных обедов он забыл на ресторанном столике шесть с половиной тысяч рублей («Жигули» стоили меньше), завернутых в газетную бумагу. О свёртке он вспомнил только тогда, когда мы отошли пару кварталов от ресторана. Когда мы вернулись, столик еще был не убран, деньги нетронутыми лежали на прежнем месте. Но возвратимся к упомянутому случаю с Пугачевой. Тогда ее любимой пиктограммой, которую она добавляла к тексту автографов, было сердце с капнувшей из него каплей крови, а может, слезой. У Кобзона в первый его приезд на правом плече тоже было сердце, пронзенное стрелой, со стандартной блатной подписью «Не забуду мать родную». Ко вторым кировоградским гастролям он эту наклку свел. Не знаю, «свела» ли Примадонна со своих сегодняшних автографов прежний романтический символ, но тогда он очень ей нравился. Когда Гена Майский в кировоградском ювелирном магазине достал/купил ей с переплатой золотое сердечко (то ли на кольцо, то ли на кулоне – не помню) и вручил Алле, Пугачева настолько обрадовалась, что прыгнула Гене на руки и схватила его за шею. Тот еле успел подхватить артистку, но разность весовых категорий сделала картинку одновременно и смешной, и пугающей (говорящая фамилия, однако). Перегнувшийся вперед Гена из последних сил старался удержать Аллу, которая полущутя-полувсерьез приговаривала, что теперь поедет с ним на гастроль, куда бы он ее ни позвал. Обнявшуюся парочку носило от одной стены служебного коридора филармонии к другой. Пугачева разъяла руки и встала на ноги только после того, как Гена слегка врезался в стенку. На тот момент подобные физкультурные упражнения были для Пугачевой не очень-то приятны и безобидны. Но об этом я узнал позже, буквально за пару часов до ее отлета из Кировограда. На Москву Пугачеву (но только ее одну) с удовольствием согласилось взять руководство КВЛУ-ГА. Училище своим самолетом отправляло в столицу группу курсантов. После последнего концерта мы привезли гастролершу в Кировоградский аэропорт за час до вылета, но вдруг выяснилось, что рейс будет задержан. Из гостиницы артистку выписали, воз-

вращаться туда смысла не было, поэтому было решено скоротать это время в здании аэропорта, благо, поздним вечером его помещение было практически пустым. Водитель облисполкомовской «Волги», которая обслуживала певицу, быстренько смотался в город и в каком-то ресторане успел купить две бутылки шампанского. Получилось так, что сердечник Елисаветский и водитель «при исполнении» его почти не пили, так что обе бутылки, с растяжкой на 2 часа, мы с Пугачевой разделили практически на двоих. Она сделала из пробочной проволоочки венчик для помешивания и постоянно орудовала им в своем стакане. А я своими вопросами пытался извлечь побольше пузырьков из искристой памяти звездной собеседницы, притом очень интересной и, как мне показалось, столь же открытой и искренней. Ну не от опьянения же она вдруг стала рассказывать о своей главной на тот момент болячке. «Всё, что вы видели на сцене, – заявила Алла, – это подвиг с моей стороны!» Оказывается, каждое движение, например, те же танцы с пьяным зрителем, вызывали у артистки острые боли в суставах, прежде всего коленях. Она рассказала, как один профессор советовал ей поменьше двигаться, другое медицинское светило – наоборот. Она поверила стороннику хоть и болезненного, но активного образа жизни и поведения на сцене. Странно, но в дальнейшем, следя за жизнью и творчеством Пугачевой, я нигде и ни разу не встречал каких-либо упоминаний об этой ее болезненной проблеме. О чем только ни писали и ни вещали наши СМИ, но я не припомню, чтобы речь шла о каком-нибудь артрите, артрозе (и прочих недугах, причастных к болям в суставах).

Когда мы урывками, перескакивая с одной арт-персоны на другую, обсуждали ситуацию, сложившуюся на то время в советском шоу-пространстве, она произнесла одну сакраментальную фразу, которую я периодически вспоминал, наблюдая за перипетиями культурной жизни сначала СССР, потом – СНГ: «Мне бы еще лет пять продержаться!» Подразумевалось – на вершине эстрадного Олимпа. Это, напоминая, было сказано в конце 1977 года. Начиная со следующего, 1978-го, по 2002-й год включительно Пугачева, согласно опросам газеты «Московский Комсомолец», 12 раз становилась «Певицей года», а в 1999 году была также признана «Певицей века». Она, по-моему, превзошла славу Муслима Магомаева, особенно если учесть длительность пиковой популярности, а также композиторскую и шоу-продюсерскую составляющие ее оглушительного успеха. Муж Пугачевой конца семидесятых Александр Стефанович запустил в народ фразу, ставшую популярным анекдотом: «Брежнев – мелкий политический

деятель эпохи Аллы Пугачевой». Это, конечно, не более, чем шуточная гипербола, но подставь вместо Пугачевой фамилию любого другого артиста – и от анекдота ничего не останется, кроме чьих-то необоснованных притязаний на народную сверхпопулярность, на чужое место в истории. Кстати, Александр Стефанович одним из первых понял и умело использовал пиар-технологию (этого терминологического понятия у нас тогда в стране не было) запуска всевозможных сенсационных слухов о своей звездной супружке. Это в конечном итоге окупалось и в имиджевом, и в материальном отношении.

Кстати, об анекдотах. Пугачева знала массу анекдотов. И рассказывала она их так же по-актерски смачно, как профессионалы этого жанра – артисты-разговорники. Когда в аэропорту дело дошло до травли анекдотов и Елисаветский начал залезать в сексуальную тематику, Алла на соленые, приправленные матерком байки отвечала преимущественно политическими анекдотами, смягчая случавшуюся нецензурную лексику облегченными эвфемизмами типа сегодняшнего словечка «блин», да и те старалась произнести приглушенной скороговоркой. Такая сдержанность до застенчивости явно не дотягивала, но до определенной меры разрушала бытовавший в определенной части излишне простых людей устойчивый миф о «беспардонности и брутальности Пугачихи».

А еще многие поговаривали о том, что Алка поет исключительно под фонограмму. На одном из концертов Пугачевой, когда я стоял и слушал ее в открытых дверях бокового входа в зал, ко мне подошел известный в Кировограде хормейстер Олег Смолянский, которого обком комсомола периодически приглашал в жюри различных смотров художественной самодеятельности. Сначала он безапелляционно прошептал мне на ухо: «Дурят нашего брата: под «фанеру» поёт!» Прислушавшись, он засомневался – побежал за кулисы в надежде поточнее установить там истину. Такую челночную операцию «кулисы-зал» он совершил трижды, отчего окончательно запутался с выводом. Насколько я знаю, в Кировограде артистка пела вживую. В свои двадцать восемь лет, даже при двух концертах в день, Пугачевой вполне хватало горла работать без фонограммы. Это потом, гораздо позже, как мне кажется, она на концертах стала прибегать к помощи техники воспроизводства и подтягивания до нужной кондиции своего предварительно записанного пения. Но, повторяю, телевидение вполне может ввести в заблуждение самых искушенных слушателей и зрителей. А еще Олег Афанасьевич заподозрил Пугачеву в употреблении наркотиков. «Видал, какое у нее после концерта как буд-

то распаренное, но при этом белое лицо? Морфинистка! Я знаю, пришлось повидать таких! Вот чего она перед концертом закрывается в своей комнате с этим Мишей (Соболев. – Авт.)? Как пить дать, колется!» Я не стал с ним спорить, потому что и мне ее состояние перед началом концерта порой казалось не совсем обычным. Когда я что-то спрашивал, она смотрела на меня каким-то отсутствующим стеклянным взглядом, как будто мимо или сквозь меня. Ее администратор объяснял это тем, что артистка уже настраивалась на выступление и в такие предконцертные мгновения ее лучше не беспокоить, не отвлекать от вхождения в образ. Возможно, так оно и было. Не знаю, альтернативных версий выдвигать не берусь.

Когда наконец-то Пугачеву пригласили пройти в самолет, я пожал протянутую мне руку, а Елисаветский пошел проводить ее в салон «ЯК-40». Вернулся он совершенно обалдевший: «Она поцеловала меня! В губы!» Это был один из немногих моментов, когда я искренне позавидовал годившемуся мне в отцы компаньону по совместной комсомольско-филармонической организации концертной деятельности в Кировоградской области.

Во второй, и пока что последний раз я виделся с Пугачевой в начале февраля следующего, 1978 года. Я был в Киеве в командировке, а она – на гастролях. Я дождался ее у входа в гостиницу «Украина» (она тогда располагалась кварталом выше по бульвару Т.Шевченко от Бессарабки). Пугачева возвращалась со своего первого концерта в украинской столице. Из дверцы заднего сидения подъехавшей «Волги» первым выскочил Александр Стефанович. Он открыл переднюю дверцу, помог выйти из машины Пугачевой. Она держала в руках огромный букет цветов. Выждав, пока она раздаст автографы осадившим ее поклонникам, я подошел и на всякий случай представился. Кто ее знает: помнит не помнит? Сразу вспомнила (или сделала вид, что узнала). Отдала мужу букет и начала со мной разговор о Кировограде, о ее намерении выполнить данное у нас обещание – приехать еще. Подошел Стефанович. Она представила меня мужу, и наоборот. Знакомство ограничилось взаимными приветствиями и рукопожатием. Саша (так она представила мне Стефановича) стал напоминать жене, что на улице мороз, что она с разогретым на концерте горлом, что надо побереечь голос. Пугачева сначала отмахнулась, не мешай, мол, нашему разговору, но потом все-таки послушалась и пригласила меня зайти в холл гостиницы и договорить там. Разговор в основном крутился вокруг ее возможного второго приезда на кировоградскую землю. Она не только не возражала против такой пер-

спективы, но и сделала попытку перебрать в памяти варианты ее осуществления. Никакой конкретной «дорожной карты» не получилось, но принципиальная договоренность была достигнута. Сошлись на том, что обе стороны будут думать, как и когда реализовать новый гастрольный проект на практике. Увы, этот прожект ушел в виртуальный архив с пометкой «Миссия невыполнима». Пугачева тогда была нарасхват и, видимо, ее перехватывали другие области, предлагая более заманчивые опции левых гастрольных туров. Пугачева таки приехала и выступила в нашем городе. Но это уже была совсем другая история, в другой стране, с другим политическим и социально-экономическим ландшафтом, когда, перефразировав Тычину, можно было бы сказать:

«Дим-димок од Комсомолу,
Мов дівочі літа...
Не той тепер Кіровоград,
Інгул-річка не та».

Такий-от маркізет, мадеполам, малята...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Вероятно, не все читатели добрались до конца моего мемуарного сериала. Вполне объяснимо: кто-то мог не поверить в достоверность описанных событий, кому-то могли не понравиться мои пространные, порой непоследовательно-ассоциативные и, безусловно, весьма субъективные размышления о том или другом действующем лице и исполнителе. Было бы смешно, если б к таким читателям я выставил какие-то претензии. Здесь, наверное, уместнее извиниться («может быть, кого-нибудь обидел зря») и смириться с тем, что «мне не добиться от Вас того, чего добился мой друг Коля Остенбакен от польской красавицы Инги Зайонц».

Ну а тем, кто все-таки прочел эти записи до конца и так же остался неудовлетворен и разочарован, мой последний совет: «Воспоминания закончены – забудьте!»

Газета «Украина-Центр», №№ 26-32, 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
От автора.....	5
Страх и жаж.....	6
Не хочу быть кисою, не хочу – собакою!.....	16
Страна морских свинок.....	23
По главной улице с реестром.....	30
Охлажденные заметки о прошлом лете.....	44
Заметки на полях стран далеких и близких.....	58
И я там был, мед-пиво пил.....	121

Литературно-публицистическое издание

Борис Григорьевич Ревчун

«И я там был, мед-пиво пил»

Редактор: О. Березина

Технический редактор: В. Добробатько

Художник: О. Русина

Компьютерная верстка: О. Русина

ПВЦ «Мавик»

г.Кировоград, ул. Калинина, 28

тел.: (0522) 24-67-77

E-mail: mavik-kw@narod.ru

Свидетельство о внесении в государственный реестр
ДК № 419 от 12.04.2001 р.

Борис Ревчун родился 28 ноября 1949 г. в г. Кировограде.

В 1970 году окончил факультет английского языка Кировоградского пединститута, в 1976 – ВПШ при ЦК КПУ, в 1985 аспирантуру экономического факультета КГУ им. Т. Г. Шевченко.

Преподавал английский язык в школе, работал в комсомольских органах. С 1980 года преподает экономическую теорию, историю экономики и экономической мысли, английский язык в вузах Кировограда и Киева. С 1985 г. кандидат экономических наук. В 1997 г. проводил научные исследования в университете штата Мэн, США.

В настоящее время работает доцентом кафедры экономической теории, маркетинга и экономической кибернетики Кировоградского национального технического университета. Юмористические, сатирические произведения и карикатуры Б. Ревчуна широко публиковались на украинском, русском и английском языках. Он неоднократно печатался в таких тиражных и престижных газетах и журналах, как «Правда», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Труд», «Студенческий меридиан», «Перець» и т.п. Его бенефисы украшали такие издания, как журнал «Київ», газеты «Освіта України», «Правда Украины», (Киев), «Смешная газета» (Донецк), «Украина-Центр», «Ведомости», «Белая ворона» (Кировоград), «Интересная газета» (Нью-Йорк). Соавтор антологии смеха «П'яте колесо» (2002). В 2003 выходит его книга «Мініатюри без цензури», в 2005-м «Куточки зору». Многолетний постоянный автор раздела «Курень» газеты ВРУ «Голос Украины».

С 2005 г. – член Национального союза писателей Украины.